

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

ЦК ВЛКСМ

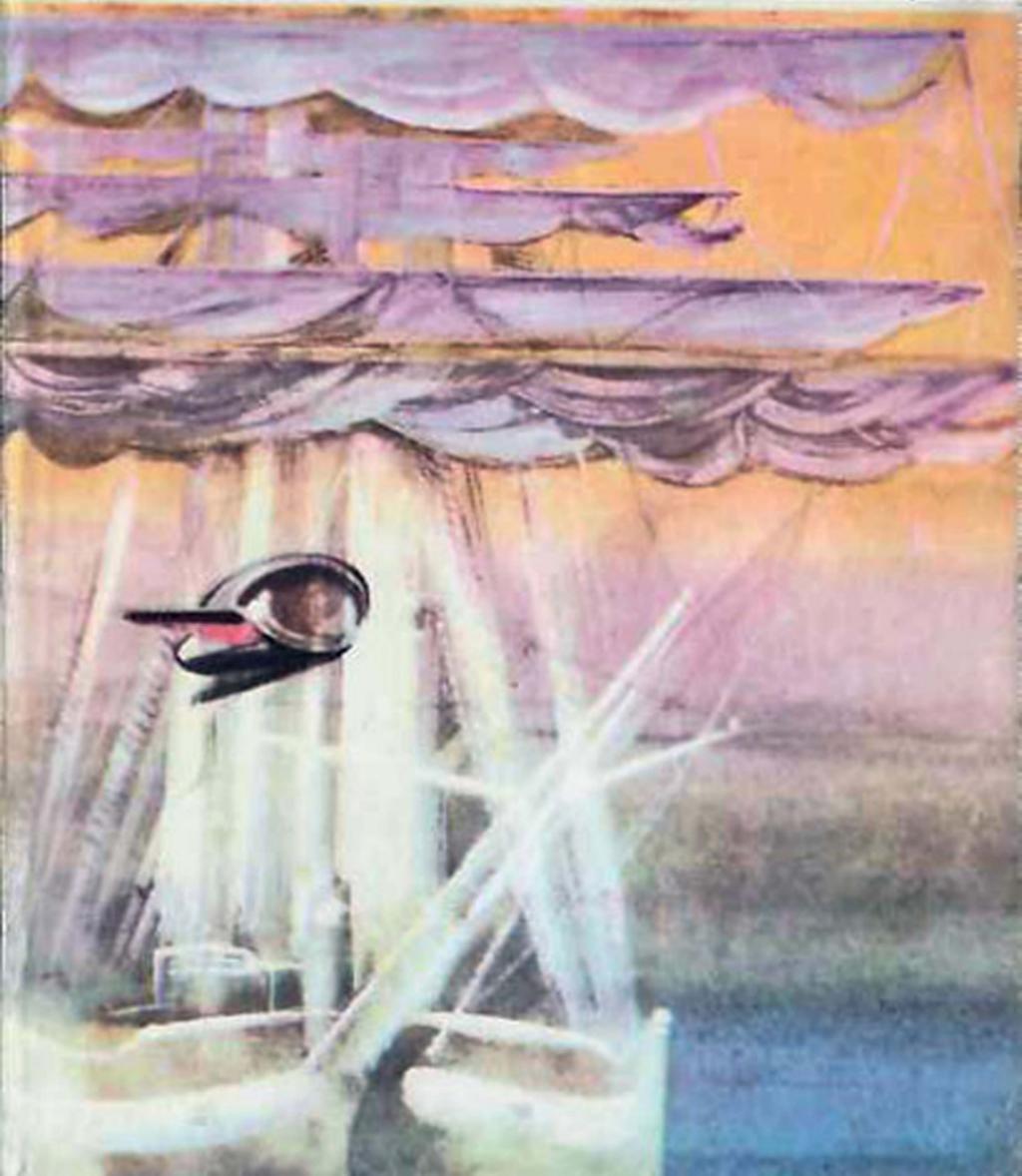
И

скатель

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

1

1980

Владимир ЩЕРБАКОВ

СЕМЬ СТИХИЙ

Научно-фантастический роман

Часть первая. «ГОНДВАНА»

В ПУТЬ

Город стал похож на светлое облако. Рядом угадывались громады сопок, они постепенно закрывали свет. Пологие черные спины их поворачивались, медленно выстраиваясь в ряд. «Гондвана» выходила из залива навстречу океану. Я стоял на палубе до полуночи. Ветер доносил с далекого берега дыхание осени, первых морозов, снега, выпавшего на горных

перевалах, свежесть леса. А над головой — высокие, по-южному яркие звезды.

Палуба незаметно опустела.

Я спустился в каюту, открыл окно-иллюминатор. В мой сон вошло светлое зарево города над морем, упывавшего куда-то далеко-далеко, на край света, и я силился вспомнить (тоже во сне, конечно), где же это я видел его? И темные спины прибрежных сопок и ровный блеск звезд?..

Сон кончился.

А за бортом что-то происходило: легко толкали корабль волны, и набегал порой шквал, и недремлющее море говорило и напевало голосами северных и западных ветров о тайнах и давних историях. И так, казалось, будет вечно: ни автострад, ни террапланов, ни башен из стекла, бетона и пластика. Ни редакционной суэты...

Под утро мне снова представился остров. Обычный остров, какой может каждому представиться. И шлюпка. Я погружаю в нее месячный запас провизии и на закате, когда море окаймлено прощальным багрянцем, отчалию от борта. Пусть будут долгие дни пути — я войду в синюю молчаливую бухту. Остров должен быть необитаем, примерно пяти миль в окружности. Он может быть гористым, с пещерами, скалами, гротами или, на худой конец, ровным как стол, но с пальмовой рощей и лагуной — там, в жемчужном венце прибоя, я искал бы устричные раковины, нырял за крабами, спасался от акул и осьминогов. Такой оборот событий казался особенно желанным, когда мне приходилось листать полузабытые книги. Частые прогулки в батискафе — роскошь, недоступная морским бродягам прошлых веков, — не могли излечить от легкой ностальгии. В конце концов, все отдаленные предки наши вышли из ласковых морских пучин, а кое-кто, у кого мозг побольше человеческого, успел и сумел вернуться в благодатные жизнеобильные края (дельфины, например, или косатки).

Итак, остров... Из бревен, выброшенных прибоем, я сколотил бы лачугу, крышу покрыл бы длинными листьями (вероятно, пальмовыми), прорезал бы два окна — одно, побольше, с видом на берег, другое, поменьше, выходило бы на склон, поросший кустарником. Из широкой доски сколотил бы стол, два стула, полки. Тетради, записные книжки исключительно из высушенных листьев (писать пришлось бы кисточкой, но чем больше внешних препятствий самому процессу письма, тем выше качество, уж это-то я знал твердо). И стол, и стулья, и полки пахли бы морем, водорослями, рыбой. Из камней я сложил бы камин. Наверное, пол был бы тоже каменный. Из скорлупы кокосового ореха вышла бы лампа, которую можно заправлять акульим жиром и ставить на камин или на стол темным звездным вечером. Под окном шуршали бы сухопутные крабы и ящерицы, выклянчивая подачку. В углу хижины лежали бы огромные связки сушеных плодов, вкус которых хорошо известен по многочисленным описаниям, — они мучнистые и сладковатые.

Эффект необитаемости — так я назвал про себя эту тягу к морю и безлюдному острову с пальмами и янтарными пляжами. Я отлично сознавал, что островов таких осталось немного. На больших, давно освоенных островах на каждого краба приходится два терраплана или эля. Но даже там, у берега, на дне, цвели еще первобытные сады. В подводных джунглях бродили

покрытые панцирями существа, ползали морские звезды, порхали рыбы-бабочки и как сказочные гроты и замки выселились громады кораллов.

Право на такую мечту есть у каждого. На то и воображение, чтобы ставить мысленные эксперименты. Иногда я ловил себя на желании узнать побольше о человеке по тому, как он относится к подобного рода замыслу.

Но я далеко не был уверен, найдутся ли у меня на «Гондване» единомышленники. Судно шло в свой пятнадцатый исследовательский рейс, следовательно, народ попривык к романтике. Океаны. Вулканы. Подводные хребты. Заповедные архипелаги. Флора и фауна всех континентов. Это их будни. Что мои воскресные прогулки на эле или месячные поездки! Я уж не говорю о тех островах, куда ни элям, ни террапланам приземляться не разрешалось.

Удивляли безлюдье, тишина, всеобщая неторопливость. «Гондвана» словно присматривалась к океану. Словно только так можно было понять его нрав, выведать тайны.

Учивые киберы сновали повсюду, но в общем-то старались не попадаться на глаза. Вскоре я понял причину: на борту «Гондваны» был Энно. Однажды утром мы познакомились.

Рассвет. Солнце вот-вот вынырнет. А пока становится все ярче алый свет над серой застывшей гладью. Я поднимаюсь на палубу и замечаю необыкновенное оживление. Поблескивая полированными боками, суетятся киберы. И каждый из них старается за двоих. (Может быть, так лишь казалось: механизм ведь точно рассчитан, из него не выжать больше того, что заложено создателем.) Откуда ни возьмись появляется статный бородатый человек. Всё не старик. Глаза пронзительно-светлые, серьезные. В рядах роботов замешательство. Кто-то падает. Живописная свалка, куча мала... Они бегут кто куда!

— Чтоб духу вашего здесь не было! — кричит бородатый человек и грозит им вслед кулаком.

Я не без интереса наблюдал сценку. Счастье в его руках точно живая. Пальцы у него длинные, ухватистые, подвижные. «Поработать не дадут, — ворчит он, — дармоеды, олухи царя небесного!»

Он ловко вяжет канаты, крепит их к электрической лебедке, осматривает планктонные сетки, донные тралы, какие-то сложные глубоководные машины затейливой конструкции и непонятного назначения, проверяет шланги, датчики, провода.

Неожиданно он оборачивается ко мне.

— Подходи, научу! Киберу это ни к чему, а человеку пригодится.

Я подошел ближе и стал внимательно наблюдать. Сказать по совести, я никогда в жизни не видел ничего подобного.

— Тридцать три морских узла — это первая ступень нашего ремесла, — сказал бородач как бы про себя. — Вот эти два троса, — он повысил голос, — связаны прямым узлом, это значит развязать его непросто, когда затянемся. Если тросы толстые, нужно обязательно вставить клевант, видишь? А вот рифовый узел развязывается быстро...

И он показал мне, как вязать канаты, как крепить трос за

скобу дрека, я узнал, что такое рыбаккий штык, найтовы, бензели, талрепы.

— Меня зовут Энно, — и он подал мне руку.

— Глеб, — представился я. — Журналист.

— Здесь все настояще, — не без гордости заметил Энно, — фалы, гордени, шлюпбакшаги, шкоты, стеньги, мачты — все из натуральных материалов. Пенька, рангоутное дерево, сталь. Где еще увидишь такое? Кое-кто ворчит, разумеется. Не без этого... Но мало ли чудаков на свете, не правда ли?

Мимо нас пробежал маленький голубой кибер. Энно вернул его, деловито оглядел, потом спросил:

— Ну-ка скажи, дружище, как вязать шкентель с мусингами? Кибер замигал и задумался.

— Отвечай, когда старшие спрашивают.

— Не знаю, — простодушно признался кибер. — Прошу извинить.

— Все в порядке, — сказал Энно, — исправен. Я их иногда проверяю: если сочинять начнет — значит, списывать надо с корабля.

— А без вас они справились бы?

— Может, и справились бы, да я не очень-то даю им экспериментировать. У них другой склад ума, да и практических навыков маловато. Боюсь, напутают.

Мы еще долго говорили, и я понял: он-то как раз не отказался бы побывать на острове! В тот день мы вышли с ним в океан на вельботе. («Гондвана» всю ночь шла к югу, а теперь остановилась над затерянной подводной долиной.)

Вельбот был очаровательно тихоходен и ненадежен. Энно расхваливал его мореходные качества так настойчиво, что я попробовал взглянуть на него другими глазами. И маленькая мечта об острове слилась с вельботом Энно: ничего другого мне и не надо было.

...Мы шли со скоростью около двадцати узлов и скоро вошли в полосу прозрачной лазурной воды, теплой, как парное молоко. Метрах в ста от нас послышался всплеск.

— Повезло! — закричал Энно и тут же стал готовить линь с большим крючком (единственное разрешенное орудие лова). На крюк он насадил макрель и держал его наготове. Вельбот он направлял так осторожно, что это стало напоминать настоящую охоту.

Теперь и я увидел: впереди, совсем рядом с нами, дремала гигантская манта.

Скат распустил крылья, и его плоское голубоватое тело казалось безжизненным, вялым, безвольным. Только выпуклые глаза, как я заметил секунду спустя, настороженно и смело разглядывали нас и нашу нехитрую счасть.

Макрель, насаженная на крючок, едва успела упасть в воду, в двух метрах от борта, как этот морской черт схватил ее. Рывок, линь натянулся, и его повело в сторону. Вельбот клюнул носом и пошел на поводу у пойманного нами ската. Нас слегка повернуло против ветра. Еще рывок. Линь пошел в другую сторону. Борт заскрипел, судно накренилось, и нас затрясло: в воде словно бы крутилось гигантское зубчатое колесо, неровно, но быстро. Нет, манта не тянула нас вперед или назад: она явно не хотела

катать нас бесплатно. Как строптивая лошадь, она брыкалась. Мы не видели ее, и потому нам казалось, что трос дергался сам собой. Мне стало не по себе. Кто знает, что там, в невиданных сумрачных глубинах, действительно происходит? Как бы нам самим не оказаться добычей!

Прошло несколько томительных минут. Скат уходил все глубже.

— Улов не по зубам, — заметил Энно и стал набивать трубку как заправский морской волк из кино. Скат сделал маневр и снова дернул линю. Энно удержался на ногах, но выронил трубку за борт. Вельбот наклонился и едва не зачерпнул бортом воды. Энно вытащил из футляра широкий нож, полоснул по натянутому, как струна, линю. Освободившийся от нагрузки конец стеганул по борту.

Наша охота закончилась неудачей, но я был доволен. Энно казался магом, единственным человеком, который еще умел управляться со шлюпками, парусами, якорями и тому подобными атрибутами морской старины. Я сказал ему:

— Только два средства передвижения подходят тебе, Энно.

— Какие же?

— Вельбот и машина времени.

...Вечер. Пустынное теплое море. Оно уснуло. Мы стоим на якоре, внизу слабо светится глянцевая вода, над ней возносится просторная палуба, освещенная огнями кают. А над головой негасимые огни звезд. Их лучи приходят из всех точек пространства и времени. В бескрайнем просторе свет от них бежал невидимыми дорогами, потому что те пути, которые были измерены и вычислены астрономами, успели стать далеким прошлым, пока небесные огни стали видны нам.

Около полуночи подул ровный, сильный ветер. Я хотел было уйти с палубы, да заметил невдалеке двух человек. Один из них был высок и худ. Я узнал Энно. Рядом с ним вспыхнул красный прожектор, луч его скользнул по палубе и ушел вверх. И словно растаял. Локатор, догадался я. Управлял им молодой человек, почти мальчик. Энно молча наблюдал. Я подошел к ним.

— Знакомьтесь, — сказал Энно, — навигатор всех наших автоматических аппаратов — зондов, батискафов, метеорологических ракет, глубинных буров.

Молодой человек приветливо, чуть небрежно кивнул.

— Мой ученик, — добавил Энно.

Еще один энергичный кивок. Опять вспыхнул багровый свет, как будто вокруг разлили красные чернила.

— Есть контрольный сигнал. Антенна в порядке, — негромко сказал навигатор.

— ...Глеб, Николай, — назвал Энно наши имена.

— Запуск? — догадался я.

— Есть поправки на влажность и температуру, — негромко произнес Николай.

— Запуск, — сказал Энно. — Сейчас поднимем заатмосферную станцию.

— Это она? — Я указал на овальный полированный контейнер, по крутым бокам которого скользили отсветы в такт движениям антенн.

— Нет. Это энергоемкость. Станция на корме.

— Готов к запуску, — сказал Николай.

— Сейчас поднимем. Не спиши... Где же моя трубка? — Энно растерянно мял в руках кисет.

— Мы утопили ее, — напомнил я.

— Да, это была манта! — восхищенно пробормотал Энно. — Нам сегодня повезло.

— Повезло манте, — уточнил Николай. — А не Энно Рюону, который во второй раз не находит своей трубы. Отсалютуем океану!

— В мои годы можно позволить себе роскошь быть немного рассеянным, — медленно, выговаривая каждое слово, произнес Энно и вдруг воскликнул: — Давай!

В тот же момент щелкнул стандарт времени. Заработал ионный двигатель. Словно легкая метель пронеслась по кораблю. Над водой возвысилась радуга. И сразу же померкла. Зеленое пятно, рассыпая искры, поднялось над нами, погасило на мгновение звезды и понеслось в небо, оставляя на воде мимолетные блики.

Николай прильнул к наблюдательному стеклу прибора. Я давно уже потерял станцию из виду, а он еще долго после этого следил за полетом.

— Все. Пропала... — устало и весело сказал он.

— Пора, — сказал Энно. — Теперь ее след останется только на ленте. Она слилась со звездами. С туманностями. И стала неразличима.

Я заглянул в хрустальную прорубь оптического индикатора. Что это?.. Там мерцала зеленая искра. Станция?

Они по очереди прильнули к стеклу. Долго совещались, пока зеленая точка ползла с севера на юг.

— Спутник? — нетерпеливо спросил я.

— В том-то и дело, что нет... — задумчиво проговорил Энно. — Спутники я распознаю, как людей. По облику. Да и он тоже... Николай.

— Другая станция?

— Ну нет! Сегодня это наш квадрат. И никому не дано права работать здесь. Нам дали совершенно крохотный участок, градус на градус, и притом на одни сутки, но отнять его никто не может.

— Посоветоваться с компьютером? — спросил Николай.

Энно поморщился, помолчал, потом сказал: «Ладно».

Едва слышное щелканье клавиш... Ноль — один, три — три, пять — два... шифр сектора, астрономические координаты, адрес оперативной и долговременной памяти. Ничего. Двадцать светящихся нулей.

— Адресует к центральному пункту, — устало и разочарованно сказал Николай.

— Вот они, компьютеры, — проворчал Энно. — Что в них зложиши, то и получиши, а когда надо... — и он безнадежно махнул рукой.

— Обращаться в центральный? — спросил Николай.

— Нет смысла, — ответил Энно, — скорее нам сообщат с континента, в чем дело. Будем ждать.

— Что бы это могло быть, как вы думаете?

Мой вопрос был чисто риторическим.

— Все что угодно, гадать бесполезно, — скороговоркой ответил Энно.

— Значит, мы не сильнее компьютеров, — съязвил я.

— Увы, нет. Не сильнее и не умнее, — вполне серьезно, с расстановкой проговорил Энно.

ПОПЫТКА РАССКАЗАТЬ О СЕБЕ

Когда-то давным-давно жил я в сказочном краю, где были горы и реки, озера и тайга, чистые снега и просторные морские заливы, так что куда ни иди — придешь обязательно к морю, к его берегу. До горизонта вода, весной синяя-пресиняя, над ней чайки да пролетные птицы. Несколько оттенков летней воды: синий, зеленоватый, голубовато-серый, свинцовый, серебристо-желтый, и все тона и полутона живые, объемные, потому что свет, проникая в глубину, заставляет сиять само море, и каждую волну, и каждый гребешок на ней.

Прилив быстрый, жестокий, пенний. В узкой расщелине многоводье долго терзало плоскодонку с пробитым днищем, лишь через несколько дней вынесло ее в открытое море. Чем не свидетельство морской катастрофы? И вот что странно: сколько бы книг ни прочитал я, сколько бы ни рассказывали бывалые люди о лихой судьбине, а вспомнишь море в бессонную ночь, и вот уж она — дырявая старая плоскодонка из далеких дней детства, и чужие слова и рассказы уступают ей место.

Отливы стремительные, щедрые. Освобождается километровое поле серого песчаного дна, вдруг возникают зеркала озер, ямы с водой, лужайки с бессильно повисшими на камнях водорослями, из-под ног улептывают коренастые прибрежные крабы, морские ежи сжимают иглы и на глазах врастают в песок, рыбья мелочь копошится в лужах, крупные черви сами даются в руки — на живка, на которую хорошо идет навага. Раздолбье. Когда было солнечно, перед нами открывался каждый раз новый мир, влажно сверкающий, зовущий. Если над крутыми прибрежными сопками блуждают туманы, в бухте уютно и чуть сумрачно. Прибой утихает, весло ложится на воду мягко, лодка идет споро — полюбились нам и такие дни. Переправившись через бухту, мы разводили на гальке костер, ставили чай в жестянке, на плоских раскалившихся камнях жарили рыбу, потом ловили крабов или собирали на крутом склоне сопки водянистую шиншу.

Однажды, возвращаясь в порт, мы увидели, как стоявший у причала огромный корабль вдруг стал разворачиваться кормой. Маневр показался нам нелепым. Еще мгновение — и корма парохода задела буксир, стоявший рядом. Донеслись тревожные гудки, подала голос пронзительная сирена. Все в порту вдруг пришло в движение. Тревожно заметался луч прожектора.

— Тягун, — коротко сказал Янков.

Много позже я узнал, что тягун вызывается внутренними волнами: будто бы приходит невидимый, но сильный вал, который сдвигает корабли с места, срывает их с якорей, вызывает столкновения и аварии. А в тот давний день мой спутник коротко сказал: «Море качнулось». И я поверил. Янков был на год старше меня, но знал вдвое больше. Я уважительно звал его Борисом и охотно выполнял обязанности юнги: бегал за веслами, греб, призывал лодку. Мы не были друзьями. Морские походы были

для меня редкостью. Чаще всего Янков уходил на лодке со старшескими классниками. Это меня обижало. Но через несколько дней, когда он дружески-призывающе кричал мне с улицы и я видел, что он одет «по-морскому», обида мгновенно забывалась, и я быстро собирался в путь.

Улица наша называлась Портовой: она отлого спускалась к самому морю.

Когда я думаю о прошлом, то оно как бы разрастается: приморский город теряется за чертой мысленного горизонта, его улицы превращаются в ослепительные проспекты, огни сливаются в сияние, а я ловлю себя на мысли, что так и не обошел его пешком в свое время. Портовая улица тоже вытягивается, я не помню, много ли там больших домов и где она кончается с противоположной от моря стороны. Та часть города, где я жил тогда, занимала весь пологий склон возвышения. С этого возвышения хорошо просматривалась долина, и там тоже были дома. Река и долина делили город на две части. Висячий мост был хорошо нам знаком. У реки на песке летом цвели ирисы, серые большие птицы подлетали к воде, садились на гранитные валуны и поспешно улетали, как только наша ватага появлялась у берега.

Река с прозрачной водой несколько раз меняла направление и терялась в сопках. Воздух в той стороне казался синим, густым. Это были вторые ворота к морю. Река спешила к бухте Глубокой.

Летом я хорошо видел другой берег. После полудня за рекой на взгорье светились желтые стены высоких старых домов. И это пустячное, казалось бы, воспоминание всегда тревожило меня. Желтые стены дальних домов казались недостижимыми, но там работали люди, неизвестные мне, жили какой-то своей жизнью. В этом я усматривал загадку. Наверное, в очень большом современном городе ничего похожего не испытываешь: даль закрыта небоскребами.

Зимой темнело быстро, только снега в широких распадках и на голых вершинах сопок долго сверкали закатными огнями. Потом оставалось матовое холодное свечение. К пяти часам и оно гасло, таяло.

ЗАБЫТАЯ ЛАДЬЯ

Восемьдесят лет прошло с тех пор, как посланец Земли отбыл к созвездию Близнецов. И вряд ли о нем вспоминали: мириады пылинок на ночном небосводе, синих, голубых и зеленых, — это мириады миров. К ним неслись, обгоняя друг друга, новые и новые исследовательские станции. Сменялись поколения. А корабль шел, из дюз его вырывалось атомное пламя, хрустальные зеркала световых гироскопов направляли его курс, по металлическим нервам пробегали электрические волны, и в стеклянных глазах его пассажиров-киберов отражались небесные огни звезд, туманностей и комет.

Старая, полузабытая история... Наверное, даже в памяти компьютеров, бережно хранящих такого рода сведения, двойная звезда Близнецов была занесена в графу «необитаемые миры». Так именовались вселенские закоулки, куда еще не забрасывали

на звездных ладьях лихие ватаги киберов — именно они-то и становились первопоселенцами планетных островов. Кому бы пришло в голову употреблять термин «обитаемость» в ином смысле? Ведь многократные попытки найти себе подобных кончались неизбежной, казалось, неудачей.

Звездный корабль напоминал допотопное чудище с шестью ногами-дюзами. Его радиоуши из-за перегрузок перестали быть похожими на зеркала-параболоиды, а за стеклами иллюминаторов угадывались потемневшие от времени реликвии века пара и стали.

И все же именно он доставил на Землю первое неопровергнутое доказательство обитаемости отдаленнейших планет. Это о нем говорилось в утреннем сообщении:

«Космический зонд перенес на Землю живой организм растительного происхождения, обнаруженный за пределами солнечной системы... Растения похожи на водоросли и найдены на дне озера с горячей водой, на глубине около трехсот метров. Собраны образцы грунта. Ученые приступили к изучению находок».

Наверное, не случайно приснился мне в то утро сон: зачарованный подводный сад, легкая светлая вода, которую можно набирать в легкие, как воздух. Зеленоватые споны света опускались до самого дна, где меж громадных камней скользили темные рыбы. Вокруг серебристое сияние. А вверху сверкало зеркало, но не было видно солнца. И не было волн на грани двух миров — подводного и надводного. Вдруг подплыла большая рыбина с умными глазами. Я ухватился за ее спинной плавник, и она понеслась так, что волосы, подхваченные стремительным водяным ветром, забились за моими плечами. Тело у рыбы было теплое, из-под жабр ее высакивали воздушные пузырьки, и темно-зеленые губы шевелились, словно она силилась рассказать мне об этом зачарованном месте. Становилось светлей, как будто мы поднимались вверх. Я пытался разобрать, что же бормотала необыкновенная спутница. Вдруг стало совсем светло. Я открыл глаза. И тут же услышал слово «Близнецы» — фон на «Гондане» включался ровно в семь.

...За окном поднимался над морской далью большой красный шар. Я еще не прислушивался к передаче — фон был для меня просто будильником. Но через минуту понял, что произошло то, чего все ждали годы и годы. Внеземную жизнь пытались обнаружить почти два столетия.

Вдруг я сообразил: на «Гондане» фон наверняка был с памятью.

Перевел стрелку с семи на шесть: музыка! Значит, фон всепомнит. Я помог ему — подвинул вручную оранжевую стрелку на его деревянной элегантной панели еще на пару делений и услышал подробности, относящиеся к полету. На всякий случай переписал в карманную память маршрут и координаты корабля в момент посадки. Еще раз увидел на объемном экране ракету.

Наверное, это можно назвать интуицией. Я смутно догадывался, что в сообщении словно чего-то не хватало: нет, не могла история межзвездного рейда окончиться так просто и буднично. И почему не показали ни образцы грунта, ни «первые живые организмы растительного происхождения»?

...Поллукс и Кастор, два главных светила Близнецов, удалены

от нас на десять и четырнадцать парсеков. В этот день «второго открытия Близнецов» мы говорили о них с Энно даже на прогулочном вельботе. В тот же вечер звездный атлас рассказал мне о местах, откуда занесло к нам гостя. В круге света от лампы возникали контуры животных — кита, ящерицы, льва, ворона, рыбы, змеи, обеих медведей — Большой и Малой. По странной прихоти астрономы вознесли на небо и стали писать узорчатой прописью: птицу Феникс, Летучую Рыбу, Голубя, Лисичку, Волка, Лебедя, Орла, Дельфина, Малого Коня. Всего восемьдесят восемь созвездий. В этом небесном зверинце затерялись большие и малые небесные тела. И мифические Кастор и Поллукс. Поллукс — ничем не примечательная оранжевая звезда. Но Кастор! Под одним названием скрывается несколько светил. В этом хороводе разглядели сначала два горячих гиганта — Кастор А и Кастор В. Они так близки, что разделить их может лишь телескоп. И каждый из этих гигантов как двуликий Янус. Оба Кастора двойные звезды, но расстояния в парах так малы по галактическим меркам, что могут быть без труда выражены просто в километрах. Десять миллионов километров. Это в шесть раз меньше расстояния от Солнца до Меркурия. Так оправдалось случайное пророчество древних звездочетов, давших имя Близнецы именно тому созвездию, в котором превзойдены все рекорды близости светил!

А недалеко от двойных гигантов притаилась пылинка — Кастор С. И это тоже два раскаленных шара, разделенных всего двумя миллионами километров. Не спешит Кастор С в своем беге по орбите: никому еще не удалось узнать скорость его движения вокруг той невидимой точки, которая зовется общим центром тяжести. Может быть, период его обращения — около двухсот тысяч лет, а может быть, еще больше.

Именно к этим странным шести звездам послан был космический зонд Сорок пять световых лет не так уж много. Даже для автоматического корабля прошлого века.

Ну и здорово же надо мной подшутили в редакции! (Шутка, правда, невольная.) Пока я оформлял командировку на «Гондану», пока уточнял план публикаций, пока хлопотал и радовался подаренной мне возможности прокатиться по Тихому океану — все это время настоящий космический зонд приближался к нашей планете и нес свою необыкновенную добычу. Сколько воды утекло с тех пор, как он отбыл к созвездию Близнецов, туда, где чуть заметными светлыми пылинками мелькают такие же солнца, как наше, с планетами, и где открылись миры, на которых есть вода, воздух, жизнь! А ракета шла, шла, забывая среди звезд ладья...

Первый очерк в «Океане» о космических формах жизни — это, конечно, сенсация. И пусть все уже слышали, и пусть факты известны, но если здорово сделать первый очерк, он-то и останется в памяти. И вся эта полуторавековая история забытого полета на забытом космическом корабле допотопной конструкции тоже. И будет потом много книг, и много статей, и много фильмов, но художественный очерк останется первым живым словом о странствии, равного которому не было.

Я еще раз перевел стрелку фона назад и переписал почти все сообщение. И оставил на память копии снимков и объемных кадров.

Нужно зайти к Ольховскому, решил я утром. Когда только? Сейчас? Я соединился с ним, но он был занят. Впрочем, что я ему скажу?.. Несколько дней назад, когда я уговаривал его взять в экспедицию именно меня, то так расписал ему мою давнюю любовь к морю, что в его серо-синих колючих глазах появилось даже какое-то отечески заботливое выражение. Моя участь была решена, как тогда мне казалось, в благоприятном для меня направлении. А теперь? Просить разрешения в редакции покинуть экспедицию?

Нет, меня не поймут. Особенно Ольховский, руководитель экспедиции, хотя у него просить разрешения мне как раз и не надо.

Для него и для таких, как он, совершенно безразлично, какой из океанов и на какой планете изучать. Разница, во всяком случае, небольшая. Найти новый вид мотылька где-нибудь на острове Маврикий для биолога все равно, что для филателиста обнаружить в своей коллекции редчайшую разновидность марки того же острова. Все это я хорошо знал, но понять был не в силах. Что-то ускользало от меня, и я всегда оставался немного настороже с такими людьми.

И потом, не я ли говорил Ольховскому, что именно о такой экспедиции которая не откроет ни новых островов, ни даже подводных вулканов, я давно мечтал? Где же, в самом деле, взять новые впадины на океанском дне, если последняя из них занесена в морской атлас лет сто назад?

Жизнь — это пятая стихия. Такова установка Ольховского. Познать ее не так просто, как первые четыре стихии древних — огонь, землю, воздух, воду. Особено если этим не заниматься серьезно. У него все выглядело логично и убедительно, у этого человека, вызывавшего в памяти образ древнего мудреца по имени Диоген. Только тот был как будто поспокойнее. Жил в большой бочке, а когда Александр Македонский спросил его о сокровенном желании (надо полагать для того, чтобы исполнить его тут же, на месте), то мудрец ответствовал незадачливому монарху: «Отойди от моего жилища и не загораживай солнце».

У Ольховского была «Гондвана». Корабль, дом, лаборатория. Правда она была маловата для него, всего тридцать тысяч тонн, но большой тоннаж не разрешен. Кроме «Гондваны», моря и океаны бороздили многочисленные «Икары», «Одиссеи», «Садко», «Наутилусы». Море легче осушить, чем исследовать, сказал мне Ольховский в первую нашу встречу и оставил меня на борту.

Нет, я должен быть на корабле. Внеземные дела подождут. Когда-нибудь я напишу книгу о пятой стихии — найдется в ней место и для космических форм жизни. Если, конечно, будет что сказать по существу. Ведь журналист не просто «концентрирует события», он еще и толкует их, окрашивает, передает по-своему. Журналист — это личность, стиль, это манера не только писать, но и мыслить. Это началось давно. Я могу представить себе умельцев, сидящих за старомодными пишущими машинками или с музыкальными инструментами в руках, отдаленно напоминающими магнитные карандаши. Но писали они вполне сносно. Наверное, им было легче. Сейчас нужно уметь улавливать суть целой науки. И, конечно, обобщать, проводить параллели. Разумеется, это искусство обобщать носит иногда несколько формальный

характер, на уровне логических операций и математического анализа многих переменных величин. Творческая удача складывается неожиданно. Тогда вдруг получается красивая работа, одновременно и оригинальная по мысли и понятная. Где-то в перспективе стирались грани между книгами научными и художественными. Не исключено, что процесс этот происходит лишь в моем воображении.

Нужно многое увидеть здесь, узнать океан по-настоящему. Я понимал: только на «Гондане» я смогу это сделать. Другого случая может не представиться всю жизнь. Итак, океан... Где мы находимся? Справа по борту — Япония, слева — Австралия, пошумил я про себя. Сначала — завтрак, решил я, а там видно будет. Кажется, все же придется поговорить с Ольховским, только попозже.

Я заказал кофе, сыр, фрукты и хлеб. Через пять минут все это дождалось меня в маленькой стенной нише. Я открыл пластиковую крышку и перенес завтрак на столик.

На табло с надписью «Библиотека» я вызвал каталог книг по биологии, океанологии, морским беспозвоночным и другим морским наукам. Потом заказал несколько рефератов и электрокопий, успел кое-что просмотреть здесь же, за столиком, и начал на ходу изобретать систему знакомства с подводным миром.

Слегка болела голова. Я с удовольствием вспомнил о том далеком времени, когда журналисты и просто нормальные люди один раз в жизни учились наукам и ремеслам. Из тех времен, из старых книг и трактатов, выплывали пароходы, дымные причалы, фонари, маяки, якоря, просмоленные бочки, топоры, трубки, разноликие моряки и прачки, бородатые капитаны, барышни в кисейных платьях, шумные набережные, ялики, паруса, пиратские секреты. Стоп, сказал я себе, на сегодня хватит. Всеобщее взаимодействие вещей и тел — это и есть океан.

Я отключил библиотеку, вежливо выпроводил кибера, невесть откуда появившегося в каюте, и вышел на палубу навстречу морю, над которым стояли столбы солнечного света. На палубе были синие и желтые краски, и запах настоящего дерева, и ветер, гнавший тяжелые белоснежные облака.

Совсем рядом, у самого борта, держась за пластиковые поручни, стояла высокая девушка. Я не сразу заметил ее. Но у меня был, вероятно, соответствующий вид; она не удержалась и сказала:

- Вы, по-моему романтик?
- Да. Разумеется, — ответил я в тон.
- И потому вы здесь, на «Гондане»?
- А где же мне еще быть?
- Значит, вам не скучно в этом плавучем музее?
- Самое подходящее место для таких, как я.
- Шутите? — попробовала она догадаться
- Нисколько. Те, первые, открывавшие континенты, моря и проливы, даже не знали толком, что их ждет. Они летели на воздушных шарах, спешили к полосу на нартах, пробирались узкими тропами к подножиям сияющих вершин, потом шли выше — на Джомолунгму, на марсианские пики. Опускались в Марсианскую впадину. Те, кто не утонул, не умер от голода, не погиб

от удушья, написали книги — отчеты о деле своей жизни. А за ними по просторным дорогам, по надежным воздушным трассам и морским путям, на вертолетах, на комфортабельных кораблях, на подводных лодках устремились романтики. Они-то и положили начало этому движению, то есть романтике. И воспели ее в стихах и прозе, заодно с теорией преодоления препятствий, которой они долго занимались прежде чем отправиться в путь. Как видите, я не рисуюсь.

Она молчала, словно что-то обдумывая. Этот большой ребенок, кажется, даже шевелил губами. Я подошел к ней вплотную и поцеловал ее. Теперь было можно. Ничто в ней не изменилось. Родилась и ту же канула в вечность минута понимания. Она откинула волосы, внимательно посмотрела на меня сверху вниз (она была чуть выше меня), и я вдруг увидел это мгновение из будущего, моего будущего.

ВАЛЕНТИНА

На ней было светлое платье с кружевами. В пушистых волосях — лиловый цветок. Большие серые глаза изучали меня. Трудно было понять, какое впечатление я произвел. Но тайная смелость и любопытство взяли верх. После паузы я вдруг услышал:

— Потоп не сказка. И не потому, что находят следы древних цивилизаций. А потому, что есть океан. С любой силой человек справится, а с океаном пока нет. Разве не так?

Тирада о потопе натолкнула меня на мысль, что ей не больше двадцати — странный, неопределенный возраст... Тело и мозг пластичны, на лице — следы постоянных перемен, оно точно зеркало, в котором возникает зыбкий образ, но линии так и остаются незаконченными.

Я вспомнил вслух:

— Воздух стал темен от ливня, который в косом падении, изогнувшись попечным бегом ветров, образовывал собою волны, подобно волнам поднятой вихрем пыли...

— Откуда это? — живо спросила она.

— Леонардо...

— А дальше?

— Не помню. Кажется, дальше говорится о зеленых долинах, наполненных до краев прозрачной водой о торчащих на склонах высоких деревьях — на их вершинах спасаются птицы, звери и люди, о тучах и молниях.

— Это наше будущее, — сказала она неожиданно, — бесконечный океан и корабли.

— Мне этого знать не дано.

— Ну как же... сначала океанские станции, подводные дома. Сейчас — первые плавучие города с миллионным населением. А дальше?

— Ах вот оно что! Пожалуй, вы правы.

— Все связано, совпадает... Ведь и корабли, и плавучие небоскребы — это как бы огромный ковчег.

— Что ж, это не исключено.

— Значит, и вы так думаете?

— Не! Я просто говорю что это не исключено. Кто же может заказать будущее? В космическом, конечно, масштабе.

Мы расстались, но, как оказалось, ненадолго. Я забежал к Ольховскому и несколько минут созерцал его массивную бритую голову. Он заметил меня, вежливо выпроводил из кабинета двух назойливых молодых людей с всклокоченными шевелюрами и любезно сообщил мне, что ничего нового не узнал о Близнецах.

— Полные материалы еще не поступили, — сокрушенно произнес он, и у меня не осталось никаких сомнений, что и он ждал их с нетерпением.

Готов предположить, что человеку прошлого века, жившему в преддверии звездных полетов, показалось бы странным такое пристальное внимание к случившемуся. В то время положительный результат просто не вызывал сомнений. Но сейчас, после тысячи и одной неудачи, когда мечта давно умерла, когда перестали верить в пятую стихию вне Земли и когда вдруг свершилось...

— Жаль, — сказал я, — придется подождать. В редакции тоже ничего...

— Хотите, я познакомлю вас с человеком, который первым обнаружил забытый корабль? — улыбнувшись, спросил Ольховский.

— Очень хочу.

— Загляните в зеркало.

— Не совсем понимаю вас.

— Могу посоветовать только вспомнить заатмосферную станцию.

— Ах вот оно что! Неужели? И он вышел в наш сектор?.. В тот самый вечер?

— Да. Та самая блуждающая крапинка. Неопознанный объект. А в секторе работали вы. Мои поздравления!

— А я пожалел было, что оказался на «Гондване», — честно сердечно признался я.

— Берите «Дельфин», — сказал Ольховский, — все равно будем стоять несколько часов. Только не глубже километра. Дальше делать нечего. Ненистесно. Темно, сырь и сумрачно. Лучше махните на отмель. Успеете.

И я оказался на «Дельфине». Вместе с Валентиной.

— Какой я биолог! — воскликнула она в ответ на мой вопрос. — Только учусь. Иногда вот дежурю на «Дельфине». Это проще простого. Нужно только помнить, что делать: биотоки управляют всем — и механизмами и аппаратурой.

— Вы, по-моему, несколько преувеличиваете роль биотоков, Валентина.

— Конечно, — созналась она, — управление чаще всего дублируется. С «Гондваны». Так что не разбежишься.

— Зачем тогда биотоки?

— На всякий случай. Например, полетело уплотнительное кольцо у антенны, в зазор хлынула вода. Что делать?

— Вычерпывать воду, — пошутил я.

— Всплывать! Сбрасывать балласт — и всплывать.

Мы пошли к отмели. Я хотел увидеть голубую воду, зеленые подводные поля, серебристый рыбий дождь. Там, говорят, настоящие подводные пейзажи с бесчисленными ежами, мидиями, трепангами. Ни разу не видал я на волне звездочетов, больших налинов, не знал еще, как метят рыбье население ультразвуковыми датчиками и флюресцирующими штрихами.

Мы остановились ненадолго, повисли. Над нашей головой — километровый столб воды. «Дельфин» медленно дрейфовал, по-винуясь ленивому течению. Метрах в ста от нас шныряли полу-прозрачные креветки. Валентина включила увеличитель. Тончайшие, невидимые глазом лучи нащупали целое живое облако. Я увидел этих миролюбивых морских зверьков как бы под микроскопом, на экране. Они смешно плавали, подгребая под себя воду хвостом, по-паучьи перебирая ногами. Я упросил Валентину, и она протянула к ним механическую руку с приманкой — мясным фаршем. Металлическая ладонь напугала креветок, они всполошились, исчезли с экрана. Но вот неведомое чудище перестало их тревожить, и они набросились на корм. В несколько мгновений полупрозрачные существа расправились с мясными крохами, и все облако застыло, точно ожидая новой подачки.

Валентина рассказала, что дважды встречала стайки креветок вместе с муренами. Необычное соседство пятнистой, как леопард, или полосатой, как тигр, морской зверюги и суетливых безобидных раков объясняется просто: мурены не пользуются зубными щетками и доверяют туалет креветкам. Ложатся на дно и раскрывают рот, усаженный острыми пиками.

— Ни разу не встречался с муреной, — сказал я, — и не хотел бы встретиться.

— Их можно приручать, — ответила Валентина. — Они берут из рук мясо, рыбу, любят, когда их гладят или почесывают.

— Читал, — сказал я. — Но не пробовал.

— У нас еще часа три. Показать вам настоящие кораллы?

Я кивнул. Повинувшись биотокам, «Дельфин» всплыл и понесся, обгоняя ветер, над самой водой.

— Сто шестьдесят узлов, — ответила Валентина.

И снова мы погрузились на дно. В коралловые джунгли, под зыбкую тень подводных веток — розовых и фиолетовых, в самую чащу морского заповедного сада.

«Дельфин» сел у кругой стенки кораллового дворца. По какой-то странной прихоти я направил механический щуп на розовую глыбу, призрачно сиявшую в зеленоватых лучах, и отколол от нее кусок. Он медленно покатился вниз, поднимая муть. За ним тянулся желтоватый шлейф. Тут же налетели рыбешки, они окружили оторвавшийся коралловый кусок трепетным кольцом.

— Вы угостили их хорошим обедом, — сказала Валентина, — не так-то просто добраться им до полипов — жильцов подводного небоскреба.

— Они нисколько не боятся нас. Наверное, если бы человек рожден был в воде, то ему проще было бы жить и охотиться

— Может быть, но тогда не нужно было бы строить, ведь температура постоянна, ни снега, ни бурана, ни жары. С самого начала большие возможностей для самосовершенствования: быстрей плавать, быстрее думать. Не надо одежды, не надо жилищ, и нет угрозы голода.

— А зачем тогда думать? Вроде бы мозг ни к чему.

— Нет. Нужно ведь обманывать подводные течения и слышать приближение шторма за сотни миль. И бороться с акулами. А если еще и управлять режимом плавания...

— Знаю, знаю. Дельфины! Вот кто умеет это делать.

— Ну что ж... у них есть чему поучиться. Идеальная цивилизация с точки зрения отношения со средой.

— А я уже придумал человеческий эквивалент такой цивилизации. — И я рассказал Валентине об «эффекте необитаемости». (Чем в самом деле не равновесие между субъектом и средой?)

Она не уловила легкой иронии и восприняла параллель вполне серьезно. Оказывается, она тоже думала о чем-то таком... Только в ее представлении все складывалось иначе, и ее мысленный эксперимент осуществить было не так уж трудно.

— Деревянная изба. Четыре окна. Двускатная крыша. Перед окнами — одуванчики, маргаритки, пусть даже бурьян, — перечислила она неторопливо все, что сейчас хотелось бы ей увидеть. — Лесная дорога без асфальта. И по ней нужно долго идти — к другому жилью, на работу. Хорошо, если солнце. Хорошо и зимой, в снег, в буран. Пусть даже дождь, серый, долгий. Видела на картине такую избу.

— Мечта, — сказал я, — говорят кое-где на севере рыбаки до сих пор живут в таких домах. Но мне бывать в таких местах не доводилось.

— Скучаю иногда, — сказала Валентина, — кораллы, омары, осьминоги, водяные лилии, пальмы, а настоящей земли нет!

— Расставаться. Скучать. Возвращаться. Радоваться возвращению. Так?

— Да, так.

Сквозь прозрачный корпус мы видели светло-зеленые волны, пробегавшие по лентам водорослей. Они вздрагивали от пузырьков, усремлявшихся вверх, от суеты пестрых, золотых и серебряных рыб.

Вдруг появился Ольховский. Неожиданно встал перед нами. Лицо его было серьезно, как никогда. Я вздрогнул, потом понял: здесь полная связь с «Гондваной», настоящий эффект присутствия. Ольховский сказал:

— Возвращайтесь. Быстрее. Курс — прямо на «Гондвану». Через минуту возможно землетрясение.

Прошло полминуты. Мы удалялись от подводных скал. Нас догнали волны. «Дельфин» качнулся, выпрямился. Упругие удары, толчки. Сработала аварийная сигнализация. Я слышал какой-то тонкий комариный писк. Низко гудела сирена. Глухой шум и снова толчки и удары. И вдруг — тишина. И нить жемчужных пузырей, пересекшая иллюминатор.

Землетрясение прекратилось, и море утихло. «Дельфин» держал курс на корабль. Нас отделяли от него тридцать минут хорошего хода.

* * *

— Меня удивляет не планета, не звезды-близнецы, — вслух размышляла Валентина. — И даже не то, что там нашли жизнь. Непонятно другое: как могло получиться, что зонд принес оттуда один вид растений. И ничего больше.

— Что ж тут такого? Случайная проба грунта. Что поймал, то и осталось. Вряд ли автомат выудил бы инопланетную рыбину.

— Придется вам открыть истину. В литре обыкновенной океанской воды десятки тысяч мельчайших организмов. Бактерии, водоросли, какие-нибудь личинки. Зачерпните стакан воды в любом

месте нашего маршрута — и вы невольно отнимете у океана тысячи коренных его обитателей. Погрузите пробник в ил — он принесет столько живой пыли, что и компьютер не сосчитает.

Она отошла к пластиковой стене, надавила пальцем невидимую кнопку. Стена раздвинулась. Там были... книги. Она быстро выбрала том в старинном переплете. Потом стала листать его в поисках нужной страницы.

— Вот, — сказала она, — послушайте: «На темном плотном иле лежала яркая красная креветка. Она казалась выточенной из драгоценного камня. Рядом с ней они увидели большую плоскую рыбу, которая смотрела на металлический шар огромными глазами. И никто из них не смог понять, зачем рыбе глаза, если она живет на такой глубине».

— Откуда это?

— Описание первого погружения на дно Марианской впадины... Батискаф «Триест» с Пикаром и Уолшем на борту. Классика. Седая древность.

— Ну что ж, — заметил я, не вполне понимая, куда она клонит, — опустись в этом месте какой-нибудь космический зонд с дальней планеты, он бы поймал эту креветку. Возможно, и рыбу тоже.

— И все же микроскопические организмы, которые оказались бы их спутниками, рассказали бы о жизни на нашей планете больше. За ними прежде всего и охотился бы посланец из космоса.

— Придется поверить.

— Это просто. Одноклеточные — основание, фундамент «пищевой пирамиды». Без них жизнь немыслима. Даже кислорода нам не хватило бы без крохотных водорослей. Всё не леса — легкие нашей планеты, а океан. Потому что зеленые клетки, живущие в его водах, поглощают три четверти углекислоты. Гораздо больше, чем джунгли, тайга, рощи всей Земли.

— Это я знаю, но меня не устраивает такой энергетический подход. Будь я конструктором, то не стал бы строить аппарат для доставки микробов, фагов, амеб. Просто неинтересно. Это почти не жизнь.

Она звонко рассмеялась, но спохватилась, и глаза ее стали серьезными.

— В вас говорит инстинкт охотника, но не исследователя!

— Разве биолог откажется от крупной дичи? Из созвездия Кита, например?

— Мы говорим о разном. Совсем недавно возникло новое направление в биологии. У него сложное название. Даже биологи именуют эту науку сокращенно: нанобиология — наука об общих свойствах и системах микроорганизмов и простейших. Кое-кто, например, изучает только способы передвижения. Двигатели коловороток напоминают сказочные цветы, колесики часов, фантастические турбины или пропеллеры. У инфузорий есть множество ресничек-весел, но действуют они по программе: вдоль тельца пробегают «волны сжатия». Сразу и волновой и веселый механизмы. Специалисту достаточно ознакомиться только с этими маленькими сооружениями, перевести то, о чем молчаливо рассказывают «живые чертежи», на язык математики — и откроется удивительная картина. Можно построить такую машину: на входном конце — про-

бирка с микроорганизмами, а выходное устройство сообщает параметры кораблей, авиаецок, даже ракет.

— Почему же этого не делают до сих пор?

— Все решения давно получены другими способами. Возьмите две пробы грунта в разное время — бактерии и водоросли расскажут вам все о цивилизации: о применении металлов, о химии, технологии, даже о внешнем облике разумных существ, населяющих планету. Микроорганизмы живут совсем в другом измерении: наш месяц для них целая эпоха, за десятки лет они меняются, перерождаются, закрепив в генах все изменения. Нужно только расшифровать. Я уж не говорю об искусственно созданных организмах — для переработки руд, для контроля за средой, для синтеза лекарств, для счетных машин... Если бы вдруг перестали работать заводы и фабрики, все морские суда вернулись бы в порты, то океан, наверное, стал бы чище, чем во времена первобытного человека. Об этом, сами того не ведая, позабочились бы многие миллиарды существ, которых можно рассмотреть только в микроскоп. Океан всегда как бы противостоял натиску цивилизации. Мы обязаны ему жизнью. По степени этого противодействия нетрудно судить о цивилизации. Думаю, с этим-то уж вы согласитесь... Планету, на которой процветает только один вид, представить почти невозможно. Так же, как нормальное дерево с одним-единственным листом. Ведь жизнь подобна дереву, реке со многими притоками.

— Я думаю, та планета необитаема. То есть там нет... инопланетян.

— Разум появляется потом. Сначала господствует стихия. И не мог ей противостоять один организм. Он должен был или погибнуть, или дать начало дереву жизни. Даже если когда-то был заброшен туда по воле случая.

— Не забывайте, это ведь другой мир.

— Марианская впадина — тоже другой мир.

— Ну нет, не согласен.

— А я чувствую, что это так. Только объяснить толком не могу. Послушали бы вы Соолли...

— Кто это — Соолли?

— Биолог. У нее скоро день рождения. Можете заглянуть.

— Соолли?.. — вспомнил я. — Это такая милая фрау с темными волнистыми волосами, в очках?

Валентина кивнула.

«Дельфин» нырнул в бирюзовую успокоившуюся воду. Под нами был подводный хребет. На экране он выглядел безжизненным бурым вздутием, опаленным неведомо каким огнем. «Гондвана» ушла вперед, но мы быстро стали нагонять ее.

Я взял у Валентины управление и пошел к кораблю по кривой атаки, в шутку рассчитанной мною тут же по данным допотопного навигационного пособия из числа книжных древностей. Вспыхнул красный огонь: «Дельфин» не хотел такой погони. После второго предупреждения аппарат не послушался меня и пошел сам, прежним курсом.

Мы перевалили хребет. На другом его склоне, мрачном и глом, выросла огромная полусфера. Она слабо светилась. На ней угадывались подводные небоскребы неправильной формы с красными тусклыми огнями в проемах круглых окон. Широкий про-

спект уходил по склону вниз, в подводную долину и терялся в ее глубинах. Вдоль него тянулись сверкающие нити труб. В каждой из таких труб разместилась бы «Гондвана».

— Подводная станция? — спросила Валентина.

Я кивнул. Там, на этом подводном заводе, под километровым колпаком горело дейтериевое солнце. Ослепительный шар был горяч, как самая молодая звезда. Он жадно глотал воду, только воду — тысячи тонн в минуту. Синие лучи разделяли ее на протий, дейтерий и кислород. Дейтерий шел в исполинскую топку, питал шар и давал гелий. Кислород и протий бежали по вечным блистающим артериям на континенты. Это было горючее. Такое же чистое, как первозданный дождь. Но свежей и благодатней его, ибо легкая вода — чудо, неведомое древним. Протий сгорал как порох в миллиардах машин. Они вдыхали заодно с ним кислород, а выдыхали водяной пар, свободный от дейтерия. Легкие дожди питали реки Земли, поили деревья и травы, поля и луга. Мы дышали воздухом, подобным горному облаку, согретому жаром молний. В наших жилах текла легкая горячая кровь, мы были легки и быстры. Мы лучше, чем предки, познали тайну мгновений, разделяющих прошлое и будущее.

ЗНАКИ НА КАМНЕ

К вечеру того же дня стало ясно, что мы скоро увидим своими глазами цветок с другой планеты, похожий на водяную лилию, только гораздо более хрупкий. Фитotron — зеленая лаборатория редкостей — был готов принять гостя. Вечерами я садился за книги по астроботанике и космологии. Вдруг — новость. Книга на камне!.. О ней рассказал Ольховский.

— Пока вместо ответов — новые вопросы, — говорил он взволнованно, и мне передалось его настроение. — Никто не расшифровал текст. Это невероятно!

Он колебался. Той ночью ключ к знакам на камне, который был доставлен с планеты вместе с грунтом, сумели все же подобрать. А мне снова повезло: одним из первых я познакомился с людьми, разгадавшими каменные письмена. Связался с институтом.

Близорукий человечек с тихим голосом и учтивыми манерами за четверть часа умудрился не ответить ни на один из моих вопросов. Я заявил, что хочу побеседовать с другими специалистами. Я слышал, как он, забыв выключить канал, советовался с кем-то, точно просил помощи. И вот я узрел вполне представительную физиономию: волевой подбородок, коротко остриженные волосы, крепкие скулы, выгоревшие на солнце брови.

— Я вам все расскажу, — заявил этот симпатичный тип, — ничего не утаю, но, как некогда говорили у нас в городе, не нужно лишнего шума.

— Не терплю шума.

— Тогда держите кассету. Перепишите. Публиковать не надо. Завалите нам всю работу. Институт не пресс-центр и не пункт связи.

— Обещаю, — сказал я.

— Никому ни слова, — сказал он и весело подмигнул. — Дай-

те нам еще несколько суток — поработать и собраться с силами.

И он скрылся, отгородился от меня тысячами километров замолчавшего эфира. А у меня осталась копия объемной кассеты: несколько нитей с вкраплениями хрома, ниobia и бария.

...Секрет книги открыт был случайно. Кто-то оставил на столе плоский камень, найденный в образцах грунта. Он должен был бы отправиться в хранилище, где, поддерживаемый языками нейтринного пламени, оказался бы в состоянии невесомости: так поступали с космическими реликвиями. И ни один луч света, ни одна пылинка, ни единый гравитационный всплеск не коснулись бы его. Через месяц, через год, может быть, спустя десятилетие кто-нибудь заинтересовался бы каменным обломком.

Камень всю ночь пролежал на столе. Под ним оказался лист писчей бумаги. Утром на листе проступили какие-то значки: черточки, скобки, кружочки. Из них образовались строчки, не догадаться об их назначении было просто невозможно. Камень еще раз остали на столе, теперь уже намеренно. И опять на листе проступили знаки неведомого алфавита. Но текст, судя по всему, не повторялся. На следующий день удалось получить оттиск еще одной страницы. Для этого первую страницу накрыли чистым листом и сверху водрузили камень... Каждая последующая страница возникала как бы сама собой, стоило лишь оставить под камнем на час-другой стопку уже полученных раньше «оттисков», строго соблюдая порядок их следования. Как только была получена последняя, восемнадцатая страница книги, камень «замолчал».

Сергей Шинаков, светлоглазый мечтатель и выдумщик, работал над книгой днем и ночью. Мне рассказали, что он мог по памяти воспроизвести любую из восемнадцати страниц. Позднее он признался, что боялся, как бы текст не исчез вовсе.

В «каменной книге» было что-то от формул: некоторые значки напоминали о языке музеиных образцов электронных машин и стародавних математических сочинений. И все же расшифровать текст оказалось делом нелегким. Кто знает, сколько бы тянулась эта история со «звездным манускриптом», если бы Шинакову не посчастливилось: в память машины, помогавшей ему, он заложил символы, предложенные некогда художником Жаном Эффелем и его братом, лингвистом Мишелем Леженом. Давным-давно художник и лингвист мечтали о едином универсальном письме — пазиграфии, — одинаково пригодном для человека и машин. Мечта не была бесплодной: им удалось сделать первый шаг на трудном и интересном пути. Метод, примененный ими, остался вечным достоянием лингвистики. Он-то и помог.

Из книги я узнал о давней катастрофе. Речь шла о судьбе цивилизации. Планета, где побывал зонд, кружила так близко от своего солнца, что лучи высушили почву, моря и реки. Я узнал и о двойной звезде, заставившей планету изменить орбиту. Кажется, люди предвидели катастрофу, но что могли они поделать.. Я прочел:

«Звездный ветер близок. Дыхание солнца рядом. Горячие волны его бегут, не зная покоя, высушивая травы. Остаются вечная пыль, сухие листья, умирающие ветви немых деревьев, на которых когда-то раскачивались грибы. Промелькнет короткая ночь — и снова раскаленный ветер и горячие пенные волны последнего

моря. Здесь кипит прибой. Но все ближе противоположный берег. Его прячет жгучий туман, желтый пар. Нет конца звездному ветру. Он сметет с лица планеты все, что мы принесли с собой».

Быть может, то была часть эпоса. У книги не было ни конца, ни начала. Сама по себе он была свидетельством жизни. Люди боролись с небесным огнем. Но даже ливни, которых ждали, обворачивались бедой: вода сбегала к морю не по затерянным в песках руслам рек, а сплошным валом, снося дома, смывая почву, разрушая дороги. Барханы высились как горы, иногда среди зеленевшей еще долины. У их подножия вдруг расцветали цветы, распускались почки, влажный жар заставлял все живое пробуждаться, спешить жить. Открывались угрюмые каменные россыпи, над которыми витали миражи. Черные смерчи бродили между скал.

Горячее дыхание пустынь иссушило оазисы. Когда надвигалась сумрачной пеленой прохладная стена воздуха со стороны полюса — его посылали ледовые шапки, не успевшие еще растаять, — раскаленные глыбы трескались от дождя и тумана. Тогда воздух как будто звенел, точно вокруг лохались туго натянутые струны.

...Миновали столетия. Окаменели остатки трав, кустарников, некогда покрывавшихся розовыми и зелеными цветами. Исполинский жар рассеивал пар в атмосфере, а звездный ветер отгонял его прочь от планеты. Наверное, если бы кому-нибудь удалось заглянуть в будущее, за миллионолетнюю грань, он увидел бы голый каменный шар, лишенный воздуха и тени. Но небесный жар завоевывал планету постепенно.

...Будто бы в подземном дворце, еще сохранившем немного прохлады статные женщины вышивали узоры. Их нельзя было увидеть простым глазом. Большие голубые стекла открывали им необыкновенную пряжу и рисунок вышивки. Так говорила книга.

Вместо игл будто бы сновали и спешили у них в пальцах узкие лучи. За день успевали они сделать только сорок шесть тончайших узелков. Узелки были разными, но вышивка повторялась: у рукодельниц получался всегда один и тот же цветок со стеблем маленькими листьями и двадцатью тремя лепестками. На каждом лепестке вышивалось по два одинаковых узелка.

Цветы плавали, как кувшинки. По подземному каналу выплывали они в большое рукоговорное озеро. Здесь, между отвесных скал, собиралась вся вода, еще оставшаяся на планете. Над озером висели горячие облака. Как только лепестков касалось горячее дыхание воздуха, цветы тонули, погружались на дно, где было сумрачно и где вода не обжигала. Наверху вода могла кипеть и бурлить от звездного жара, но, пока водоем оставался наполненным хотя бы на треть, пар уносил с собой тепло, и дно оставалось пригодным для жизни.

...Одну из женщин звали Кэма, что означало «ветер», другую — Аира — «волна». Примерно так звучали бы их имена на нашем языке. Были и другие, но имена их не были записаны в книге. И все они отправляли в последнее плавание легкие белые цветы, и сердца их сжимались, когда видели они, как лепестки касались воды.

Будто бы у каждой из женщин был на левой руке яркий зеленый браслет, который помогал им. Браслет был соткан так искус-

но, что казался украшением, но владевший браслетом не мог расстаться с ним до окончания своих дней, как и с собственным сердцем. И браслет помогал овладеть искусством, подсказывал, если руки женщин ошибались, а глаза их уставали...

Что означала легенда?

Если поймут легенду, писал автор книги, поймут и нас, потому что мы сами подобны цветам, затерянным в водах озера. И зеленоглазая Кэма и прекрасная Аира с темными прозрачными глазами стали цветами. Пусть нашедший книгу рассудит, похож ли он на нас, пусть догадается об этом, сосчитав лепестки на цветах. Не было у нас другой дороги, с горечью писал автор, не было выбора, жизнь наша и судьба до конца раскроются тому, кто встретится с нами, кто похож на нас.

Они оставляли бронзовые статуи и храмы, висячие мосты и мраморные дворцы. Их ждало нечто более долгое, чем самый долгий сон. Хрустальный жгучий свет горячей звезды торопил их. А песок засыпал кровли домов.

ФИТОТРОН

Наверное, образ человека, хранящийся в памяти с детства, взрослеет вместе с нами. Он как бы перемещается во времени, меняя черты лица. Вот почему я сразу узнал его.

— Похоже, мы встретились, Борис.

Это был Янков. Нам дали полную связь: я мог поздороваться с ним за руку, хлопнуть по плечу, наговориться наконец. Утром я вызвал фитотрон, ту самую лабораторию, в недрах которой спрятали нежное растеньице, цветок с двадцатью тремя лепестками. И попал к биологу Янкову.

— Я знаю, о чем ты, Глеб... — сказал он, когда я попытался перейти к делу. — Об этой истории я расскажу тебе первому. Обещаю. Когда вернешься на континент?

— Могу прилететь сегодня. Ненадолго.

Я внимательно наблюдал за выражением его лица и не без удивления замечал, что он смущен. Он уже не рядом со мной. Нас снова разделяла четверть окружности Земли. Просто устал, думал я, или... у него не все ладится.

— Тебя не тянет в наши края? — спросил я. — Здорово было бы собраться вместе. И город, и море — те же, наши. Съездим как-нибудь?

— Непременно, — согласился он, — вот только дела, дела, а дни как будто все короче. После сорока особенно заметно.

— Я тоже думал об этом. Но что поделаешь? Может быть, это как раз хорошо, что время подстегивает нас.

— Нет, брат, словами тут не поможешь. Иногда хочется заглянуть в приоткрытую зеленую дверь... знаешь?

— Да, понимаю. Волшебная дверь в стене. Но ведь ради этого-то мы и спешим...

— Наверное, мы часто проходим мимо и не замечаем. Когда видим ее совсем рядом, то, как всегда, нам не хватает двух-трех часов, чтобы посмотреть, что там.

— Там бухта во время отлива и город у моря!

- Я серьезно...
  - Я тоже. Серые волны у подножия сопок. Лодка. Чайки у окоема. Пространство, в котором можно исчезать и возвращаться. Там просторнее, чем в Галактике.
  - Может быть, но я не о том.
  - Тогда расскажи.
  - В этом не так просто разобраться.
  - Допустим, и я в таком же положении. Что из этого следует?
- А то, что нам нечего скрывать друг от друга.
- Ты представляешь, что такое фитотрон? — вдруг спросил Яков без всякого перехода.

Я кивнул.

Слово «фитотрон» с детства вызывает в памяти полусумрак лесов, паутинки на белокорых стволах самшита, мангровые чащи и высокие, как шатры, корни панданусов, колючие плоды дуриана на длинных плетях, плавучие листья виктории, незнакомые ароматы сказочно далеких лесов. Здесь верится всему, о чем написано в старых книгах.

Фитотрон — это полигон растительных чудес, место, где можно встретить калифорнийское дерево буджум, торчащее из земли, как перевернутая морковка, и высокогорный африканский вереск пятнадцати метров ростом. Здесь можно попробовать бразильский виноград жеботикабу, растущий прямо на стволах, и увидеть деревья, цветы которых спрятаны под землей. Нетрудно представить здесь и озеро с кувшинками, ряской, соцветиями стрелолиста. И тропический водоем с коралловыми рифами и водорослями.

Нашлось здесь подходящее место и для водяной лилии из Близнецовых. Они поместили ее в большой, очень высокий аквариум, как же иначе. И пригасили искусственное солнце. И зажгли другое — зеленоватое. И все вокруг стало напоминать о неярком свете, пробивающемся через горячие тучи, пылевые облака и многометровый слой воды...

Яков рассказывал:

— Нужно было воссоздать уголок совсем иного мира, отличного от нашего. Состав грунта, воды, кислотность, жесткость — все эти индексы, которые любого могут замучить, наличие изотопов, освещенность. Даже цвет воды и тот долго не давался нам. А у нас были считанные дни. Никакие цифры не помогут порой разобраться, почему в воде одинакового состава, в равных, казалось бы, условиях одни и те же организмы то процветают, то останавливаются в развитии, а иногда и гибнут. Нечасто, но случается. Профессор Неванлинна, бородатый финн столетнего возраста, морской бродяга и корифей-okeanolog, любил повторять, что за свою долгую жизнь ему ни разу не удалось убедиться в справедливости законов, им же открытых. Океан — настоящая ловушка для назойливых экспериментаторов. Ничего не стоит получить морскую воду в лаборатории. Натрий, хлор, магний, еще десятка четыре элементов. Ни один химик не отличит ее от настоящей морской воды. А она губительно действует на некоторые формы планктона и даже на рыб. Но стоит добавить в аквариум несколько литров «живой» морской воды, произойдет необъяснимое: среда станет идеально поддерживать жизнь. И я боялся: мы могли убить растение, дремавшее в анабиозе около полувека, пока корабль шел к Земле.

Я много раз видел руки старого финна, когда он колдовал с колбами и пробирками. Где ему было мечтать об инопланетной жизни! Но я живо представил, что сделал бы он на моем месте. Он попытался бы умножить свойства инопланетной воды, постепенно разбавляя ее. Нужно уметь ждать. И это, пожалуй, самое трудное в профессии биолога:

— Что же у тебя там стряслось, Боря?

РАССКАЗ ЯНКОВА

Обычно я поднимаюсь не сразу и не сразу освобождаюсь от сна, от дремоты; неторопливо готовлю кофе, и становится постепенно все яснее, что же за день мне предстоит и что нужно сделать сразу, не откладывая. Но в тот раз остатки сна улетучились мгновенно, мысли быстро стали ясными, тревожными. Ранний, очень ранний звонок! Вряд ли кто-нибудь даже из близких или друзей стал будить бы в такую рань: не было еще и пяти утра. На улице ночной осенний сумрак и сырость. На оконном стекле первый иней, растаявший по краям. Я зажег свет. В комнате было неуютно, стол, как всегда, завален книгами, рукописями.

Экран был пуст, по нему бежали светящиеся нити, как будто паук плел паутину. Звонок дребезжал нудно и жалко. Это был автомат, соединенный с лабораторией и фитотроном. Вот уже два года, как он молчал, я даже забыл, какой у него голос. Оказывается, у него женский голос и приятный тембр. Смысл сообщенного был туманным. Несколько дежурных фраз вроде: «Обнаружены отклонения химического состава в рабочей камере фитотрона», «Наблюдаются нарушения теплового режима и понижение концентрации азота...», «Тепловой режим не соответствует программе исследования». Можно было подумать, что автомат сочиняет. При всем желании фитотрон не так-то просто вывести из режима: для этого, пожалуй, нужно прямое попадание крупного meteorита или девятивалльное землетрясение.

В пять минут эль домчал меня до трехкупольного, легкого как дым главного корпуса. Мне навстречу бежал долговязый человек в шляпе — Нельга. Мне почему-то не хотелось сейчас видеть Нельгу, человека добросовестного, но не располагающего к себе. Всегда нетрудно представить, что он скажет по поводу любого происшествия, и само его присутствие после этого становится как будто ненужным, необязательным. В тайниках моего сознания зарождалась порой странная мысль: вероятно, со временем и я буду похож на него. Это было неприятно.

Наши пути сошлись у входа; двери распахнулись. Нельга снял шляпу и первым вбежал внутрь. Перед нами раскинулся зал, несколько лабораторий, соединенных лабиринтами переходов, стерильные камеры для новых питомцев фитотрона, пластиковые стены и перекрытия, генераторы климата и света, увлажнятельные устройства, аппараты и машины росы, дождей, ветров.

Мы двинулись широкими коридорами в следующий зал, а слева и справа уггадывались просторные ниши, сводчатые галереи, то затененные, то освещенные скучными белесыми лучами искусственной луны, прятавшейся в кронах деревьев. А высоко над нами,

в черных разрывах между северными облаками вспыхивали настоящие звезды. И небо со звездными огнями казалось вторым потолком, даже еще более реальным, чем первый, почти незаметный, невесомый, полупрозрачный.

Нельга безошибочно находил дорогу. Его цепкая память хранила все выходы из лабиринтов, все закоулки. Я едва поспевал за ним, и в голове, как ни странно, бродили мысли почти посторонние. Тревога поулеглась, поубавилась, стоило мне оказаться здесь, в привычной обстановке. Семь лет назад это был, если можно так сказать, один-единственный квартал будущего города. Каждый год площадь удваивалась. Кое-где все еще отступали леса и саванны, а здесь зеленое море разливалось все шире. Теперь в нем легко было заблудиться, если только не обращать внимания на светящиеся знаки и созвездия лампочек, словно парившие в воздухе.

Впереди угадывалась высокая стеклянная колонна — аквариум. Тонны воды, выпуклый объем, ставший частью инопланетного мира. Подняв голову, я увидел сквозь светофильтры тускло поблескивающее под зеленым солнцем глянцевое зеркало воды. Янтарные глаза приборов и датчиков пристально вглядывались в полумрак.

Нельга остановился как вкопанный.

Секундой позже я увидел нечто поразительное: по стенке аквариума медленно ползла водяная капля. Мы осторожно обошли аквариум: он был пуст. На дне его, по песку, тянулась цепочка углублений, напоминавших следы, но цветка с двадцатью тремя лепестками там не было!

Я включил свет и приборы записи. Это было очень важно — зарегистрировать на термопластической нити общую картину. Тут же мы выяснили, что инфракрасной записи не было. то есть лента, на которой с довольно высоким разрешением фиксировалась все события до нашего прихода, попросту куда-то исчезла.

Мы услышали шорох, уловили какое-то движение у прохода в соседнее помещение. Там, в пятнадцати шагах от нас, кто-то притаился... Женщина, которую мы почему-то не сразу увидели...

Она стояла на траве, никогда не видевшей настоящего солнца, среди свесивших вниз свои ветви вечнозеленых деревьев. На ней был белоснежный халат. Темные волосы ее были влажными, она откинула их назад левой рукой. У нее были длинные стройные пальцы. Необыкновенно мягкие, пластичные движения рук наводили на мысль о музыке, о танце.

Их ритм завораживал. Мгновенное наваждение, которое испытывал и Нельга.

Возник неопределенный страх, и я начинал догадываться: нет, нельзя было изменять режим фитотрона. Что было бы, если бы мы сразу, с порога, вмешались в его работу? Наверняка случилось бы непоправимое.

В тишине прозвучал нерешительный голос Нельги:

— Карташев в отъезде, нам с вами самим придется реагировать.

— На что реагировать? — обернулся я к нему: это словечко «реагировать» сбило меня с толку.

Когда я спохватился, женщины уже не было. Почему-то нам

сразу показалось, что искать ее бессмысленно: легче найти иголку в стоге сена. Скоро мы в этом убедились.

— Так как будем реагировать? — переспросил я Нельгу.
Он молча пошевелил губами.

У ЗЕЛЕНОЙ ДВЕРИ

Сеанс связи кончился, и у меня осталась запись. Репликатор тут же по изображению на экране воссоздал все на термопластике.

Я попробовал собраться с мыслями. Простой вопрос: знал ли Янков о легенде, о расшифрованных письменах? Успел ли узнать? Кажется, нет... И чем дольше я размышлял, тем определенее убеждался в этом. Во-первых, он не сразу поведал мне свои злоключения, он явно не хотел этого делать. Вывод о похищении цветка был самым естественным, и они с Нельгой не могли не прийти к нему. Во-вторых, если бы он знал, то, бесспорно, сопоставил бы оба события. А отсюда далеко идущие предположения. Стоило допустить, что на камне записана не легенда, а текст, имевший прямое отношение к действительности, и тогда история с фитотроном звучала совсем иначе, как прелюдия к встрече с космической явью, с подобными нам.

И если бы так и было, если бы он знал текст легенды, то вряд ли даже мне рассказал бы о происшествии — сигналы-то шли по общей межконтинентальной линии полной связи. Контактов с обитателями иных планет у нас до сих пор не было, но теория разработана основательно. Я помнил: при любом случайному контакте ни одна из сторон не имела права признать его свершившимся без взаимного согласия. Иначе трудно представить последствия... А где оно, это согласие?..

Нет проблемы более серьезной и более сложной, хотя бы потому, что решение ее выходит за рамки нашей обычной логики. Я знал: вопрос в теоретическом плане ставится остро. Рассматривалось много случаев, когда и взаимного согласия еще недостаточно. Преждевременность исключает благоприятную перспективу развития.

Вот почему я не мог пока ознакомить Янкова с ходом моих рассуждений. Нужно проверить гипотезу. Самостоятельно. Время для споров еще не пришло. Я включил проектор.

Появилась точка, затем несколько концентрических окружностей — интерферограмма. Значит, пойдут кадры... но нет — молоко, туман, как будто запись стерта. Стоп! Это место, о котором говорил Янков: начала записи нет, как же я забыл!

Вот наконец снова интерферограмма. Нельга, я узнал его по описанию Янкова... Аквариум. Крупный, очень крупный план. Песок, видна каждая песчинка. Ямки, рытвины на дне. Следы? Размыто водой, не совсем понятно. Как будто следы. А вот капля на стекле, она уже совсем сползла к моменту возобновления записи. Так... Ветви неподвижны. Я пристально всматривался... Ветви шелохнулись! Да это она. Деревья с длинными узкими листьями... ветви не укрыли ее. Она выходит: волосы, лицо, белый халат с короткими рукавами. (Чей халат ей под руки попался — уточнить потом!) Движения быстрые, легкие... ноги босые. Рука взметнулась вверх: поправляет волосы. Смотрит на Янкова.

Глаза темные, большие, прозрачные. Ладонь на мгновение задержалась у мокрых прядей. Что это? Браслет! Он был прикрыт ее волосами. И вдруг засиял, открылся. Нитка с изумрудными цветами. А по ней как будто пробегает зеленое электричество. Удивительная соразмерность с линиями рук, шеи... настоящее украшение. Браслет — украшение? Ну нет! Как это Янков и Нельга не заметили его? Это же о нем... в той книге. Вот оно что! А цветы на браслете? Эталон, матрица? Глупости... Рано об этом.

Дальше что? Она уходит, уходит... Теперь этот чудак задает вопрос Янкову. А она вдруг скрылась! Ее нет в кадре.

Вот Нельга побежал туда, где примята трава ступнями ее ног. Удаляется... Исчез. Пустота. Аквариум. Тропическая зелень. Янков. Вызывает Нельгу. Тот заблудился! Перепутал знаки. Возвращается. Уходят вместе. Через минуту Янков снова в кадре. Поспешно проверяет запись. Все в порядке, дорожка изображения не стерта. Могло быть хуже... Надо бы догадаться, с кем имеете дело, дорогие биологи. Нельга. Янков. Вместе. Говорят о чем-то. Выражение лиц озадаченное, даже растерянное. Еще раз обходят аквариум. Нажимают какие-то кнопки, клавиши, с кем-то говорят по фону... Интерферограмма — конец записи.

Легенда, записанная на камне, перестала быть сказкой. По крайней мере для меня. Я не смог бы, пожалуй, с уверенностью назвать имя женщины, оказавшейся в фитотроне. Кэма? Аира? Имена эти, недавно ставшие известными мне, еще принадлежали легенде. Но не было уже цветка с двадцатью тремя лепестками и двумя узелками на каждом из них. Недаром, наверное, вышитый узор из сорока шести узелков соответствовал полному набору хромосом человека. Я мысленно продолжил разговор с Янковым.

Потом вызвал его.

— Что же произошло дальше? — произнес я как можно естественнее.

— Не думай, что происшедшему можно дать какое-то объяснение. Для нас это загадка. Вот почему я не спешил тебя посвящать во всю эту историю, но ты настаивал... Что произошло дальше? — повторил он мой вопрос. — Если бы что-то произошло, а то ведь нет, ровным счетом ничего... Просто исчез цветок и больше не появлялся. Сегодня утром обнаружилась и еще одна пропажа: исчез халат препаратора Ракитиной, но это как раз легко объяснимо. Что ты думаешь об этом?

— О пропавшем халате?

— Да... и о нем тоже.

— Думаю, что халат пропал, точнее — украден. На большее, извини, моей проницательности как будто пока не хватает. Что ты решил?

— Есть правила для выбора решения, но нет правила для выбора этих правил. Похоже, что все наши труды пропали даром. Одного не пойму: нелепый случай виноват или какая-то закономерность. Ну кому, скажи на милость, нужен был этот цветок?

— Тебя ведь интересует истинна. Журналист рассказывает о новостях, а истины не новость... А ты не знаешь о последних работах по исследованию грунта? Может, тебе поговорить в институте?

— К чему? Тем более сейчас.

— И все же. Вот координаты. Там нашли, как мне передали, любопытную вещь — запись легенды на камне.

— Неужели? Я ничего не знаю об этом.

— Уверен, что тебя это заинтересует.

— Я свяжусь с ними.

И на прощание еще одно напоминание о том давнем времени, когда мы бегали по отмелям за отступавшей с отливом водой или перебирали речной песок — искали золото, а находили слюду, обманчиво блестевшую на солнце.

Есть хороший принцип: ничему не верить, пока не отвергнуты самые простые и правдоподобные предположения. На нашей планете около десяти миллиардов женщин, половина — молоды, четверть из них — красивы, как предполагаемая Аира.

Итого, миллиард с лишним.

Браслет... Нетрудно прикинуть, что к этому украшению небезразлична примерно каждая десятая женщина. Остаток поверий, смешанных с очаровательным дикарством, но красиво. Природа устроила так, что женщины склонны к деторождению, магии и колдовству. Вспомним теперь про теорию вероятностей — несомненно, мужское начало, рожденное и окрепшее за карточной игрой и во время безотрадных размышлений о судьбе и фортуне. Что она подсказывает? А то, что среди ста миллионов красивых женщин с браслетами наверняка найдется десяток миллионов именно с зеленым браслетом. Цвет не редкий. Светится как от электричества или тепла — значит, вкраплены энергоносители. Вероятность уменьшается, но цифра остается внушительной: около миллиона. В добре старое время пришлось бы исключить из рассмотрения тех из них, кому долго добираться до фитотрона, то есть почти всех. Ныне же поездка для любой из этого миллиона не превышает пяти часов из любой точки земного шара. Все они знали о фитотроне и звездном цветке. Неужели из миллиона не нашлось ни одной, которая захотела увидеть его? Пробраться в фитотрон и удостовериться? Зачем?.. Простое любопытство, стресс... что-нибудь в этом роде. Нить рассуждений была тонкой, но вполне правдоподобной. Как она достала цветок? Элементарная техника и даже телекинез — все подходило для этого. На песке, на дне аквариума угадывались следы, рядом с ним — тоже. Объяснение годилось. Выходит, это могла быть вовсе не Аира из легенды инопланетян.

А если она?

Наверное, кое-что послужило как бы сигналом к превращению, может быть, долгий анабиоз в камере космического зонда? Они предвидели такую возможность. И все, что они успели сделать, — это подготовиться к ней. Гены цветов несли двойную информацию. На них был как бы вышит узор — невидимое даже в самый сильный микроскоп изображение, в нем, допустим, и хранилось человеческое начало. Рисунок хромосом, полный набор генов. В подходящих условиях рисунок «проявлялся». Гены начинали управлять превращением. Рождался человек. Но какие это условия?

Я на минуту задумался. Мне трудно разобраться во всем, гипотеза вела меня слишком далеко. Вдруг я понял: одним из условий мог быть анабиоз! Ведь это значило, что цветок взят на космический корабль. Но главное не в этом. Не сам анабиоз,

конечно, вызывал превращение. Что же? Понять нетрудно: то, что следовало за этим. Если анабиоз прервался, значит, долгое звездное путешествие кончилось. Это и было сигналом. Стало быть, тут все и началось. Но где взять строительный материал, так сказать, материальную первооснову жизни? И машинально, без всяких усилий я вспомнил об океане. Разве не этой могучей стихии мы обязаны своим рождением — в эволюционном, конечно, плане? Вода, может быть, азот воздуха, атмосфера. Вот почему изменился состав среды в фитотроне! В тот вечер, когда Янков услышал вызов автомата...

...Вода пришла в движение. Стоп. Это капризная стихия, нужны дополнительные предположения. Среда должна быть такой, чтобы превращение могло состояться. Значит, они должны были предвидеть все. Ведь Янков говорил о роли тех миллиграммов примесей, которые всегда растворены, они могли помешать или помочь. Но это же просто! Вода не могла быть иной. Кто угодно на месте Янкова в точности воспроизвел бы ее состав. На этом и строился их расчет. Инопланетное озеро или море было их последним убежищем, их владением. Разумеется, они могли управлять его составом. На долю тех, кто отыскал цветы, осталось одно: сделать так, чтобы вода была такой же, ничем не отличалась ни по составу, ни по свойствам. В другой среде ничего бы не вышло. Вот оно еще одно условие: полное совпадение химического состава воды после долгих лет анабиоза! Это означало: рядом разум, люди, заботящиеся о них. Впрочем, они могли бы уловить и незначительные отклонения от нормы: и это само по себе свидетельство того, что кто-то заботится о космическом госте. Искусственная среда, несомненно, — одно из проявлений разумного начала. Следовательно...

Я много раз пытался связаться с Янковым, но его просто не было в лаборатории, он пропадал целыми днями, никто не знал, где он. И только на третий день мне сказали, что он в Минске, в том самом институте, куда попал грунт. Приятный сюрприз, подумал я, и для него и для меня. Что-то он скажет? Выходить на Минск я не стал, не знал еще, готов ли Янков к разговору.

Но он не появился и несколько дней спустя. Я махнул рукой на возможность встречи и послал ему вопросы, все, какие только пришли мне в голову. Вскоре получил ответ:

«Благодарю за ту неоценимую помощь, которую ты окказал мне. Сейчас я понимаю, что вопросы твои ускорили дело настолько, что даже я стал кое-что понимать в этой истории. Прежде всего мне хотелось бы подтвердить догадку о ферментах и катализаторах. Без них процесс в аквариуме, или превращение, как ты это называешь, не мог бы окончиться благополучно в ограниченное время. Здесь, в Минске, нам удалось обнаружить остатки этих веществ в пробе грунта. Сами на зная того, мы создали их, растворив в воде все необходимые компоненты, — тогда, когда начинался наш эксперимент. Они возникали в слабом растворе и напоминали жидкые кристаллы; зыбкие и неустойчивые, они распадались, уступая место другим, чтобы вновь появиться. Так устанавливалось своеобразное динамическое равновесие: в воде всегда присутствовали многочисленные компоненты, ускорявшие процесс в десятки и сотни раз. И в то же время сами эти вещества лишь помогали превращению. В этой сложной, как бы мно-

гоцветной картине нам еще и сейчас не так легко разобраться. Мы столкнулись с интересными явлениями, о которых нельзя было и подозревать, когда начинался опыт и все данные, казалось, были налицо.

Секрет разгадан не до конца, но замысел и его воплощение поразительны. Как это у них получилось? Даже представить трудно. Если бы ты рассказал об этом мне во время сеанса, я не поверил бы. Думаю, ты догадывался уже тогда. И, несмотря на это признание, не могу не заметить: как это тебе удалось промолчать? Впрочем, и я на твоем месте поступил бы точно так же. Янков».

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

— Сегодня день рождения Соолли, Глеб! — напомнила Валентина.

«Что ей подарить? — подумал я. — Вопрос. Я ведь, с ней незнаком. Значит, все равно».

В груде старых металлических вещей, которыми так дорожил Энно, я подыскал подходящую медную посудину столетней давности. Когда я почистил ее мелким тихоокеанским песком, она стала совсем как новенькая. Оставалось прилепать ручку.

Медный прут, который я еще раньше заметил в морском сундучке в каюте Энно, вполне подошел бы для этого. Нужно было достать молоток. Ни у кого на корабле не нашлось этой реликвии. Я вызвал того голубого робота, в исправности которого был уверен Энно, попросил решить задачу. Минут через пять он привнес пневматический молоток, который почему-то не работал.

Он пояснил:

— Устаревшая конструкция, не способна к самовосстановлению.
— Достань что-нибудь еще, — потребовал я, — чтобы можно было расплющить прут.

— Первичные задачи не программируются. Их решает Энно.
— Сам знаю, но ты же неглупый парень. Придумай что-нибудь.
— Хорошо, — сказал кибер и выскользнул за дверь.

Через четверть часа он явился с заряженной болванкой, которую можно было держать только обеими руками, такая она была массивная. Потом я отправился к Энно и через час вернулся с медной ручкой будущей кофеварки. Все это время кибер ждал меня; он истосковался по работе. Я подумал несколько минут и отправил его на палубу, чтобы он отвязал от шлюпки якорь и доставил его в каюту. Он попробовал возражать, но я убедил его — чем меньше у Энно под рукой будет музеиных экспонатов, тем лучше с точки зрения его собственной безопасности.

— Так что лучше сташить якорь вместе со шлюпкой, — закончил я, и это окончательно убедило кибера.

Но понял он меня буквально. Якорь отрезал, а шлюпку отправил за борт. Несколько дней после этого случая Энно как-то подозрительно смотрел на меня и то и дело переводил разговор на тему морской романтики и дальних путешествий, когда шлюпка может значить так много...

Итак, мы вооружились этими инструментами. Якорь служил наковальней. Ручку мы приварили ультразвуком. Кофеварка была готова. Я еще раз потер ее песком и подогрел в электронном термостате, чтобы металл слегка окислился.

Интересно, видела ли Соолли когда-нибудь свечу, подумал я, наверное, нет. Сувенирные свечи забыты в прошлом веке, значит... что, если попробовать? Уж щедрость так щедрость! Я выудил из моего кибернетического собеседника кое-какие сведения о стеариновой кислоте.

— Попробуем? — спросил я.

Он понимающе кивнул своей круглой симпатичной головой и пустился на поиски мыла и серной кислоты. Затем настрогал мыльных стружек, залил их водой, размешал, поставил смесь греться. Разбавил кислоту и осторожно влил ее в раствор мыла. После того как на поверхность всплыла белая масса, он указал на нее своим механическим перстом:

— Стеарин.

Он просушил его, завернул в мое полотенце. Отрезав от полотенца сухую полоску, сделал фитиль, расплавил стеарин. Опустил фитиль в стакан и залил стеарином до верхнего края. Стакан лопнул. Кибер извинился. Но свеча была готова.

Я упаковал подарки в коробку и отпустил помощника. Мы вошли с ним целый день.

Мне сказали, что гости собираются в лаборатории. Я пришел туда без опозданий, в эту скучную и прохладную обитель разума, но вокруг было пустовато. Светились холодные стеклянные цилиндры, в колбах сновали какие-то насекомые не крупнее мухи.

Я совершенно потерялся в этом безразмерном пространстве, где неслышно дышали кондиционеры, а гирокомпасы останавливали не только легчайшую бортовую качку, но, казалось, и само время.

Вот где Соолли прятала от людских глаз кошечку иглу! Среди обычных клеток попадаются и такие, что не хотят умирать. Словно энергия роста не убывает, как почти всегда, а остается неизменной илирастет со временем. До сих пор, я это знал, не было собрано сколько-нибудь представительной коллекции, относящейся даже к главнейшим видам.

Внешне такие клетки ничем не отличаются от других. Только вот обычные «кирпичики» через пятьдесят-семьдесят делений погибают, разрушаются, а с ними и все здание организма. Неожиданное исключение из этого печального правила — раковые клетки. И еще одна форма живого: клетки активные, неумирающие. Найти их труднее, чем живую воду. Но крохотные комочки протоплазмы — это семена и ростки могучего дерева жизни. Если бы когда-нибудь удалось объединить в организмы клетки бессмертные, или, как называла Соолли, активные! Не здесь ли это произойдет?

Думаю, что самые простые существа служили ей моделью, помогавшей разгадать секреты живого. На ее месте и я бы так поступил. На одном из цилиндров я прочел: «Опыты с внешней памятью». Знакомо, подумал я. Инфузории, например, не любят ударов электрическим током. Можно закрыть часть сосуда (лучше узкой трубки) от света и включить электрическое напряжение тогда, когда простейшие доберутся до теневого участка. Стоит пять-десять раз поприветствовать их таким образом — и они

будут поспешно поворачивать назад на границе света и тени, даже если их не будет там ждать электрический щелчок.

Подвижная затемняющая шторка позволила выяснить вот что: инфузории пугались не темноты, не тени, они поворачивали с того места, где прежде была тень. Они реагировали на следы испытанного удара, оставленные ими самими в том месте, где он их настиг. Это и есть внешняя память. Отсюда Соолли тянула зыбкий мосток к активности клеток. Будто бы выключить память — значит наполовину решить проблему бессмертия. Все на том же, конечно, на клеточном уровне.

...Через несколько минут я услышал голоса, смех и понял, что заблудился. Холл, где собирались гости, был рядом. Перегородка отделяла его от лаборатории Соолли. Я ни за что не нашел бы выход, искусно задрапированный, если бы передо мной вдруг не представала она сама не взяла за руку и не вывела из закоулков.

Я растерялся. Яркий свет слепил. Было шумно. Подошла Валентина, и все стало на свои места.

— Она красива, правда? — медленно проговорила Валентина, кивнув в сторону Соолли. И отвела глаза.

— Чем она тебе приглянулась?

Валентина порозовела.

— Просто я попробовала угадать. Жить бы ей во времена караванных троп, мускуса, солнцеликих невольниц и златотканых ковров. Я не могу ей возражать: только слушаю и думаю, что она говорит. Наверное, я еще нескладная девчонка по сравнению с ней.

— Она мне тоже нравится.

— Видишь, я угадала.

— Стоит девица Катерина, что твоя красная малина. Разодетая, разубранная, как ряженая суженая! Это о ней. Так я ее вижу.

— По-твоему, она такая?..

— Сына на свой день рождения прямехонько из прошлого века прибыла. Впрочем, это современно.

— Шутка?

— Я всерьез. А она сегодня веселая. Но так умеют веселиться только серьезные женщины.

— Я не могу.

— Нужно сосредоточиться на мысли, что все вокруг немного смешно.

— Мне хорошо, но я всегда немного сонная... и, наверное, растрепанная.

— Говорят, с возрастом это проходит.

— Приятно слышать, я не знала. Что ты ей подарил?

— Да вот... Нужно вручить.

И я направился к Соолли.

Как рассказать о ней? Соолли и впрямь казалась божественно-неповторимой в своем гладком зеленом жакете, туго стянутом серыми шнурками, в коротком темном платье с оборками и кружевными цветочками. К поясу ее жакета крупкой ниткой жемчуга была прикреплена анилиново-розовая астра. На подоле платья, под тонкими черными кружевами оборок тускло свелилась огромная серебряная булавка.

Блестящие локоны волос спадали на открытую шею, и она поеживалась от их упругого прикосновения. На длинных узких носках ее открытых туфель — неувядающие гвоздики.

Подошел Энно и осмотрел мои скромные подношения.

— Вещь, — отозвался он о кофеварке, — где взял?

— Брат из Антарктиды прислал, — меланхолично ответил я.

— Настоящая антарктическая, — заметил Энно и понюхал металлы. — А свеча?

«Да ты полный наив, старики», — подумал я и сказал:

— От деда по наследству досталась.

Я заметил, как сияли глаза Соолли: они были у нее выпуклые, темно-синие, с большими зрачками и оттого вечером казались почти черными. Ресницы у нее бархатные, как бабочки. Возраст ее определить было трудно, только манера держаться и могла выдать в ней сорокалетнюю женщину. Она восхитительно танцевала, весело смеялась, но смех ее не заражал меня. Я спрашивал ее о великом подводном мире — она отвечала не без поучительности, так, как отвечают на вопрос студента. Ей это было приятно. Черты лица ее менялись, они приходили в движение каждый раз, когда она улыбалась, открывая жемчужины зубов. Ей очень шли роговые очки, подаренные Энно.

За соседним столиком чинно сидели три кибера, и перед каждым стоял бокал с лимонадом и кусочком льда. Соолли вышла и снова появилась в накрахмаленном переднике, грациозно поставила перед ними вазу с конфетами. Кибера чинно ей поклонились. Когда Соолли величаво удалилась, Энно, поперхнувшись, тихо, но внятно сказал, обратившись к необычным гостям:

— А ну, сыники, давайте-ка отсюда...

Соолли... Невольно стал я думать о ней, но раздумья ни к чему не привели. Можно было представить себе, как озадачила бы и возмутила ее любая несбыточная история: книге на камне она, без сомнения, поверила бы последней. И потому я молчал. Я боялся, что ненароком возненавижу ее. И чтобы уйти от этой назойливой мысли, включил экран и спросил, как она представляет себе океан и планету, прошлое и настоящее и вообще все то, что имело отношение к биологу Соолли Эрнульф и ее лаборатории. Мы условились с ней: экран будет внутренним, только для нас. Маленький экскурс в прошлое. Прогулка. Точнее — фильм, режиссером и оператором которого была она. В этот день мне хотелось не узнать, а именно увидеть то, о чем я думал. А думал я о пятой стихии, имя которой — жизнь. Толчком к этим воспоминаниям послужила история с Близнецами. Итак, биофильм.

* * *

Над черными камнями, над огнедышащими кратерами, над дымящимися озерами, над потоками лавы, воды, над низкими горячими туманами гремели грозы.

Тучи в три слоя окружали планету: три ряда молний освещали темное пространство между тучами, три дождя одновременно низвергались на землю, смешивались в диком рече, рождая океаны.

...Серая мгла горячим саваном укрыла материк.

Дожди размывали лаву, размывали хребты, рушились каменные стены и перегораживали потоки. Глыбы первозданных нерукотворных плотин под тяжестью мутной воды двигались как живые, воды подмывали их и сносили в океан. Намывались острова. В первые разрывы туч падали горячие красные лучи. Пар, как белое молоко, стелился над берегом. И снова двигались хребты, содрогалась земля, пепел поднимался клубами, тяжело падая затем в стремнину. Потоки селей клокотали и сносили все на своем пути. Все стремилось к океану. Берега были черны от пепла и грязи. («Здесь не очень-то уютно, Солли!».)

...Самые большие глыбы заносило песком в считанные дни. Берега возникали и размывались. Лопалась кора планеты. В горячие швы бежала вода, взрываюсь жарким фонтаном, поднимаясь на целые мили вверх, стремясь опять к океану, разравнивая породы, рождая пески, перемалывая камни.

...Ложе океана занесло прахом первозданной земной коры. Многажды приподнималась земля на его месте. Поплыли плиты континентов. Где была суша, возник океан. Где было море, выросли, поднялись материки. Тepлый газ устремился в атмосферу. Пар и аммиак. Метан и водород. Солнце нагрело газ. Молнии соединили молекулы. Газы сгустились в жидкость. Жидкость вскипала от жгучих лучей и молний. Осколки молекул снова соединялись, образуя цепи — пунктиры будущих белковых тел. Капли из поднебесья попадали в моря.

...Смешивались с солеными водами, а воды меняли цвет. Цвет жизни — желтый палевый. Лучи не проходят светлыми столбами до дна они рассеиваются, растворяются в невидимой, несозиаемой субстанции и нельзя увидеть четкой тени в том месте, где под скалистыми обрывами зияют пещеры и гроты. Будто бы заползает свет и туда. А на зыбкой неощутимой грани света и тени движение. Новые цепи молекул. Электрические токи, новые соединения несоединимого. Разрушение и устойчивость на молекулярном уровне.

(«Терпи, — подумал я, — сам напросился. Сценарий ее поучительного фильма сделан, конечно, для первокурсников. Не специально же для тебя она его придумала. И в этом вся она. Неплохо бы ей ответить, не выходя за рамки жанра... Позже.»)

...Пузырьки воздуха поньне удивляют ученых: их поверхность как магнит. К ней прилипают органические вещества. Даже мелкие крупинки руд остаются на пузырьках, даже пылинки (флотацию изобрели инженеры флотацию совсем иного рода воспроизвела природа: тяжелые молекулы-цепи тянулись вверх за пузырьками). В белой пене воли — невиданное богатство, накопленное за миллионы лет, законсервированные грозы, неизримо сконцентрированные солнечные лучи — их отблески запечатаны в необыкновенном узоре молекул, прародительниц белка.

...Штиль.

Потом ветер, много дней кряду. Гонит и гонит пену к берегу со всего океана. Вода густеет в лагунах, а ветер дует и дует в одну сторону — в сторону берега. И вот нет песка и воды. Необычайный студень вместо них остается у безжизненных по-

ка камней. Он проникает в гроты, заполняет подводные пещеры, ложится толстым слоем на побережье.

Первые сгустки, не размываемые водой. Случайность соединила молекулы так, что они притягивают к себе вещество, растут. Они начинают жить. («Смотрите и слушайте внимательнее, Глеб, впереди — главное».)

Мерцающее лучевое давление заставляет дышать живые клетки и первородные пузырьки. Пульсация — это дыхание, обмен веществ, рост. Крохотные пузырьки возникают в белковых каплях и наполняются солнечным ветром, они, точно маленькие паруса, трепещут, дрожат от сияющих игл-лучей. Лучевое давление выдувает новые, дочерние пузырьки — так живое стало почковаться. Плазма потекла от центра к краям живых пылинок — наметились артерии. Межклеточный противоток плазмы положил начало венозной системе. Ионные биотоки заставляют плазму свертываться в волокна — так намечается нервная система.

Жизнь, подобно Афродите, возникала из пены морской.

...Вот как Соолли это представляла и видела. Мог ли я не вмешаться! Почти невольно я продолжил фильм.

Мои кадры — для нее...

Афродита выходит из пены морской. У нее темные волосы, большие синие глаза. (Точь-в-точь Соолли.) Выйдя из пучин на дневной простор, она тут же надевает старомодные роговые очки, не особенно заботясь об остальных предметах туалета.

Тут я включил звук погромче: «С днем рождения, Соолли!»

ОСТРОВ

«Гондвана» бродила близ Марианской котловины, и несколько раз я видел на горизонте зеленые острова и атоллы. Вода удивительно прозрачная. Планктон исчез. Мы продвинулись дальше на восток и увидели настоящие океанские пустыни: течения здесь давно утихомирились и не приносили питательных солей из глубин.

Где-то в районе Центральных Полинезийских Спорад мы обнаружили отклонения в скорости акустических волн, распространявшихся в разных направлениях.

Когда «Гондвана» шла полным ходом, перед нами словно в цветном калейдоскопе мелькали острова. В пределах одного архипелага расстояния между ними не так уже велики, и полинезийские лодки с отважными смуглыми гребцами на борту без труда преодолевали их. Коралловые острова резко отличаются от вулканических. Они едва выглядывают из океанских волн. Я был удивлен: растительность на этих плоских, всего в несколько метров высотой, памятниках жизнелюбию мелких морских созданий так однообразна, что все они казались издали одинаковыми. Здесь не произрастали ни хлебные деревья, ни бананы, не возделывались батат и ямс, не шумели леса, не струились реки и ручьи.

Экзотической красотой, роскошными пейзажами, считающимися классическими для этих мест, отличаются только острова вулканического происхождения. С этой оговоркой я мог бы под-

писаться под словами одного из путешественников прошлого:
«Перед нами зникла вдруг долина. Я окунул ее взглядом, затаил дыхание. Столь прекрасной и пленительной картины мне еще не приходилось видеть.

Вдоль черного, усеянного камнями берега волны разбивались, образуя беспокойную пену, в которой играли и сверкали блики солнечного света. За камнями сразу же начиналась полоса зеленой, как изумруд, травы, впереди росли стройные пальмы, раскачивая на ветру сultаны листьев, которые каждое мгновение меняли свой цвет от бледно-зеленого до темно-каштанового. Среди пальм виднелось несколько красных крыш и широкая дорога, окаймленная деревьями — цветущими тиарами и пуару. Дорога, однако, вскоре исчезала, теряясь в пышной и густой растительности, и растительность, подобно зеленой реке, заполнила всю долину, чтобы в конце концов упереться в скалистую круглую стену в виде правильного полукруга. Можно было поклясться, что находишься в театре, что горизонт — это нарисованные декорации, настолько гармоничным был пейзаж».

Как-то мы подошли к такому острову на «Дельфине». Только не было красных крыш и дороги — все здесь выглядело первозданным.

Валентина осталась на «Дельфине», а я сошел на берег и просил часа через три забрать меня. Я шел по теплому песку и радовался: похоже, что мечта моя осуществилась, остров был передо мной, и темные птицы кружили вдали, у невысоких скал. Я искупался в лагуне и растянулся на пляже. Но солнце припекало, и пришлось перебраться к скалам — там были и зелень и тень.

Я задремал. А когда открыл глаза, то увидел у самого уреза моря Валентину. Она что-то искала: низко наклонялась, разглядывала песок и ворошила его ладонью. Я думал, она собирает ракушки или камешки: это детское занятие удивительно шло длинноногой барышне в модном купальнике. Но я ошибался: в левой руке она держала сумочку вишневого цвета с узким ремешком и туда ссыпала то, что находила на берегу. Прошло полчаса. И вовсе незаметно было, чтобы сумочка стала тяжелее или сколько-нибудь наполнилась добычей. Это ее так занимало, что я решил подобраться ближе. И вот я увидел: она собирала песчинки; пристально всматривалась, сортировала песок на ладони, даже дула на него, выбирала какие-то невидимые крохи и прятала их.

Я улыбнулся: Валентина, кажется, охотилась за редкостями. Найти звучащую песчинку непросто. Даже миллиард кварцевых или гранатовых осколков не заставит заговорить звукоскоп, если только не повезет.

Валентина надеялась на чудо. Найти именно такую песчинку, какая нужна, очень трудно. Звук может сохраниться в кристаллике с определенным набором примесей, но чаще всего его не удается усилить даже с помощью самого чуткого прибора. Да и что может оставаться на морском берегу от прошлого? Шум прибоя? Плеск ленивой рыбы? Раскаты грома и рокот тропического ливня? Они повторяются вновь и вновь и скорее стирают следы времени, затушевывают его приметы. Неужели ей посчастливится?

...Совсем рядом поднималось над синим зеркалом вод закатное зарево. Берег, золотистый пляж вызывали далекие воспоминания о каком-то заколдованным парке, где исчезает время, превращаясь в мириады песчинок, где пролетают с криками птицы, махая радужными крыльями, садятся на песок, клюют песчинки и опять улетают в дальние страны, унося груз времени.

Валентина вошла в воду. Она была нага и шла в лагуну неторопливо, качая головой, подставляя ветру копну волос. Она побежала, взметая коленями белые брызги, рассыпая перламутровую пену, окунулась радостно и поплыла. Ее голова двигалась над синью навстречу багровому шару, рассыпающему последние лучи в зеленом закатном просторе.

Я вышел из-за скалы и, когда голова Валентины скрылась вдали, приблизился к урезу воды. Переоделся, проверил лучевой пистолет, вспомнил об акулах, о кальмарах, что днем спят в подводных пещерах, в страшных норах и зыбучем иле, а вечером устремляют глаза, полные мрака и злобы, к поверхности вод, к гаснущему солнцу и светильникам звезд. Правда, встречался я с чудищами морскими только на страницах старых романов.

Свет над морем стал серым, солнце тонуло, когда стала приближаться к берегу точка — голова Валентины. Я ушел в скалы и смотрел, как она выходила из воды. Песок был еще очень теплым и грел, наверное, ее ноги. Потому она шла медленно и на пути своем сгребала песок ногами и сгибала шею под тяжестью мокрых волос.

Она сняла камешек со своего светлого платья, достала какое-то необыкновенно широкое полотенце, ослепительно белое, пушистое, но разодранное в клочья, как парус в бурю, — сквозь дыры я видел угасший закат. Вытерла шею, прикоснулась к волосам большим гребнем, подняла с земли круглое металлическое зеркало, заколола волосы лиловым цветком и легла на теплый песок.

Я видел, как она медленно подняла колени и опять стала сгребать камешки и песок. Потом повернулась на бок и, закрыв голову руками, как-то странно зажав шею запястьями, уткнувшись в песок и застыла. Мне казалось, что она крепко закрыла при этом глаза и вслушивалась в слабые звуки моря, может быть, в шорох кустов на прибрежной полосе. Сильный порыв ветра изогнул зеркало лагуны, измял его. Валентина побежала за улетающим платьем. Догнала и наступила ногой. Вернулась, расчесала волосы, опять заколола их цветком, расставив ноги, с минуту стояла под ветром, медля, уступая его давлению и снова выпрямляясь. Быстро накинула платье, побежала по берегу, по сырому песку. Уронила туфли, пагнулась подняла, улыбнулась чему-то.

Надела мокрые туфли и пошла, оставляя следы от каблуков. А на плечах разорванное белое полотнище — последний крик пляжной моды.

Я вышел из-за камня. Окликнул ее. Она посмотрела в мою сторону, но не улыбнулась и не сказала ни слова. Глаза серые, серьезные, губы синие... Потом пошла вдоль берега. Я пошел за ней следом. Она вдруг испугалась, прибавила шаг, побежала. ..Мы бежали молча, точно был у нас с ней такой уговор. Ее

ноги упруго вдавливали песок в тридцати метрах от меня. Ей тяжело стало бежать на каблуках, она скинула туфли. Пока она это делала, я приблизился к ней почти вплотную. Теперь я слышал ее дыхание, она устала. Если бы у нее не было таких глаз, серых, больших, испуганных, я не побежал бы за ней. Ноги плохо слушались ее, она стала загребать песок. Я нагнал ее. Она вскрикнула. Я поднял ее на руки. Она казалась неимоверно тяжелой.

Кружевной воротник на платье был смят, она принужденно улыбнулась синими большими губами, как будто только сейчас узнала меня... Поднялся ветер. В ушах зазвучала какая-то протяжная незатейливая мелодия. Ей повезло: она нашла звучащую песчинку. Я начал спотыкаться, ноги подгибались. Она снова улыбнулась и сказала:

— Отпустил бы ты меня, а?

Ее голос звучал неестественно, я не узнавал его и по-прежнему брел по пляжу. Тогда она сделала беспомощную попытку освободиться и выскользнуть. Я удержал ее, но в следующую минуту наткнулся на камень, присел. Опять налетел теплый порыв ветра, погнал темные волны, зашумел в ушах. По движению губ я догадался, что она сказала:

— Я нашла звучащий песок... пока ты спал.

— Я знаю. Только я не спал, а смотрел, как ты купалась. Тебе было страшно?

— Да... но я сказала себе: нужно, хочу — и уплыла за лагуну.

— А потом?

— Потом стало легко... и ты напугал меня. Ты был похож на дикаря. И бежал за мной. Я не умею бегать. — чистосердечно призналась она.

Она говорила почти машинально, тихо и искренне. А я смотрел на нее, слышал ее голос, но не мог запомнить ни слова...

ПОЮЩАЯ ПЕСЧИНКА

Поющая песчинка в лалонях Валентины монотонным голосом полео-рассказчика с тихоокеанского острова поведала легенду.

...В час заката над радужно сиявшим морем, над бирюзовыми облаками взошла голубая звезда. Лучи ее упали на соломенную крышу новой хижинки: много дней строили ее смуглокожие юноши деревни, а темноглазые девушки плели циновки — дар молодым. И звезда скрылась ненадолго в закатном облаке, чтобы подремать в последний раз и потом сойти по ночному небу. Во сне она видела новую крышу, блестевшую, как золото, и слышала песни, которые будут петь завтра в честь Капуа, девушки из долины вулканов, что придет в эту хижину.

У Капуа был нарядный венок, сплетенный из живых цветов, на тонкой шее — звонкое ожерелье, на груди — тугая повязка, у нее проворные ноги и красивые руки.

Вечером в долину спускается юноша, он улыбается звездопокровительнице. Зовут его Мэя. Капуа ждет его у огня, она протягивает руки и получает подарок — сеть полную разноцветных рыб. Ему хочется рассказать о Капуа вслух, спеть о ней

песни, передать, как загадочна она в этом круге света от ночных огней, какстроен ее силует, который он заметил издалека, с гребня горы, лежащей на пути к лагуне. Странный образ всплывает в его памяти. Пэле. Богиня вулканов! Недоступная, высокая, огненно-порывистая, чьи волосы — багряные тучи, а тело — горы и потоки лавы.

— Мой привет тебе, Пэле! — восклицает Меа.

— Молчи, — шепчет Капуа, — ты смеешься над богами.

— Нет, я ошибся, — говорит юноша, — ты затмила Пэле красотой! Прости.

— Нет, не бывать нашему счастью, — потупясь, повторяет Капуа, — ты слишком дерзок. Пэле не простит нам этого.

— Пэле спит, успокойся.

Но в глубине кратера звезда-покровительница уже заметила разгоравшуюся искру, Пэле услышала. Из глубоких недр горы, наполненных жидким багровым огнем, вырвались удущливые клубы дыма. Спина горы содрогнулась. Застонал лес на ее гребне. Из глубокой раны земли выплеснулась лава. Она превращала деревья и зелень в черные скелеты, прохладные склоны в раскаленную печь, облака — в окровавленные клочья.

Меа и Капуа бежали что было сил, и под их ногами дымилась трава, а сверху на головы их сыпался горячий пепел. Всплеснуло, ощупью добрались они до реки, и обожженные пальцы коснулись мокрого песка. Меа искал пирогу и не мог найти ее. Жар прибывал, как вода в половодье. От реки шел пар, и Меа в отчаянии запрокинул голову, пытаясь найти голубую звезду. Небо было черным и дымным. Но один-единственный луч звезды все же прорвался сквозь тучи. Он посеребрил горизонт и указал Меа корму пироги, качавшейся на волнах. За мгновение до того, как жидкий огонь полступил к самому берегу, юноша и девушка вскочили в лодку и ударили веслами. Позади же лава перегородила реку, и плотина не пропустила ни капли воды. Но с оставшейся в реке водой они добрались до морского берега и поплыли к другому острову — искать новую родину.

Через день звезда появилась на бархатном вечернем небе, на своем обычном месте. Только блеску у нее поубавилось, потому что она обломила свой самый яркий луч, когда пробивалась через тучи пепла и дыма. Гневная Пэле увидела звезду и сбросила ее с неба.

Звезда ударила о поверхность моря. Струйка белесого дыма затрепетала над поверхностью лунных вод и исчезла. Звезда кувыркалась, плыла в синей воде и остановилась лишь тогда, когда зацепилась за острый край рифа. Над ней раскачивались коралловые деревья с кружевными листьями, а рыбы, сверкавшие тысячами красок, медленно плавали вокруг, и в их больших глазах светилось любопытство. Волны укачивали впавшую в немилость звезду.

В один из дней поднялась гигантская подводная волна, из тех, что, подойдя к берегу, вырастают выше пальмы. Она вынесла звезду на берег и засыпала ее песком.

Никто не знает, сколько времени покоилась звезда на берегу. Наконец на том самом месте в ясный солнечный день, под сверкающим взором неба, из земли поднялся восхитительный куст с блестящими серебряными листьями. И на нем вдруг раскры-

лись тысячи белых лепестков. Так родился цветок Науиака. Но одного лепестка на нем все же не хватает — того, который когда-то был звездным лучом...

Странно, что я не слышал этой легенды до Валентины. Я знал, как полинезийцы объясняли свет и тьму, течение рек и ручьев, рождение земли, песка и камней, тайны океанских бездн и хрустальное диво неба. Легенды говорят, что острова Вавау, Тупаи, Мауруа, Путан и Папанти появились из глубин после заклинаний. Но что такое заклинания? Лишь слова. Мольбы усталых измученных людей, отважившихся пуститься на легких лодках в океан, навстречу неизвестности. Голоса отчаяния умиравших от жажды и зноя среди водной пустыни. Гневные возгласы, обращенные к небу. И вот, когда они отчаялись, когда потеряли надежду, а губы еще продолжали шептать слова заклятий — из моря вырос остров, показалась неведомая земля. Как тут было не обмануться и не поверить, что магия слов помогла подняться сухе над водой!

* * *

- Ты веришь в Антлантиду? — вдруг спросила Валентина.
- Да.
- Ее найдут?
- Найдут когда-нибудь. И поднимут на поверхность дворец атлантов с позолоченной крышей.
- А что дальше?
- Откуда ни возьмись появится атлант и похитит сокровища дворца.
- Как это?
- Да так. Потом найдут его следы.
- Следы?
- Ну да. Следы приведут к берегу.
- И что?
- Ну... увидят следы. У самой воды. Их уже размывают волны. Он исчезнет там... Как и подобает атланту.
- А я все-таки верю легендам, — сказал она, и я понял: она упрямо возвращала меня к несбыточному, сказочному, словно что-то подозревая.

ЕСТЬ ТАКИЯ ИГРА: ОСТОРОЖНО ВОЙТИ...

Как это было? Она открыла дверь и вошла, ни слова не сказав. Остановилась, словно в раздумье. Потом быстро захлопнула дверь, и мы стояли с минуту лицом к лицу. Она казалась выше, стройнее.

— Соолли?

Угольный рисунок ее платья напоминал о сирене в серо-голубой волне. Легко кружилась голова, болели виски. Я что-то говорил. Необъятная волна подхватила меня, какие-то упругие теплые струи и течения управляли мной. Движения ее ладоней сняли боль в висках. Я чувствовал нежное касание пальцев. Каюта наполнилась душистым теплом. Потом — провал в памяти. Волна будто бы уложила на берег, но рядом я видел ее высокий белый гребень и ленившую спину купающейся сирены.

Она без усилий сливалась с волной, снова тянула меня с собой и открывала мне зачарованные подводные цветники с асцидиями, где волосы ее превращались в подводные лианы на коралловых глыбах и где прятались медлительные существа и рыбы. И опять я попадал на берег. Наконец она утихомирила темную волну, и я освободился от ее тревожащих касаний. Она вышла из нее белой и прохладной, в тонкой чешуе морской наяды. Рядом вспыхнули бесцветные горячие языки пламени. Пепельный свет вечера погас, и тогда я увидел в ее волосах зеленую звезду.

Она спросила:

— Расскажи сказку о женщине со звездой.

Я стал говорить, сначала сбивчиво, потом все увереннее, и она подбадривала меня и торопила, как будто ей нужно было знать это со всеми подробностями именно сейчас, не откладывая. Когда я умолкал, она требовала:

— Дальше!

И снова лиловые цветы, темное платье, блестящие туфли с бантиками, шорох потревоженного шелка, застывавшего на ее теле. Она уходила...

В этот момент я собрал остатки воли. В голове был теплый липкий туман, и я никак не мог ясно услышать свой же вопрос. Она открыла дверь. Я на мгновение увидел ее профиль и не узнал его. Это была уже не Соолли... Я крикнул и бросился за ней.

Протянув руку, я успел притронуться к ней, к рукаву ее платья. И тут же упал. Но я успел заметить сиявший зеленым светом браслет на ее обнажившемся запястье! Зеленый браслет!

— Стой! — крикнул я.

На палубе вскоре началось движение. Я бежал за ней. Расстояние между нами не сокращалось, но ей скоро некуда было бы отступать: на стометровом пространстве спрятаться почти невозможно!

И тогда я понял ее замысел. Поодаль, на корме, стояло несколько элей. Словно жуки с полированными надкрыльями, они только и дожидались того момента, когда им дадут команду взлететь.

Наперерез нам выскочил голубой кибер, мой хороший знакомый. Может быть, он мечтал о том мгновении, когда его позовут. Расстояние между бежавшим кибером и женщиной уменьшилось до десяти шагов. Я крикнул:

— Задержи ее, падай под ноги!

И тогда Аира легко, без напряжения прибавила шагу. В долгом плавном прыжке ей удалось уйти. Дверца одного из элей распахнулась перед ней, она вскочила на сиденье. Я увидел ее глаза. Эль поднялся. Кибер зацепил его перильце механическими пальцами и, раскачиваясь, взлетел с ним в воздух.

— Держись! — крикнул я ему. — Верни эль!

Он раскачивался все сильнее Эль сделал рывок вверх, потом резкий поворот. Описал кругой полуокруг над кормой «Гондваны» и, точно центрифуга, отбросил кибера. В мгновение ока эль набрал высоту и скрылся. Голубой кибер плюхнулся в пологую волну за кормой, подняв фонтан брызг.

Я подбежал ко второму элю. Дверцу захлопнул уже в возду-

хе. Но минуту спустя я убедился, что прозевал ее. В той стороне, где растаяла ее машина, радиогоризонт был чист, а с другой стороны плескались угасавшие помехи. Разобраться было невозможно. Я вернулся и стал разыскивать кибера.

Он набрал воды в корпус и готов был уже опуститься на дно морское. Я вытащил его. В кабине эля под ним образовалась лужица. Он молол несусветный вздор.

Уже совсем рассвело. Я забрался в каюту и плюхнулся на диван не раздеваясь. И снова будто видел подводный сад, он был теперь почти реальным, настоящим морским садом, на самом дне освещенной зеленым светом долины. Теперь я догадывался, откуда эти видения — от нее, от Аиры. Словно так только и могла она облегчить бремя воспоминаний — передав часть из них мне.

Я вдруг проэрел и вскочил с диванчика. Дрему как рукой сняло. Дрожащими руками открыл стол, выдвинул верхний ящик... Кассеты с записью, которую мне передал Янков, там не было! Вот зачем она пожаловала ко мне! Теперь я мог рассказывать всю историю кому угодно. Кто поверил бы? Я мог описать ее внешность, даже некоторые особенности характера, мог рассказать о том, что видел ее дважды — у фитотроне и здесь, на «Гондаване». Мог рассказать, что она оттуда со звезд. И что на борту космического зонда доставлен совсем не простой подводный цветок..

Значит, ей нужна была запись. Для чего — пока неясно... Выходило вот что: она должна была бы попытаться взять кассету и у Янкова. Если ей нужно было устраниТЬ любую возможность того, чтобы кто-то знал о ней здесь, на Земле, то она просто обязана была унести янковскую кассету.

И здесь я подумал, что в эту самую минуту она, быть может, там, в фитотроне. Я немедленно нажал кнопку МАГИТ — межконтинентального аппарата голографической информации и телекоммуникации

Долгая, почти не оставляющая надежд пауза. Сухой треск. Потом видеоканал заработал. Девушка улыбалась, но молчала. Была она красива. Но какой от этого прок, если на трассе основательный беспорядок?

— Ну? — спросил я, глядя прямо в глаза этого ослепительно-го мансекена с лицом языческой богини. — Будет связь?

Она снова невозмутимо улыбнулась.

Только через полчаса я увидел Янкова и сразу перешел к делу. Он задумчиво смотрел на меня и молчал.

— Никто не знает, что произошло, вчера фильм был похищен, — наконец сказал он.

— Что же ты молчал?

— Вечером мне сказали, что тебя нет.

— Где же я мог быть?..

— Тебя не нашли, вот и все. Валентина искала...

«Ну что же, теперь самое время пренебречь правилами контактов, — подумал я — И опубликовать интервью, скажем, с Ольховским. А потом напечатать и опровержение. Шутка, мол».

Я попробовал представить себя на ее месте. Незнакомая планета. Чужой мир. Вряд ли можно скоро узнать его законы. В таких условиях любой контакт будет вмешательством — ра-

зительным по своим возможным последствиям. Контакты измениют будущее. Эпизод с инопланетянкой, обретя силу факта, может стать даже поворотным пунктом развития, кто знает, кто предскажет, что будет через десять лет, сто, двести? Хотя, конечно же, давно известно, что предсказывать просто: нужно лишь помнить, что сбываются обычно лишь самые нелепые предсказания. В этой шутке есть доля истины. Наверное, эта женщина знала не хуже меня что жизнь — эксперимент, который нельзя повторить.

Весь следующий день я обреченно острял, мешал другим работать. Облизал корабль. Искал следы ее визита. Глуповато все это выглядело. На палубе столкнулся с Валентиной.

— Развитесь? — сухо, на «вы» обратилась она ко мне в с неестественным спокойствием прошествовала мимо.

«Так тебе, — подумал я. — Теперь расскажи ей о женщине, которую она, без сомнения, видела у твоей каюты, или даже более того. О, она сразу поверит, что это была инопланетянка!»

* * *

О загадочной женщине ходили слухи. В глухом месте, на быстрой полноводной реке в самый ледоход она спасла двух мальчишек, решивших перебраться на необитаемый остров. На пути к островку оба робинзона стали молча, мужественно тонуть. Не миновать бы беды, события развивались слишком стремительно. Вдруг по тонкому льду, перепрыгивая через разводья, пробежала она, бросилась в холодную воду, скрылась подо льдом, вытащила обоих и неведомо как на глазах у немногочисленной команды спасательного эля вывела, вынесла их на берег.

...В городе, в синем просвете среди лип, вдруг появится на аллее женщина, похожая и непохожая на Аиу: легкие шаги, чуть слышный шорох невесомого, как туман, платья, облако волос, то светлых, то темных, то золотых, теплых. И пленительный взгляд прозрачных глаз. В поле, в лесу, на солнечном косогоре — ее племчи цвета светлой бронзы, букет жарков в загорелых руках, едва заметный след, убегающий за ней по спутанной траве, мимолетное сияние из-под опущенных ресниц.

...Будто бы видели женщину далеко от берега рыбаки. Она плыла наперегонки с дельфинами. Над ними прыгали летучие рыбы, которые в последние годы действительно появлялись даже у Сахалина. С судна просигналили, думали, нужна помощь. Святая морская наивность.

Кто знает, так ли было на самом деле. Вздумай она продолжать в том же духе, о ней сложили бы легенды. Но случай особый: легендам о ней никак не превзойти правды.

Часть вторая. БЛИЗ БЕРЕГОВ ЗЕМЛИ

СЕВЕР

...Вдруг выяснилось, что мне нужно ехать на Север. Недалеко от устья Алазеи старый охотник якут Василий Олонгоев нашел ископаемого кита. Это без преувеличения настоящая сенсация.

Несколько тысячелетий назад стотонный исполин подошел к берегу и, как это случается с китами, сел на мель. Море отступило, и царь млекопитающих оказался погребенным под слоем суглинков.

Василий Олонгоев был не очень разговорчивым, но веселым человеком. В теплой палатке нашлось место и для меня. Несколько дней я жил жизнью эскимосов, чукчей и бродячих охотников.

На побережье стояла тишина. Утром ослепительно белый снег сверкал так ярко, что каждый раз приходилось привыкать заново к девственности и чистоте северного пейзажа. Льды, шурша, то отходили в море, то придвигались к берегу.

Однажды ночью меня разбудил Олонгоев:

— Проснись, Глеб, северное сияние проспиши!

Я вскочил и быстро оделся. Мы вышли в ночь, расцвеченнюю живыми огнями: зеленые и алые столбы света нависали над нашими головами и убегали вдали. На их месте появлялись другие, они раскачивались и путешествовали по всему небосводу. Движение их предугадать было трудно, и потому игра света поражала воображение. Белые и цветные завесы колыхались в небе, как будто далеко-далеко, за горизонтом, снежная королева играла своим алмазным веером. Прошло полчаса. Я не замечал холода. Вдруг в самом зените завертелась электрическая карусель, вспыхнуло белое пламя языки его, как от ветра, наклонились и начали свиваться в спираль. На мгновение расцвела золотистая яркая заря, и вот уж на месте фейерверка, на месте огненных кружев — мерцающий гасущий свет. Небо превратилось в тусклую заснеженную пустыню и погасло. Только слабые отблески еще оживляли угольно-черный купол над нами, но и они скоро пропали. Мы вернулись в палатку и долго не могли уснуть.

Работать начинали рано. Через несколько дней меня считали уже своим. Это чувство всегда приносит радость.

Дело двигалось не слишком быстро. Электрическая помпа подавала воду к обрыву. Струя была похожа на скальпель, вскрывающий земляной пласт. Постепенно обнажились кости. Часто приходилось останавливаться и работать вручную, чтобы не повредить скелет. Это был ископаемый усатый кит: меня поражали его размеры: двадцать восемь метров! Каждое ребро не меньше трех метров. Позвонок кита — и тот не обхватишь.

— Было время, другим был Северный океан, — размышляя вслух Олонгоев, — и льдов не было летом и киты водились. Такого красавца теперь на всей планете не найти. Самый большой из гренландских китов почти вдвое меньше.

— Как ты нашел его?

— Песцы дорожку показали. Весной все следы шли в одном направлении. Много следов. Что такое, думаю, Пошел по следам. Вот и набрел. Сначала думал, мамонт. Потом смотрю: нет, не похоже.

— Что же песцы добычу учудили?

— Очень им китовое мясо по нраву пришлось. Даже меня перестали бояться. В воздух выстрили для остротки — разбегутся. Пришлое прожектор поставить с красным стеклом. Ну и забавно они на него лаяли, почти как собаки. Соберутся

кругом, злые, шерсть дыбом, а подойти боятся. Так и уцелел кит. Теперь можно узнать, чем он питался здесь пять тысяч лет назад. И как жил. И где успел поплавать за свою долгую жизнь. Теперешние киты живут на севере и на юге, в Антарктике. И в гости друг к другу не плавают. А раньше? Вот ведь вопрос. Совсем мало знаем...

Недалеко от нас тянулась цепь озер. По их берегам торчали стволы лиственниц. В широких заболоченных котловинах, где исконяемый лед выступает над урезом воды, лиственницы ростом не больше человеческого. Я срезал одну из этих страдалиц: ствол насчитывал больше ста годичных колец.

Сверху, с эля, хорошо все видно: окрест мерцают бледные лики озер, над ними возвышаются округлые безлесные вершины горных кряжей.

Вечерами, когда работа кончалась и я чувствовал приятную ломоту в теле, меня тянуло в город, к людям. Олонгоев представлял мне полную свободу. От поездок он отказывался:

— Поезжай, я здесь, у чувала, посижу, трубку покурю.

Я брал эль и через пятнадцать минут был в Черском или в Алазайске. Полет над сияющей снегами равниной освежал и оставлял в памяти ощущение девственного простора, неподвластного еще человеку.

Там, в Алазайске, я встретил Силлиэмэ, девушку с монгольским лицом, в унтах, русском платке и белой оленевой накидке. Во Дворце книги, где она работала, было пустовато. Она отвела мне комнату, где я не то писал, не то дремал, не то читал. Так проходило два-три часа, потом я провожал ее домой и возвращался к Олонгоеву.

Кабинет Силлиэмэ тоже был уставлен книжными полками, среди них вились незнакомые мне лианы с алыми цветами. Она подолгу слушала мои рассказы о «Гондане», об океане и колдовала с газовой горелкой и прозрачным кофейником, похожим на колбу алхимика. Как-то она спросила:

— Правда ли, что хотят взять у Солнца побольше света и тепла?

— Правда. Есть такой проект.

— Это трудно, даже не верится... Разве мало того, что оно дает сейчас?

— Пока хватает. Только вот у вас здесь холодновато.

— Это не скоро будет.

— Что — не скоро?

— Солнечный туннель.

— Гуннель... а ведь зерно, и так можно назвать. Раньше отводили воду из озер по туннелям на турбины. А сейчас вот подумывают о том, чтобы от самого солнца свет к земле подвести

— Только туннель будет прозрачным, как из стекла. Его образуют частицы, атомные ядра. Все это я слышала много раз. И читала Извини. Глеб я тебя немного разыграла. Ведь я давно хочу поехать на этустройку. Жду не дождусь, когда же это начнется. Ведь интересно, да?..

У нее было много старинных книг.

На просторных деревянных полках разместились сотни томов, среди многоцветья прописей на их плотных корешках мелькали

слова-солнцецветы: «Корона Солнца», «Солнечные бури», «Лучи, дарующие жизнь». Все было о Солнце.

Зачем ей старые-престарые книги?

Позже я спросил ее об этом. Ответ был прост:

— Мои предки называли себя людьми Кюн Эркен.

— Кюн — Солнце! — догадался я и обрадовался догадке.

— Угадал. Теперь угадай, что означает Эркен...

— Эркен... Эркен... — повторил я, — нет, не знаю. Об этом ты не говорила.

— Ну и что же, — тихо воскликнула Силлиэмэ, — загадка так проста.

— Яркое! — твердо сказал я и в глазах ее прочел: «Да!»

— Люди лучезарного солнца.

— Расскажи о лучезарном солнце!

— Ты знаешь о нем больше моего.

— Теперь я не уверен в этом.

— Хорошо, я расскажу, — вдруг согласилась она. — Я расскажу о людях с поводьями за спиной...

И это, по словам Силлиэмэ было еще одним поэтическим названием племени солнцепоклонников, легендарных кураканов, пришедших с юга. А поводья — это лучи, с помощью которых Солнце управляет ими. Их земли — Алтай, Саяны, Забайкалье, может быть, и другие — к югу от Алтая. Десять столетий назад пришли они на Север. Они принесли с собой свои предания, умение жить в ладу с природой. Сам их приход стал легендой. Кюнгэсэ — символическое изображение солнечного диска, железный кружок, пришитый к стариинному шаманскому костюму, который увидишь разве что в музее. И маленькие гравированные серебряные пластинки на серебряном же кольце напоминали о Солнце, о юге. Пространное и звучное слово илинкэлин-кэбн-сэр (так они назывались) чем-то сродни «бисеру» и русскому «кольцу». Может быть, родина их была далеко на западе в просторных степях, недаром же Араг хорошо известен их скизителям под именем Араат. А имя одного из богов судьбы — Чынгыс Хаан — разве не говорит о реальной основе их мифов?..

Мне не казалось странным ее увлечение, граничащее с идолопоклонством. И я не спрашивал, почему она горячо и наивно одухотворяла Солнце — ни сейчас, ни позже, когда встретил ее далеко отсюда. У самого Тихого океана, где начинался невидимый туннель, ведущий к Солнцу.

...Как ни странно, я не видел настоящей северной весны. Говорят, она такая бурная, что застать ее не так просто. За считанные дни лес одевается светлой, свежей хвоей, над тундрой пролетает невиленное множество птиц: гуси, утки, лебеди, кулики, стерхи, чайки...

Рассказы Силлиэмэ и ее книги помогли мне как бы воочию увидеть это быстропреходящее состояние природы на Крайнем Севере. Весна здесь показывала, что будет, если добавить хоть немного тепла и света. Для меня это было своеобразной моделью будущего. Проект «Берег Солнца» прежде всего нужен был Северу — Вершине Планеты. Чтобы навсегда удержать весну, которая, если верить рассказам, полна необычного шума, движения, рокота бегущих потоков, пения и говора перелетных птиц, живительных дуновений южного ветра.

...И там, среди тайги и тундры, то и дело звучали во мне далекие голоса, среди них голос Аиры. Всего нескольких слов, что я услышал от нее, хватило, чтобы хорошо запомнился тембр: она говорила так, будто сильная медленная волна перекатывала по дну круглые камни. Низкий, красивый, певучий голос.

ПИСЬМО

Дома меня ждало письмо. Я бы никогда и ни за что не угадал, от кого оно, если бы согласно стариинному обычаю меня спросили об этом прежде, чем вручить.

Вот оно, это письмо:

«Дорогой Глеб! Пришло время написать Вам — и я пишу. Совсем не для того, чтобы рассказать о себе, — главное Вы уже знаете, об остальном догадываетесь.

Мысль написать Вам возникла тогда, когда я представила Вашу будущую статью о проекте «Берег Солнца». Вы ведь собираетесь ее написать?

Но попробуйте на минуту задуматься: почему же это нигде в обозримой окрестности вселенной не работает такая космическая машина? И как это никому из мыслящих существ, о которых на нашей планете создана обширная литература гипотез и фантастических теорий, не пришло в голову заняться всерьез подобными опытами? Может быть, такую звездную станцию трудно заметить издалека?

Нет, Глеб. Было время, наши астрономы следили за звездами, и от их приборов не укрылось бы плененное разумом святило. Проверьте, Глеб, они знали свое дело. Мы не стремились выйти в космос, мы не спешили: места было предостаточно. Наш путь был другим: волны и лучи давали нам знания, мы читали книгу звезд, мы осязали дыхание туманностей и галактик, и мы многое узнали о жизни (вы правы: это загадочная стихия).

И тогда случилось то несчастье, о котором Вам рассказали письмена на камне. Мы не добрались бы вовремя до другого солнца и другой планеты. У нас оставалось слишком мало времени. И тогда мы укрылись в озере. Мы заранее позаботились о новом доме... Вы знаете: мы готовились к тысячелетнему сну. Что мы могли поделать?..

Ах, как это было бы здорово: направить ваш луч к созвездию Близнецов и отобрать у нашего слишком яркого солнца ровно столько лучей, сколько надо, чтобы вернуть планету к жизни! Всех, кто там остался (их миллионы!), вызволить из подводной темницы. Поздними вечерами я иногда думала об этом. И мечта уносила меня туда, к ним. Если бы вы знали, как хотелось поверить в мечту! Я говорила себе: они сделают это, у них конус, туннель, по которому можно отводить лучи света, словно воду из озера...

Вы хотите овладеть энергией звезды, управлять ею? Задумайтесь: овладеть энергией солнца — значит частично погасить его. Согласитесь, это похоже на изменение звездной структуры Галактики. Для того чтобы отважиться на это, нужно либо знать гораздо больше, чем мы, либо вовсе ничего не знать о вселенной.

Жизнь, разум быстро изменяют все, к чему прикасаются. Травы и цветы устилают долины. На смену девственной синеве джунглей и раздолий тайги приходят другие оттенки — желтуют нивы, чернеют пашни, изумрудные зелени встречают жаркое лето. Встают города, подняв слепые перископы башен. Сиреневые шоссе пересекают междуречья. Бетон и железо безудержно теснят леса. И вот, когда кажется, что планета охвачена стальным кольцом, неумолимо сжимающимся, растущим вглубь и вширь, происходит очередное превращение. Бетонное кольцо начинает отступать. Снова зеленое царство, и песни птиц, и журчание ручьев. Найдены, нашупаны истоки жизни. Сероватая пузырящаяся масса дает все больше того, что раньше называли хлебом. Дает энергию и редкие металлы...»

Здесь я оторвался от письма. В комнате было темно, на столе медленно сходились два сумеречных пятна. Граница слабого света и тени делила страницы пополам. Письмо было написано наспех, электропером, кое-где пропущены буквы. Показалось: зажгу свет, и оно исчезнет, улетучится.

«...И так до тех пор, пока истоки живого и неживого не скроются. Вот тогда-то сложные приборы начинают расти, как грибы. Сами по себе, как будто без всякого вмешательства извне возникают неведомые конструкции, плотины, летательные аппараты диковинного вида. Сами гены, освобожденные от врожденной обязанности — вечно сопутствовать телу, сами эти неловимые частицы разума и жизни (впрочем, тоже синтезированные), дают начало цепочке метаморфоз.

Все ступени этого восхождения были уже видны нам... Покинуть бы нам планету на таком вот корабле! Почти живом, сотканном, сплетенном мириадами незримых помощников. В тело его были бы тысячи струн-нервов, и чуткие космические ушиловили потоки частиц и волн, что без устали посыпали звезды.

Мы не смогли этого сделать, мы опоздали. Навсегда. Навечно. Нелепая случайность: в системе двойных звезд планета потянула свою орбиту, ее захватила другая — горячее Солнце... Быть может, виной тому опыты с концентратором гравитации! И мы сами столкнули этот невидимый камень с горы? Никто не знал этого наверняка.

Вы уверены, что вмешательство в жизнь звезды пройдет бесследно для будущего или хотя бы для настоящего?

Будет совершен поступок, который трудно прогнозировать. Вдруг звезда потеряет заметную долю своего блеска. Пусть на очень короткое время. Лучи же соберутся в конус, слабо свящающийся, вытягивающийся к невидимой точке. Этим вы дадите знать о себе всем, у кого есть приборы и средства наблюдения. Теперь вы знаете, что не одиночки в космосе.

Дело не в той небольшой доле тепла и света, которую вы отберете у Солнца. Начав изменять мир, вы не сможете остановиться. Закончив фундамент, вы поставите стены. Построив дом, вы будете строить город. Создав город, будете прокладывать дороги, строить новые города в космосе. Звезда станет в одном из них уличным фонарем. В другом городе — другая звезда... Я не зря напомнила вам о том, как быстро изменяет разум все, к чему прикасается. Но есть, наверное, пределы влияния на будущее. Вы можете уничтожить лес, реку, море, даже спутник

планеты. От этого зависит только локальное, ваше собственное будущее. Время затягивает почти любые раны, нанесенные планете и ее ближайшей окрестности. Устанавливается своеобразное равновесие. Динамическое равновесие между природой и человеком: условием его является постоянная деятельность. Вы должны постоянно поддерживать это равновесие, заботиться о нем.

То же самое может произойти в космосе, в дальнем космосе. Вы будете вынуждены постоянно изменять его. Раз начав, нельзя успокоиться. Что это будет означать?

Мы остановились когда-то вплотную у этого рубежа. Вы тоже приблизились к нему. Это новая, удивительная граница возможностей. До сих пор все, что вы могли сделать, вы делали. Любые проекты казались вам осуществимыми или неосуществимыми только по одному признаку: хватит ли сил и средств. Я думаю, это первая фаза развития любой цивилизации. Все, что можно, осуществляется рано или поздно.

Вторая фаза совсем иная... Совершается не все, что можно осилить. Что-то должно остановить вас. Задуматься. Может быть, стоит внимательнее присмотреться к себе, к своим успехам? И попристальнее взглядеться в черные, кажущиеся безжизненными пустоты. Разум — это тоже стихия. Он сложнее, сильнее и загадочней всех стихий, о которых вы, Глеб, иногда вспоминали на «Гондане».

Старые истины о контактах вам, вероятно, известны. Вообще говоря, контакты невозможны. И все же, как ни странно, они, наверное, не такая уж редкость. И тут есть границы дозволенного, или, как мне нравится говорить, — пределы упругости. Я за «пластичные» контакты: тогда вы можете вычеркнуть их из памяти, если нужно. Контакты не должны оставлять следов, иначе они будут вмешательством в чужую жизнь. Последствия предвидеть невозможно. Как невозможно создать компьютер, который бы подменил жизнь, сообщество людей.

Мое письмо к вам было бы неполным, если бы я не добавила того же и относительно освоения энергии звезд. Ведь это освоение с неизбежностью означает и контакт, по крайней мере, односторонний. (Я хорошо помню вас, Глеб, признаюсь вам: нелегко отказаться от извинений за то, что произошло на «Гондане». Легче считать, что ничего не случилось. Погиб кибер, вот и все. Хорошо, что вы журналист: можно придумать для себя и других любую историю. Мое письмо к вам — пример пластических контактов. Ведь его можно сочинить самому. Или порвать. Или предать забвению. Или рассказать о нем — все равно не поверят.)

Аира.

ГДЕ ПРЯЧЕТСЯ ЛЕТО

Фитotron Янкова расширялся. Зеленую лабораторию готовили к приему дальневосточной флоры.

Янков должен был приехать к нам в командировку, и я предвкушал, как мы облизим с ним побережье и горные перевалы. Где-нибудь в чаще набредем на белый орех и корень жизни, с шумом будем продираться через заросли заманихи и свободноядовника. Женьшень, лотос, бразения растут у нас на воле.

И у нас есть фитotron или даже два, но не такие, они не похожи на гигантскую лабораторию Янкова. У него все не только растет, но и образует целые ботанико-географические области под крышей. У нас по-другому. «Нет комплексного подхода, — так однажды выразился Янков. — Кроме того, у вас увлекаются тропиками». Что же, посмотрим, поможет ли его поездка восстановить исчезнувшие пижмовые степи у Ханки или заросли бразеней Шребера в озере Заря.

Не помню ни одного пасмурного дня после возвращения в город. Здесь, в городе, в его окрестностях, как и во всем Приморье, было еще лето. Резкий контраст с тундрой. И когда приехал Янков, мы сошлись с ним на том, что не все еще потеряно.

Сборы были недолгими: мы погрузили походный скарб в эль и, сделав прощальный круг над бухтой, понеслись в таежные джунгли.

По дороге он рассказал о Байкале, где провел целых два месяца. Трудно было поверить, что там, у холодного озера, можно увидеть еще такое, о чем я и не слышал. По его словам, например, весной сквозь незаметные трещины во льду на свет божий выползают личинки бабочек-поденок, куколки ручейников и направляются к берегу: их так много, что прибрежный лед черен. С береговых сопок приходят медведи. Вода становится серебристой от рыбы.

Это загадка. Взрослые насекомые спариваются и гибнут через несколько дней. Зачем природе такое расточительство? Когда птицы летят на Север выводить птенцов, это понятно: летом именно там много света, корма, простора для пернатых. А вот бабочки, умирающие сразу же после рождения, заставили меня поломать голову. И мой друг-биолог ничем не мог мне помочь.

Остановка. Мы сели на хорошо заметную площадку для элей. А вокруг нас — джунгли, непроходимые чащи. Впереди бурлил поток. Вода скатывалась по валунам, покрытым лишайником, пенилась и падала в серо-синюю каменную чашу. Там мелькали тени форелей и под свесившимися кустами какой-то зверь жадно пил воду. Мы вслугнули его, и он удалился, уронив в ручей несколько мелких камней.

Выше каменной чаши через поток было перекинуто толстое дерево. По стволу шнырял поползень, увидев нас, он скрылся среди листвы. Дерево над потоком жило. Зеленели его ветви, орошаемые голубоватой водой. Когда-нибудь на этом месте, думал я, поднимется настоящий зеленый мост

Мы прошли по живому дереву, выбрались на берег и долго брели по чаще папоротников, доходивших до пояса. Впереди мелькнула рыжая спина косули. И снова — заросли, зеленые разливы...

Нам открылась долина. Тридцатипятиметровые раскидистые чозении выселились над ней почти на равных расстояниях друг от друга. Ближайшее к нам дерево развесило вековую корону так привольно, что заслонило половину долины. В ее листве спрятались и солнце, и светящиеся облака, и близкие лбы сопок. Рядом с чозенией усохшее дерево обычных размеров казалось причудливым кустом. На сухой вершине его я заметил брошенное гнездо скопы. Где-то стучали дятлы.

На исходе первого дня — гроза. В мгновенной вспышке света

под исполинской изломанной молнией — гребни леса, серые столбы дождя. Гул раскатов и эхо, грохот воды в распадке. Черная быстрая тень — не то зверь, не то человек. Я даже испугаться не успел. Прыжок, еще прыжок, удаляющиеся шаги — вот и все.

— Это была она! — выпалил я утром.

— Аири? — Янков настороженно посмотрел на меня.

— Что же тут такого? — сказал я. — Раньше она слышала нас в эфире, а теперь нет... и на время потеряла след. А теперь вот...

— По-моему, мы оба нездоровы, — ответил Янков.

А утро ясное, тихое. Забыты тревоги. Начинается, разгорается день. День с большой буквы, начало жизни.

На пойменных лугах с высоченными, в рост человека, травами мы с Янковым собирали нашу коллекцию особенно тщательно. Здесь встречались желтушник левкойный, жгун-корень, девясил японский. Нам попадались кусты секуринеги и родственница батата — диоскорея лечебная. Мы разбредались среди зарослей и выискивали все новые экспонаты. Одной только жимолости мы нашли несколько видов. Янков действовал так осторожно, что растения, наверное, даже и не ощущали прикосновений аппарата. Даже стыдливая мимоза не сложила бы свои листья, настолько осторожен был поиск. Ведь требовалась всего одна живая клетка: потом, в лаборатории, из нее вырастет целое растение. Вся коллекция умещалась в небольшой коробке.

На марях мы находили белозор, водянику, разноцветные мхи. Здесь росли вереск, клюква, голубика. Входя снова в полосу разнотравья, мы удивлялись пламеневшим цветам лилий и оранжевым саранкам, светящимся с приходом сумерек.

Мы поднимались выше в горы, там шумели кедровые рощи, а рядом качали светлыми головами ясени и клены.

Словно драгоценными камнями, любовался Янков прозрачными кусочками смолы. Разумеется, законсервированных клеток сквозь смолу не было видно, слишком уж они малы. На каждой бусинке мы писали несмываемой краской номер, чтобы потом можно было разобраться в этом богатстве.

К ночи мы запалили костер под сенью огромного тополя. Внизу о чем-то бормотали струи Кедровой. У нас здесь было почти темно, и красный огонь в ясном прозрачном воздухе напоминал лампу. Багровые языки легко поднимались вверх, свет их был ровным, без искр и дыма. А далеко-далеко, в той стороне, где сопки убегали к морю, еще висели позолоченные облака. Их алые края касались каменных гребней и составляли единое целое с хребтом — необыкновенно привлекательный мир света, волшебных небесных огней, в реальность которого поверить было трудно...

Меня не покидало ощущение, будто за нами пристально кто-то наблюдает. На следующий день я заметил следы на песчаной осыпи, но промолчал...

Мы вошли в один из лесных заповедников долины Амура, оставив за спиной Хабаровск, живописную Уссури с ее привольными берегами, левые притоки Амура и повернули к Амгуни.

Старая тропа, проложенная такими же искателями лесных

кладов, как и мы, вела на северо-восток. Над нами было ясное холодное небо. Часто встречались бирюзовые озера, по берегам которых толпились светлые березы и золотистые пихты. И неизбежные сопки у горизонта — они волнами убегали от нас. С эля они казались застывшим голубым морем, особенно ранним утром, когда тени придавали распадку глубину.

Я уговорил Янкова, и мы часть пути проделали на легкой оморочке, которую я выпросил в поселке. Это была моя мечта — пройти порожистую речку на оморочке. Мне казался фантастическим и способ ее постройки. Надо найти березу, у которой древесина сгнила, осталась одна кора. По длине ствола прорезается щель, через которую удаляют труху. В щель вставляют один или два деревянных обруча. У концов лодки береста складывается и загибается кверху. Последний пеший переход — от поселка к речке — и вот мы уже идем на лодке мимо гористых берегов.

Георетически я мог управлять оморочкой — целый день во время длинного привала меня учили этому старый эвенк, старожил заповедника. Он же отметил на карте опасные места — перекаты и затопленные деревья. Лодку швыряло в водоворотах, и от края борта до воды оставалось всего два-три пальца, но я удерживал оморочку, благополучно входил в быстрое течение, миновал коряги, торчавшие из воды, и большие камни.

Когда красное солнце касалось вершины сопки, лес пыпал. Над нами на каменных осыпях, на круtyх обрывах, на галечных косах у реки, на каменистых склонах, лицом своим обращенным к пламенеющему краю неба, — всюду проступала багровая краска заката. Лодка наша неслась по черной стремительной воде, и запахи предвещали свежие, ясные, благоуханные ночи — время сов, белых мотыльков, странных шорохов в распадках...

На сравнительно спокойном месте наше берестяное суденышко стукнулось обо что-то и начало наполняться водой. Мы оказались по грудь в воде.

— Смотри-ка! — воскликнул Янков. — Элы!

Впереди нас, в углублении, выбитом в каменистом дне, лежал затонувший эль. Наша оморочка натолкнулась на его ионообменник.

— Авария произошла недавно, — заключил я.

— Предчувствие?

— Да нет. Присмотрись: там еще горят красные сигналы.

Мы выбрались на берег, переоделись, разложили костер. Лежа на теплых камнях, долго говорили о затерянных мирах — в космосе и на нашей планете.

— Помнишь впадину в Бразилии, которая могла бы служить моделью «затерянного мира»? Крутой обрыв, кратер с отвесными стенками и на дне — там, куда и солнце заглядывает лишь на один час в сутки, — неведомый лес, и перепончатые крылья невиданных тварей... Жаль, что с тех пор так много воды утекло, и никому из нас не встретить больше ничего подобного — ни в Бразилии, ни даже в Антарктике. Все. Свершилось. Затерянные миры изучены и занесены в каталоги и географические атласы. И этот — тоже.

— Зато мы нашли настоящий затерянный мир среди звезд.

Точнее, не мы, а наши предки, пославшие корабль... — и я рассказал Янкову о письме Аиры.

— Это почти сказка.

— Мы еще вернемся к ней.

— Может быть. Хотелось бы.

Над нами поднимались высокие ровные стволы пихт. Их золотые шапки старались затмить солнце, но лучи пробивались сквозь золото ветвей и согревали нас.

— Как она узнала, что копия записи у тебя? — спросил Янков. — Ну, скажи на милость, как ей все удалось так ловко?.. В фитotronе тебя с нами не было.

— А браслет?

— Что браслет? При чем...

— Мы же с тобой говорили о ней! Связь, радиоволны... достаточно любого чувствительного телеприемника, чтобы узнать, даже увидеть нас с тобой во время разговора. И совсем уж нетрудно ей было догнать «Гондвану».

— Значит, браслет?..

— А почему ты решил, что она беспомощна? Она не из каменного века. Умеют и знают они больше нашего, пожалуй. Зачем ей браслет?.. Укращение?.. Нет, биоприемник, излучатель. Ее электронный помощник, наконец. Научиться языку надо? Надо. Освоиться со своей ролью надо? И притом очень быстро, может быть, за несколько часов.

— Несложно все это. Нажала кнопку любого автомата на улице — и платье, и туфли, как раз по размеру. Знание языка?.. Ну о чём ей говорить-то?

— Да не говорить! Понимать! Должна она знать, к кому попала?

— Значит, браслет?..

— Да. Без него ей было бы трудно. Такая уж у нее судьба — жить под чужим именем, затаиться на времена. Ее письмо... видишь ли, оно написано так, как я сам бы написал. Ее интересует проект, это ясно. Она хотела помочь, ее письмо — почти готовая статья. Она как будто говорит нам: «Добейтесь успеха. Будьте осторожны, но настойчивы». Она разгадала меня, Борис. Мне кажется, она теперь может думать за меня...

— Ну что ж, значит, браслет! А кто эта женщина, ее двойник?

— Союли? Просто женщина.

...Утром мы не нашли на площадке свой эль. Он пропал.

— Зачем красть эль? — спросил я с расстановкой. — Ведь его можно заменить, вызвать другой, сообщив свое имя и точные координаты. Понимаешь?

— Этим мы и займемся, — хладнокровно ответил Янков.

ГОРОДСКАЯ ИНТЕРМЕДИЯ

Вечером того же дня мы были дома. Темные глазницы окон — только на верхнем этаже еще горит свет. Шелестят тополя. Люблю едва слышный говор тополей. Сейчас этот шелест возвращает меня в мир привычный, обыденный, обжитой.

Мы с минуту постояли на каменном крыльце.

Но что это? Одно из моих окон распахнуто настежь. А ведь я хорошо помню, что закрывал их.

Мы поднялись по лестнице, открыли дверь. Темно. Я зажег свет. У зеркала, на журнальном столике — аккуратно сложенное женское платье, а рядом на полу — светлые туфли. И чисто загорелые руки разметались во сне на постели. Я тихо подошел: Валентина. Ее волосы совсем закрыли подушку. Я в первый раз увидел, как она спит. Янков стоял у двери. Я чувствовал его взгляд. Мы ушли с ним в другую комнату и долго сидели за чаем. Я рассказывал ему о «Гондване», об океане, о Полинезии, которую, как оказалось, он не видел и не представлял себе эту заповедную землю, затерянную в синих просторах на радость путешественникам. Он был удивительным домоседом, чуть ли не отшельником.

Мы говорили и о главном: что делать со всей этой космической проблемой? Если мы об этом не подумаем, то кто же.. Я достал письмо, эту странную реликвию, очевидное для меня свидетельство контакта с иной цивилизацией. Интересно, поверили кто-нибудь, что эти строки написаны инопланетянкой, да еще попавшей на Землю таким необычным путем?

— Конечно, нет! — воскликнул Янков. — Даже я иногда думаю, что нас кто-то разыгрывает. Быть этого не может, говорю я себе.

— А между тем он состоялся... контакт.

— Да. Из этой женщины не получилось бы делегата конференции по контактам. Огромный зал... объемные экраны, полная связь со всеми континентами, с марсианскими и лунными станциями и филиалами. Тысячи специалистов. Сотни томов отчетов. Расчеты и прогнозы — наука! И вдруг контакт!.. Случайный. Краткий, как мгновение. Наука? Но наука чаще всего имеет дело с повторяющимися явлениями.

...Меня разбудило не по-осеннему горячее солнце. Весь оконный проем затопил поток рыжих лучей. За стеклом они, точно монеты, перебирали желтеющие листья на аллеях. На сосновом полу дрожала тень тополиной ветки. Я встал, умылся и долго смотрел на белые облака. Где-то скрипнула половица. Прохладные ладони закрыли мне глаза. Она была за спиной и держала мою голову так, что я не сразу мог повернуться к ней.

— Не отпускай меня! — сказал я.

Она послушно прикрывала глаза ладонями и прижимала мою шею к себе.

— Теперь отпусти, — сказал я, — уж очень стало тепло!

И так же послушно она выпустила меня, я повернулся и увидел ее серые глаза и светлые волосы — они были немного расстрепаны. Я никак не мог понять выражение ее лица. Не отрываясь я смотрел на нее. Мои плечи грело солнце. И я пытался, насколько это возможно, растянуть время. Хорошо. Но вот я увидел: зрачки Валентины стали сужаться. Наверное, от света. Вместо глаз — два странных серых цветка.

Я находил в ее лице перемены. Но мне трудно было пока подыскать слова, чтобы рассказать ей об этом.

— У меня глаза устали, — сказала Валентина. — Солнце как в июле.

Я вспомнил о Янкове.

— Уехал, — сообщила она спокойно, — собрался и уехал. Рано утром. Я уже не спала.

— Как?

— Что ж тут удивительного? Ему пора. Он тебе, кажется, записку оставил. А я у тебя могу немного задержаться.

— Ты что, тоже уезжаешь?

— Завтра «Гондвана» уходит. Я жила у тебя три дня, а ты все не приходил и не приходил. Где вы бродили?

— Да уж бродили... всю тайгу облазили. Потом расскажу.

— Когда это — потом? Рассказывай уж, будь добр. А то мне в редакции ответили кратко: в экспедиции.

— Сказали, когда я буду?

— Сказали. Только немного ошиблись. И я тебя все ждала...

— Да, я несколько дней от отпуска прихватил... Собственно, самое время угостить тебя завтраком. С твоей стороны невежливо не напомнить мне об этом.

— Прошу тебя, сядь. И рассказывай. Можешь транслятор включить. Вот так. Я пойду на кухню.

Через минуту она вернулась с подносом. За время моего отсутствия она, вероятно, привыкла к кухонному автомату. А у меня, честно говоря, чаще всего не ладилось это нехитрое дело, хотя станция уверяла, что автомат исправен. На подносе были два блюда с пирожными и две чашечки кофе. Я потребовал себе двойную порцию, и она опять вышла. Потом вернулась и сказала, что автомат перестал работать и не дает пирожных.

— Пустяки, — сказал я, — их несложно испечь обычным способом.

Она смущилась.

— Неужели Энно до сих пор не научил тебя? — спросил я. Она покраснела. Мне стало неловко.

И вдруг вспомнил: ведь ей только двадцать два!

— А мне сорок три, — сказал я вслух. — Исполнилось.

— Я знаю, — сказала она, — хороший возраст. Для мужчины.

— Лет сто назад тактичные мужчины благодарили женщины за комплименты. Теперь наш брат стал не таким отзывчивым.

— Я пойду.

— Куда?

— Достану еще кофе.

— Нет уж. Я сам это сделаю, если будет нужно. Послушай лучше, что происходит в тайге...

Я почему-то запомнил больше всего именно это солнечное утро. А день пробежал так быстро, что сумерки вызвали у меня самое настоящее чувство страха: где там рыжее солнце за окном? Почему Валентине пора уходить? Что за нелепость, разве нельзя отложить на завтра? Я обещал догнать «Гондвану» на эле, но она только упрямо качала головой:

— Сегодня. Сегодня вечером!

— Нет. Я уговорю Ольховского.

— Не надо. Ты совсем одичал в тайге.

Мне стало не по себе, как будто меня уличили в мальчишестве. Я замолчал, собираясь с мыслями. Боже мой, куда мы спешим, подумал я, просто несемся, да еще с возрастающей скоростью, а планета по-прежнему неторопливо и размеренно подставляет светилу свои крутые бока, и все часы в мире под-

чиняются этому неотвратимо неизменному ритму. Я пробурчал это вслух. Валентина живо возразила:

— В твоих рассуждениях нет логики.

— Да уж куда там, — устало отозвался я, и в этот момент меня осенила мысль: нужно ответить Аире. Через журнал. Такое письмо до нее дойдет.

Хорошо помню, как обрадовало меня это необыкновенно простое решение. Разумеется, по форме это будет не ответ, а статья, но она будет адресована и читателям и Аире. Она поймет!

Я видел, как Валентина застегивает пуговицы на платье, надевает туфли.

— Подожди, я помогу, — сказал я, подошел и поднял ее на руки.

Она молчала, и я заметил легкий испуг в ее глазах. Тень испуга. У нее сейчас были серые большие усталые губы. Как тогда, на острове... Вот сейчас, только сейчас я узнал ее — и не смог отпустить сразу.

* * *

Мы вышли на вечернюю улицу. Меня не покидало чувство новизны, столь обычное после месячного отсутствия. Куда-то спешили бесконечные эли, под их прозрачными куполами я видел и угадывал улыбки, смех, грусть, волнение, тревогу. Перед нами открылся многогликий мир, заполненный сияющими огнями, движением, шумом и электрическими шорохами, серебристыми лентами движущихся во все стороны тротуаров. Стояла дивная погода, несколько жарких солнечных дней заставили забыть всех об осени: женщины были в легких платьях. Не улицах было много цветов — дальневосточных и тропических, пахло теплым морем, и мне казалось, что вот-вот я увижу в воздухе странных морских бабочек, о которых когда-то писал поэт.

— Не помню такой теплой осени, — сказал я, — в тайге немного прохладней. За Амуром скоро выпадет снег, а здесь.. Праздник цветов. Как будто решением Совета отменили зиму!

— Жаль было бы. Я люблю снег и легкий мороз. И лыжи. И зимние костры.

Я подумал вдруг, что ее, наверное, так увлекает работа, что просто некогда оглянуться. А надо, чтобы оставались вехи на пути... все-таки мы не на дистанции, которую нужно пробежать побыстрее и рвануть финишную ленточку.

— Брось однажды дела, дружище, — сказал я ей, — и давай-ка сюда!

Чувствуя одновременно усталость и бодрость от теплой воздушной волны, укрывшей город, море и сопки, принесшей запахи соленых брызг, ароматы водорослей и прибрежных трав, я стал расписывать ей наше с ней путешествие в будущее.

Эль поднялся. Мы летели над городом.

— А дельфины по-прежнему плавают себе на просторе и в ус не дуют, — вдруг сказала она не без иронии. — А с нами поддерживают поверхностное знакомство и делают вид, что не понимают человеческой речи.

— Ну что ж, самая верная тактика для того, чтобы попасть

в Красную книгу, — улыбнулся я. — Неизвестно, выжили бы они вообще, заговори они, скажем, в семнадцатом веке. Или в девятнадцатом.

— Или в двадцатом, — добавила она, подумав. — А все же поймем ли мы их?

— Когда-нибудь — да! Все это труднее, чем можно было предположить. Чем дальше человек удаляется от природы, тем труднее ему поддерживать с ней связь на всех уровнях.

— Вот мы вышли в большой космос. А что дальше?

И тут я рассказал ей о таинственной женщине.

— Что это было? — спросила она.

— Контакт.

Я поднял эль повыше, и машина оказалась в самом верхнем ряду, среди террапланов и лайнеров. Их было не так уж много в этот вечерний час, и за ними тянулись светлые шлейфы — заряженные частицы рекомбинировались, давая это мягкое, неяркое свечение, которое было особенно заметно над окружающими город сопками.

Вечерние улицы внизу походили на потоки. Они сливались, совсем как реки, уносились к мерцавшим огнями озерам-площадям, тянулись к приморскому бульвару. Чтобы передать эстафету синих, желтых и красных огней маякам и судам.

Я повел эль к югу. Внизу угадывались главные магистрали. Мне пришло на ум, что еще Леонардо да Винчи предложил проект многоярусного города. В его эскизных тетрадях возникали наброски странных дворцов — плод воображения великого художника и трезвого расчета талантливого архитектора. По крышам дворцов пролегали дороги, другие вели под арочные проезды. Дороги пересекались и расходились во все стороны. Я рассказывал Валентине:

— И все же многочисленные проекты градостроителей тех лет, да и более позднего времени, удивительно плоски. Кто-то придумал страну Плосковию — гладкий лист без третьего измерения, без высоты. Жилища плосковитов, ее обитателей, — квадраты с откидывающейся стороной — дверью. В такой дом можно попасть, минуя дверь, перешагнув ее, если, конечно, предварительно овладеть нехитрым секретом третьего измерения. Современному инженеру и архитектору совсем необременительно оперировать тремя измерениями. Воображение наших предков, как говорится, заметно хромало, стоило ему покинуть привычную плоскую гвердь земную. Постепенно положение изменилось. Вслед за идеей многоэтажности зародилось то направление в градостроительстве, которое если и можно было в чем-то упрекнуть, так это в стремлении к безудержной «эксплуатации» именно третьего измерения. И все вдруг потянулось ввысь. Кажется, в этом неудержимом стремлении к солнцу не отставали и сами жители городов, о чем свидетельствуют антропометрические измерения и журналы мод тех лет. Пришло время, и города стали расти медленнее. Ведь город должен вписываться в серебряную оправу рек и озер, в зеленые раздолья, в заснеженные леса. Чтобы ветер приносил тем, кто в нем живет, напоминание о весенних разливах, о таежных заветных тропах и речных перекатах, о шире земной...

— О шире земной... — как эхо, откликнулась Валентина.

МОЙ ДВОЙНИК

Иногда можно подумать, что в редакции руководят морскими сражениями. Появляются бородатые, точно викинги, ребята, демонстрируют морские реликвии, вроде якорей испанских галеонов, древних бронзовых пушек, бортовых журналов первых подводных лодок заодно с перископами, компасами и гироскопами, браунспойтами, кусками обшивки и пеньковыми концами. Их сменяют франтоватые мореходы в кожаных куртках и сапогах. Некоторые приходят поговорить, другие требуют организации экспедиций. За несколько лет работы мне пришлось детально разбираться в двадцати проектах полного преобразования океана. Среди них были довольно смелые (помнится, кто-то настаивал на полном осушении океана и конденсации всей влаги на околоземной орбите — так ее якобы удобнее распределить по всем материкам).

Народ у нас бывалый, привычный. Нас не удивить морской экзотикой. Даже письмо инопланетянки можно преподнести как событие вполне будничное, требующее делового обсуждения. Для начала я выбрал Андрюшу Никитина, мужественнейшего из коллег, но настоящего «непротивленца», неспособного настоять на своем. Но в тот день он был, видимо, не в духе, а может быть, именно с этого момента вдруг решил сменить характер. У меня почти ничего не получилось. Он забраковал идею ответного письма Аире, сказал, что ничего из этой затеи не получится.

Кого увлечь идеей переписки? Может быть, сразу к шефу? А если не повезет: угадывать настроение я не умею, шеф — фигура сложная, даже противоречивая. Журналист без труда поймет меня: статья должна пройти так, как я ее напишу, любые исправления все испортят. Получится просто статья, а не ответ Аире.

Я попытался представить, как это произойдет: вот она берет журнал, вот садится в кресло, находит нужный микрофильм... Наверное, она улыбнется, когда увидит свой портрет, — вряд ли рисунок может оказаться удачным. А может быть, художник угадает? И сходство покажется ей странным?

Я волновался, меня мучили бесконечные вопросы. Потом пошел к шефу и выложил идею.

— Это будет рассказ, — заключил я, — рассказ с выдуманными героями. Проще говоря, фантастический рассказ.

Он строго взглянул на меня, поправил очки и тут же дал понять, что не собирается делать исключений из редакционных правил. И дело вовсе не в самом замысле, а в жанре. Не рассказ нужен, и не очерк, а статья... о проекте «Берег Солнца»! Ни звука об Аире.

— Проект имеет самое непосредственное отношение к океану, — изрек он хорошо поставленным голосом, и я понял, что сопротивляться бессмысленно.

— Пусть будет статья, — согласился я, — но...

— Статья, — вдруг нежно подхватил он, — хорошая статья, а не письмо мифической геронне рассказа.

Вот оно что! Он не поверил ни единому моему слову. Как же иначе — истину знали только трое, да и то один из этих тро-

их — журналист... Какое-то наваждение: Аира как будто предвидела такой поворот событий, она писала мне о статье.

Поразительная догадка мелькнула в моей голове, когда я выходил из просторного кабинета шефа. Это предупреждение, подумал я. Аира предупреждает меня, нас — предупреждает о возможной судьбе проекта «Берег Солнца». Она хочет, чтобы мы были осторожны, чтобы у нас хватило сил завершить проект! Зачем это ей? Да очень просто: когда у нас будет вся энергия Солнца, мы сможем послать сколько угодно кораблей к Близнецам. Разве найдется другой способ вызволить тех, кто ей дорог? Я догадывался, как нужно делать статью, в каком ключе...

Недели через две Никитин неожиданно спросил:

— Как дела с перепиской?

Я даже не сразу понял. У него были удивленные глаза. И я рассказал ему. Многое рассказал...

Он был похож на меня. Настоящий мой двойник. Таким вот, наверное, я был лет двадцать назад.

— Вот чем придется заняться, — сказал я, — каждый из нас в какой-то степени открывает новые истины или стремится к этому, но ведь я-то был физиком, ты знаешь. Тогда все казалось проще, особенно сначала. Вечно волнующаяся астата заполняла беспредельный мир, а законы физики напоминали чем-то волшебную палочку, с помощью которой раз и навсегда можно навести в нем порядок. Мне казалось, что мой наставник Лайманис посмотривает на меня с уважением и надеждой. Он как-то приезжал к нам в редакцию. Симпатичный старик... настоящий учений.

— Что же случилось потом?

— Потом... ничего не случилось. Это и обидно. Я увлекся, несколько дней ходил сам не свой, как будто невесть что открыл. Так оно, может быть, и стало бы, если бы у меня было больше таланта или трудолюбия. Я нашел удивительно простую запись отражения волн от движущихся слоев. Я понял, что закон верен и для ионосферы, и для морской поверхности. Каждый электромагнитный импульс, отражаясь, приносил информацию о непрестанном движении. А раньше картину отраженных волн считали хаотичной, беспорядочной, на нее, можно сказать, махнули рукой. Казалось немыслимым рассчитать эхо. Я нашел эту формулу. Несколько импульсных вспышек могли дать точный портрет звездного вихря, метеорного роя или зарядов в ионосфере. Прошло полгода, и Лайманис показал мне статью Ольмина. Сначала я не понял ее. А когда понял, то увидел, какая пропасть между его и моими результатами. Из его работы моя закономерность вытекала как частный случай, как пример. Он опубликовал ее за два года до того, как я приступил к работе над темой. Иногда я думаю о нем. Об Ольмине. Кто он? Даже пытаюсь представить, как он выглядит. Видишь ли, его работа не просто талантлива, нет. Ее не с чем сравнивать. Она даже как-то небрежна, но это, бесспорно, небрежность гения: оставить после себя немногого и для других — пусть поломают голову.

— И только поэтому... ты отошел... отрекся?

— Да, отрекся. Я не хотел быть в числе тех, кто подбирает крохи, и выбрал нашу профессию.

Я не знал, что толкнуло меня на исповедь. Разговорился вдруг. И без всякой причины.

— Проектом «Берег Солнца» руководит какой-то Ольмин, — сказал вдруг Никитин, — может, быть, тот самый? Я слышал: шеф говорил. А это значит, ты с ним встретишься. Потом расскажешь. Неужели у Солнца когда-нибудь отберут тепло и свет? Это же немыслим!

— Вовсе нет. Возьмут сколько надо. Да и то в порядке эксперимента. Ты в каком веке живешь, мой милый журналист? Почти за двести лет до тебя люди мечтали о полном использовании солнечного света и тепла.

* * *

...Да, о полном освоении энергии светила. Наверное, авторов проекта могло бы задеть за живое недоуменное замечание Никитина: речь шла об отношении к эксперименту. Я успел побывать в Солнцеграде, почувствовать ритм новой стройки, успел понять людей, причастных к ней. Это не было похоже на академический опыт или на простую проверку принципа. Я видел Ольмина. Слышал, как он разговаривал с критиками и оппонентами. Побывал в институтах. В только что созданном Институте Солнца.

Может быть, архитекторы старались воплотить идею щедрости светила, неиссякаемости его энергии: размах поражал воображение. Помню какие-то круглые огромные кабинеты и лаборатории со сводчатыми потолками, с бесконечными панно, ритмически повторяющими один и тот же сюжет: солнечные лучи — ярко-желтые, жгучие, зеленые (в морской гаванственной глубине), багрянец и золото небесного света, горячие просторные горизонты. А на верхнем этаже — зал, открытый, без стекол, с высокими колоннами под серебряными капителями и дикими виноградными лианами, обвивающими мрамор и дальневосточный гранит, с защитными полями, отводящими непогоду, ветер, дождь, полный желто-зеленого цвета, как аквариум.

Ольмин оказался шатеном среднего роста, с обаятельным лицом. Он меньше всего был похож на того физика, какого я себе представлял, и только манера говорить выдавала его. Ему не нужны были ни электронная память, ни записи, ни особый настрой. Я слышал, как он убеждал, не повышая голоса, с какой-то интонацией утомления сообщал цифры формулы, легко преодолевая собеседника, делая его своим союзником. Я не мог понять, в чем источник этой гипнотической силы. Искал его — и не находил... Оппоненты ссылались на авторитет науки. Легко ли возражать, когда цитируется одна из глав книги Константина Циолковского? Или известного физика прошлого Дайсона?

Встает, положим, академик Долин и произносит целую речь...
...И вот слышны голоса поддерживающие Долина:

— С мнением видного ученого трудно не согласиться! Нашим потомкам нужна будет сфера Циолковского — Дайсона. И может быть, раньше, чем сейчас предполагается.

И невозмутимый ответ Ольмина:

— Если мы не овладеем энергией Солнца, то создавать та-

кую сферу нужно восемьсот лет. О чем же спорить? Значит, именно тот проект, который сегодня обсуждается, даст путевку в жизнь давнишней, но интересной идее Дайсона и Циолковского. Три-четыре года вместо восьмисот лет!

Слышались голоса:

— Неужели вы верите в идеи и проекты, относящиеся исключительно к области фантастики?

— Мы собрались здесь как раз для того, — с улыбкой отвечал Ольмин, — чтобы говорить исключительно о фантастических проектах...

КАК ЭТО СЛУЧИЛОСЬ

На борту «Гондваны» приняли сигналы тревоги. Чувствительные гидрофоны непонятным для непосвященных языком рассказали о беде: весть звучала как музыкальная гамма, высота звуков нарастала, потом убывала. Но они были короткими, как вскрик. Будь они немного послабее — приборы не смогли бы их уловить.

«Дельфины!» — подумала Валентина. Ей не нужно было ничего разъяснять. Сигналы пропали, значит, дельфины были далеко.

Стояла ясная тихая ночь накануне полнолуния. Валентина быстро собралась, доложила о курсе, которого, как ей показалось, нужно было придерживаться, и вышла в океан на спасательном аппарате. Через час стало ясно, что ультразвуковые импульсы дельфинов могли дойти по волноводу: игра случая порой так перемещает воды различных слоев, что образуется как бы тоннель под водой — по нему звук бежит, отражаясь от более плотных горизонтов. Такой волновод может ввести в заблуждение, если он хотя бы немного изгибаётся. Пеленг окажется минимум. Валентина запросила «Гондвану». Автомат гидрофонов ответил ей, что новых сигналов не поступало. Чуть позже за пультом управления оказался Энно, он потребовал возвращения Валентины, но Ольховский разрешил ей продолжить поиск. Это ведь была ее прямая обязанность — помогать обитателям океана.

Валентина решила отклониться от курса и вдруг напала на след. Новая серия импульсов. Еще несколько минут хода, и связь с дельфинами стала устойчивой. В этот момент ее отделяло от «Гондваны» около двухсот километров.

У горизонта показалась темная громада острова. Ни одного огня — только радиомаяк посыпал предупреждения: «Осторожно — мель! Осторожно — заповедник!»

Валентина включила инфракрасный прожектор и увидела на трехмерном индикаторе тот же остров, но уже хорошо освещенный, как в ясную, солнечную погоду. Теперь была видна береговая линия с белой полосой прибоя. В бухте она сумела разглядеть один-два таких хорошо знакомых ей округлых плавника. Это были крупные афалины, любящие теплую воду тропиков. Она подумала, что на зов бедствующих сородичей откликнулись другие дельфины и приплыли сюда, и это именно их она уви-дела сейчас.

Она подвела аппарат поближе, послав ультразвуковые предупреждения. В ответ посыпались импульсы, и компьютер быстро перевел их на язык слов, настолько точно, насколько это было возможно при общении с существами, не умевшими говорить, не знавшими языка, но понимавшими, казалось, попытки человека установить контакт. Она узнала: несколько десятков дельфинов здесь, в этой бухте, могли бы погибнуть. Она погрузила аппарат в воду и наблюдала, как афалины выталкивали наверх дельфинов, готовых погрузиться на дно. Потому что под водой дыхательный аппарат дельфина словно на замке — сигналы, поступающие в легкие, заторможены. Человек продолжает дышать, даже потеряв сознание. У дельфинов все иначе: чтобы снять тормозящие дыхание сигналы, он должен обязательно всплыть на поверхность. Если он сам не может этого сделать, его выносят на поверхность другие.

Афалины помогали своим. По-видимому, они подоспели немного раньше Валентины: судя по тревожным импульсам — щелкание и звуки, напоминающие скрип двери, — они искали врагов. Но враги были невидимы: едва заметный беловатый палец покрывал спинные плавники и тело дельфинов — новая разновидность вирусной болезни, как удалось установить Валентине. Больные дельфины скоро не смогут двигаться. Тогда — смерть.

Валентина приблизилась к одному из дельфинов, подняла его механической рукой на поверхность. Он глотнул воздуха. У Валентины было теперь в распоряжении несколько минут. Она взяла образцы пораженных тканей, лимфы и крови. Через минуту-другую молекулярный анализатор дал ответ: из множества лейкоцитов выделена устойчивая форма. Организм вырабатывает своеобразные антитела — они атакуют вирус... Всего несколько клеток оказались пригодными для работы. Валентина включила синтезатор, и зеленый огонек на панели тревожно замигал: собранный материал был различным по структуре. Это равносильно недоуменному вопросу: что же синтезировать?

Валентина разделила клетки, и прибор дал первую серию вакцины. Вскоре было выделено действующее начало — антиген.

Волосы закрывали ей глаза. Руки и лоб были горячими. «Наверное, простуда», — решила Валентина.

Она сделала несколько инъекций. Реакция должна была наступить позже. А пока нужно было получить антиген другого типа, снова сделать несколько инъекций и сравнить результаты. Но дожидаться конца эксперимента — значило безнадежно упустить время. Уже сами эти опыты должны были дать результаты. Потом — в случае частичной удачи — повторные инъекции...

Она устала, и перед глазами плясали расплывчатые фиолетовые круги от яркого света. Дважды она выслушала Ольховского. Он советовал проводить дельфинов из этой бухты в другое место.

Энно передал, что к острову направляется еще одна группа афалин, принявшая сигналы бедствия. Их помочь, правда, была не нужна подводный аппарат успевал теперь выталкивать дельфинов к поверхности, где они делали вдох. А те афалины, которые подоспели сюда, теперь только патрулировали: на мелководье пытались прорваться несколько акул. Валентина видела,

как дельфин протаранил одну из них. Раненая акула повернула и поплыла прочь, в открытое море. Но там ее подстерегали другие хищницы, такие же, как она, холодные грациозные твари, реликты прошлого.

Через час теплая струя подогретой воды образовала маленькое подводное течение: монитор смывал с больных страшную плесень, прилипшую к коже. Валентина видела, как дельфины грелись в струе, как их спины обтекала морская вода, насыщенная целебными ионами, как они тянулись за ней, если аппарат приходил в движение.

Она вывела их из бухты — около двухсот дельфинов, начинаяющих оправляться от болезни. Простуда давала себя знать все сильнее. Но ей не хотелось работать с синтезатором. Она устала. Стакан горячего молока с содой, решила она... самый старый рецепт и самый приятный. Через час она задремала, забылась. Очнувшись, увидела пустеющий экран: дельфины уходили к северу. «Осталась одна, — подумала Валентина, — пора на «Гондвану». Она повернула аппарат к югу. И в этот момент электрограф качнулся красной стрелкой. Три резких свистка сирены оглушили ее. Она ничего не успела. Было уже поздно. Слишком поздно. Внизу на дне вспыхнул багровый глаз подводного вулкана. Толчок. Резкий, как удар. И еще... Она направила аппарат вверх. Стоило ему, как дельфину, глотнуть воздуха, остьаться на плаву, и удар волны сжатия был бы не так уж страшен. Но невидимый таран настиг раньше.

Энно видел: оставалось метров тридцать до поверхности, когда Валентины не стало.

* * *

Навигатор исследовательского судна «Гондвана» Энно Рюон — руководству Международного географического центра:

«23 ноября с. г. в 8.09 в точке, расположенной в тридцати километрах к северо-востоку от атолла Эаурипик, обнаружено изменение окраски водной поверхности. Накануне в этом районе отмечены тектонические сдвиги, зарегистрировано извержение подводного вулкана.

Пятно с окраской желто-зеленого цвета достигло на следующий день двенадцати километров в диаметре и было хорошо различимо на фоне ярко-синей океанской поверхности. Предположение об образовании нового острова вскоре подтвердилось. Ввиду того, что над океаном опустился гуман, отдельные этапы рождения острова проследить не удалось. Общий ход явлений напоминал поднятие океанского дна вблизи острова Нисинодзима в 1973 году.

Направленный к месту событий геофизический терраплан подтвердил вывод о рождении нового острова и произвел съемку в инфракрасных лучах. Собраны образцы изверженных пород, уточнен новый профиль дна. Над тремя кратерами вулкана просятываются воронки водоворотов. Отчетливо видны черные частицы вулканического пепла и обширные белые полосы — легкие изверженные породы, близкие по составу и свойствам к пемзе.

Съемки завершены. Координаты острова уточнены.

Особое мнение: предлагаю назвать новый остров именем Валентины Ануровой, выполнившей задание по охране дельфинов согласно программе «Афалина» и погибшей во время извержения».

* * *

О чём мы говорили с ней в день знакомства?..

Я вдруг вспомнил: она говорила о потопе, о наводнении из-за таяния льдов. Когда-то девчонкой пыталась вычислить содержание углекислого газа в воздухе — тогда об этом писали чаще, чем сейчас. Она признавалась: ей было страшно, что океан будет наступать. Две-три неосторожные статьи — и в ней поселилась тревога. Странная прихоть — думать о вопросах, волнующих взрослых. Она рассказывала:

— Мне представилось, что я смогу в этом разобраться. То, что писали и говорили, постепенно стало казаться несерьезным. Сжав кулаки, я готова была спорить с кем угодно. Я помнила: за полтора столетия углекислоты в атмосфере стало больше на одну четверть. Из-за этого планета могла превратиться в гигантскую теплицу: молекулы углекислоты задерживали инфракрасное излучение от поверхности Земли. Словно кто-то накинул на земной шар теплое покрывало. Действовал и другой фактор: пылевое облако над континентами...

Как все это влияло на климат? Пылевое облако не пропускало солнечный свет к Земле, способствовало остыванию планеты. Углекислота и пыль оказывали прямо противоположное действие. Общая же картина почти не поддавалась расчету. Если бы расстяли льды Северного Ледовитого океана, беды еще не было бы: общий уровень океана поднялся бы на 20—30 сантиметров. Это не страшно. Но вот если бы начали таять двухкилометровые льды Гренландии и Антарктиды — последствия могли бы быть катастрофическими. Вода поднялась бы на 50—70 метров. Дном моря стали бы Нидерланды, часть Северной Европы, Канады...

И как ни парадоксально, защиту от вод океана человек мог найти у океана же. Он очищал воздушные массы от углекислого газа и от пыли.

Но углекислый газ, содержащийся в воде, при некоторой критической концентрации мог привести к растворению твердых форм карбоната кальция. Это значило, что начали бы растворяться раковины моллюсков...

...Все перекрестки ее рассуждений вели к тайнам океана.

СКОЛЬЗНУЛА ПТИЦА ЧЕРНОЙ ТЕНЬЮ...

Прошла зима, затем весна.

Дули северные морские ветры. Ночами шли быстрые шумные дожди, потом до полудня бежали над городом низкие облака, и лишь к вечеру прибавлялось света — проглядывало маленько желтое солнце, подавая надежду на хорошую погоду. Ночью, однако, все повторялось, и я уж начал думать, что все лето будет таким.

Навещали друзья, приносили лесные ягоды, какие-то необыкновенные сувениры из древесной коры, из амурского бархата. Один раз подарили живую белку. Я открыл окно, хотел выпустить ее на свободу, но белка осталась и прижилась. Я кормил ее орехами, конфетами, сушеными грибами, она привыкла ко мне и не убегала, даже когда кто-то приходил. Я махнул рукой на портьеры, занавески, отдал их в полное распоряжение зверьку. Так мы и жили вдвоем.

Как-то появилась Соолли, обаятельная, заботливая, с важными слухами и новостями о проекте, об экспериментах на побережье, которые покажут всем, что бояться Солнца не надо... Глядя на нее, я думал, что только такие вот красивые женщины и могут узнавать самые важные новости еще до опубликования и, узнавая, убеждать в их значимости всех. Я был ей нескованно благодарен: она ни слова не сказала о Валентине.

Чаще всего я откладывал работу до вечера. Я нашел себе место недалеко от северной пристани: две-три минуты для проворного эля. Там был заросший редкой травой сухой склон, камни и песок, редкие сосны, зеленая лощина с родником под валунами, узкая безлюдная тропа. Я бывал там до заката солнца. Место называлось по-старинному: Приморский парк. Здесь дышалось легко. И вдруг однажды — приступ, беспамятство и сердечная боль. А над морем плыли широкие белоснежные паруса, парили гидропланы, у горизонта — далекий синий корабль.

Я на время забыл дорогу к парку. Прошло дней пять, пока я выздоровел.

И снова знакомые сосны и белые цветы — пять дней назад их не было, они распустились без меня. Здесь все изменилось. А в зеленой лощине — говор и смех, веселье, белый нарядный эль, невеста, вечерние тени.

* * *

Прошла неделя, и установилась жаркая погода, море потеплело, все вокруг стало желтым, оранжевым, золотым, в ярких точках света, как на картинах импрессионистов.

Рано утром в воскресенье мы полетели к Уссури — Андрей Никитин, Даниил Розов, я, еще двое или трое наших, какие-то незнакомые девушки в ослепительных платьях. Выбрали песчаную косу, зачем-то развели костер, забросили удочки. Никитин с видом старшего уил меня премудрости рыбной ловли. Потом ему это надоело, и он ушел. Я побрел по песку, к изумрудным зарослям. Здесь, у самого берега, среди подводных трав алеши огни рыбных плавников, и поднимали со дна муть ключевые струи. Рыбу здесь можно было ловить руками. Удивительный залив с прохладной водой и легкой дымкой тумана над ней. Следы от моих ног на старом сером песке быстро заполнялись водой. Тонко жужжали осы. Среди светлых стволов с ободранной корой, вынесенных половодьем, — кусты жимолости с длинными сизыми ягодами.

Краем глаза увидел я человека, не из наших. Постукивали камешки, шевелились кусты, мелькали темные волосы. Это была женщина. Она быстро прошла вдоль берега, скрылась из виду. Потом на миг показалось — солнце выхватило ее платье в чаще,

за поваленным деревом. Там просека ведет через такую глухомань, что страшно... но она шла не по просеке. Нет... Шла стороной.

К вечеру за чащей взлетел эль, повисел-повисел и исчез. У меня возникла странная догадка. Стал соображать. Да нет, отмахнулся я, не может быть! Но ведь я знаю ее, видел... на «Гондване». И раньше. На кадрах, отснятых в фитotronе. Откуда она здесь? А как же, вспомни про письмо, не зря же она писала о проекте. Ее это интересует не меньше нашего. Значит, она осталась где-то здесь, на побережье. Где-то здесь...

Я вошел в воду и машинально побрел вдоль берега. Слева от меня, в маленькой луже, соединявшейся с заливом, ходили легкие волны. Рыба, догадался я. Нагнулся и осторожно приблизился. Тень от меня падала так, что рыба не испугалась и продолжала ходить в заводи. Я опустил рук. в воду и стал понемногу сгребать камни и песок. Появилась маленькая плотина. Я делал это машинально. И очень удивился, когда рыба оказалась запертой в луже. По-моему, это была стая хариусов. Я перегородил заводь сухими стволами, вода стала мутной, и мне удалось поймать руками несколько рыбин, остальных я выпустил на волю. Прошел час. Я услышал крики. Меня искали. Я поднялся и пошел к своим. Из голубой долины дул лесной ветер с ароматами голубики и грибов.

— Да ты настоящий рыболов! — нелез зависти воскликнул Никитин, когда увидел меня с тонким прутиком, на котором одна к одной красовались одиннадцать рыбин.

— А ты? Поймал что-нибудь? — деловито осведомился я.

— Ни одной. Не везет.

Подошли остальные, стали поздравлять и заискивающе улыбаться. Как будто я совершил подвиг. Кто-то предложил меня качать.

— Не надо, — сказал я, — это моя доля. Женщины варят уху, остальные собирают ягоды и грибы. — И указал рукой на пологую сопку, где им надлежало поработать.

Выражение их лиц стало озабоченным: они явно предпочитали заниматься ухой. Каждый взял рыбу и стал потрошить ее и чистить. А я разлегся на песке как ни в чем не бывало. Но мне стало страшно смотреть в синее-пресинее небо, как будто я мог там увидеть то, что произошло тогда, с мезоскафом. Сжалось сердце, я повернулся и закрыл лицо ладонями. Резкий запах травы... А рядом — веселые звонкие голоса, и смех, и шутки, и девичьи босые ноги, мягко ступающие по песку.

Кто-то говорил о проекте «Берег Солнца», а я, точно оглушенный, не мог понять смысла слов, не улавливал их связи. Подошел Никитин, присел рядом, спросил:

— Что с тобой? Болен?

— Да нет, ничего...

— А я думал... пойдем к костру, погреешься.

— Спасибо. С чего ты взял, что мне холодно?

— Мне показалось. Ты не жалеешь, что поехал с нами?

— Нет. Ничего. Все хорошо. Что бы я один делал? Горячий чай есть?

— Ну вот видишь? Я же говорю — ты замерз. И на ощупь совсем холодный, кто угодно подтвердит!

Они стали по очереди подходить ко мне и подчеркнуто обеспокоенно тянулись:

— У-уу, совсем закоченел!

Отнесли к костру и дали огромную кружку с горячим, жгучим чаем.

— Лимонник! — угадал я. — И жимолость.

Стало легко, меня даже испугала эта резкая перемена. Что такое в самом деле со мной: совсем расклелся. Но самое трудное было позади. Позади! Я увидел, как садилось на зеленые вершины деревьев красное солнце. И заметил, как широка и нарядна река.

С жаром вдруг стал рассказывать о проекте, о встрече с Ольминым.

— Это тот самый Ольмин? — спросил Никитин и почему-то широко улыбнулся.

— Нет, — сказал я, — наверное, другой. Впрочем, не уверен.

Их лица были смуглыми, веселыми — в этой синей долине с теплым солнцем было хорошо. Я обрел интерес к окружающему и опять рассказывал, рассказывал о «Гондане». Это были не воспоминания, просто слова. Что там случится через пять-десять лет? Что станет с океаном, насыщенным солнечным светом, многоэтажным, сияющим...

— Так будет всюду, — закончил я, — до глубин в полкилометра. Гигантский резервуар жизни и света.

— Ты уверен, что это необходимо уже сегодня? — спросил Розов, и я вдруг заметил, что не все разделяют мой энтузиазм.

— Что ты имеешь в виду?

— А вот что: после этого сделать океан прежним уже нельзя. Изменения необратимы.

— Это и не понадобится!

— Как знать. Не слишком ли мы многое изменили уже на нашей планете? Я не знаю, что произойдет, когда целые моря превратятся в фермы. Может быть, будет слишком много тепла...

— Тепло можно отвести. В космос. На Марс. На Юпитер.

— А что изменится там — на Марсе, на Юпитере?

— Это уже отдаленное будущее. Слишком отдаленное.

— Возможно, — спокойно ответил Розов.

— Предки были неглупые люди, — многозначительно сказал Никитин.

— И они оставили нам океан таким, каким мы его знаем! — воскликнула девушка в соломенно-желтом платье.

— Ну, не совсем, — вдруг возразил Розов, — с того незапамятного момента, когда возник человек, он только и делает, что изменяет все вокруг себя. Он просто не может остановиться.

— Ты что же, не веришь расчетам? — спросил Никитин.

— Да разве дело в расчетах? Все основано на допущениях, на смелых гипотезах. Если фотоны будут отражаться... если пучок частиц достигнет Солнца... если магнитная буря не собьет их с пути... если... Да что говорить! Было время, когда никто не взялся бы за это. Когда-то действовали почти наверняка. А это роскошь — зондировать Солнце пучками высоких энергий. Мы можем себе это позволить, потому что знаем: что-то полу-

чится, что-то прояснится. Не одно, так другое. Какие-то результаты будут. Поговорите еще раз с Ольминым. Только откровенно. Неужели он уверен на все сто, что можно изменять направление солнечных лучей, стягивать их к Земле? Да не может этого быть! Он же ученый. Думаю, у него уже готовы не один и не два варианта эксперимента. Это пока опытная установка. Реактор. Построят, запустят, тогда станет ясно, как с ней работать.

— Да уж запустят, — протянул Никитин и, обратившись ко мне, вдруг спросил: — А что же с тем делом, с той историей, о которой мы говорили?

Я почесал: он вспомнил об Аире.

— А как об этом рассказать! — ответил я. — Попробуй, может быть, у тебя получится.

Он озадаченно посмотрел на меня, помолчал, потом добродушно улыбнулся.

— Жаль! — кокетливо воскликнула девушка в соломенно-желтом платье. — Мне непонятно, о чем вы говорите.

— Какой-то скользкий, невразумительный разговор, — добавила другая и поежилась от вечерней прохлады.

— Скользкий? — переспросил Никитин. — А вам бы хотелось знать до конца... то, что знать пока не дано? Изучать под микроскопом? Пинцетиком потрогать? — Никитин широко улыбнулся: — И меня тоже? Как инфузорию или моллюска?

— Ты усматриваешь в этом желании что-то противоестественное?

— Не усматриваю. Пытаюсь понять мотивы.

— Мотивы? Вот они: скучно — это раз, домой пора — это два.

— Домой! — громко сказал Розов.

Мышли к элю. Его алые от солнца бока были приятно теплыми. Он раздвинул свои легкие, невесомые дверцы, подал нам трап, как будто был живым существом. И движения эти были такими мягкими, ритмичными, такими почти музыкальными, что я подумал: может быть, где-то там, среди тонких электронных слоев памяти, под никелем и пластиком конструкторы умудрились спрятать маленькое сердце?

Мы взлетели к алым облакам. Нас провожали сосны на песчаных косах, где между длинных теней светились поляны цветов.

Я услышал стихи; они показались знакомыми...

«Скользнула птица черной тенью
В квадрате солнечном окна.
И что же? Вновь простор весенний
И небо, где не видишь дна!
А всходы! Зелень! По равнинам
Потоп травы, листвы разлив.
Родная, далеко идти нам
В напев берез и шепот ив...»

Я знал эти строки. Губы повторяли знакомые слова — на них щемящее отзывалось сердце:

«А путь все длится, жизнь все длится.
Полжизни пронеслось, как день,
Как миг... Промчалась с граем птица,
И по окну скользнула тень...»

МОРСКИЕ КЛАВИРЫ

На набережной среди пестро одетых людей меня догнал Энно. Я почувствовал, как рука его скжала мое плечо, и в ту же секунду услышал густой и приятный голос:

- Вот мы где прячемся!
- Рад видеть, Энно. Тысячу лет...

Он тут же поволок меня куда-то, я не сопротивлялся, но и не помогал ему, просто переставлял ноги, удивляясь очевидному, неопровергимому факту: он был еще молод. Почти ровесник. Да нет, подумалось мне, теперь я старше его.

Он втиснул меня в свой эль, и мы взлетели.

- Прощайся с берегом, — добродушно прогудел Энно.

- Ты с ума сошел! Работа!..

- Какая работа, если впереди три выходных!

Он не понимал, не знал, не догадывался, каково мне будет на «Гондване». У них это очередное плавание, шестнадцатая или семнадцатая экспедиция. Это их дом. И что бы ни случилось, они оставались там. И тоже кое-что, наверное, понимали и не распускали юни.

- Ладно, — сказал я. — Покатай.

— Я тебе покажу настоящее каноэ, — по-детски улыбнувшись, таинственно, вполголоса сказал Энно.

Я узнал: Соолли теперь на Байкале, временно, на каком-то сверхсовременном глубоководном аппарате, потом собирается опять на побережье, будет работать по проекту «Берег Солнца»; Ольховский по-прежнему командует экспедицией, они идут в тропики — в Индийский, потом в Атлантику. Он сумел промолчать о главном.

Энно остался верен себе, и меня совсем не удивили его чудачества. По его словам, он работал целый год, и ему помогали все кибера «Гондваны»: наконец-то он нашел им подходящее дело — вместе они построили «летающее каноэ». Это не игра слов: каноэ полинезийцев скользили по океанским просторам легко и быстро, и такой способ передвижения, по словам Энно, напоминал поездки на эле. Но никогда раньше не спускалось на воду парусного судна с такими удивительными характеристиками.

Полинезийцы постепенно утратили часть своих секретов.

Еще до того, как викинги достигли берегов Северной Америки, жители тихоокеанских островов ходили под косым треугольным парусом и легко маневрировали в лабиринте архипелагов и течений. Уметь возвращаться на крохотные острова, потерявшиеся в морских просторах, не просто, особенно если не пользоваться никакими приборами, кроме незатейливых подобий карт, сплетенных из прутиков, к которым привязаны ракушки и камешки. Все лодки собирались из одинаковых деталей, на первый взгляд могло бы показаться, что на каждом из островов хранилась копия единого чертежа. На самом деле ни чертежа, ни копий не существовало. Строили по памяти.

— Корпус каноэ слегка выпуклый; свободно закрепленный аутригер уравновешивает платформу. Это для остойчивости, — пытался объяснить мне Энно преимущества допотопного экспоната, пополнившего его коллекцию.

На воде лодчонка произвела впечатление: под ветром она плавно кренилась, и только при сильных порывах набирала немного воды через планширы, которые приподняты всего на треть метра над поверхностью. На встречной волне она шла под парусом, как танцовщица с платочком.

— Теперь у нас есть самый точный чертеж каноэ! — торжественно провозгласил Энно. — Первый документ эпохи великих тихоокеанских путешествий.

— Пригодились все-таки киберы, — заметил я.

— Да, одному мне пришлось бы туда, — сознался он.

* * *

В заповедной деревне, где крыши домов покрыты пальмовыми листьями, а стены сплетены из прутьев и лиан, мы слушали песни у костра. Нам отвели хижину с очагом, матами, табуретками. Энно развел огонь, чтобы ночью было тепло. Утром мы должны были тронуться в обратный путь.

Языки пламени казались юркими, красными в прозрачном воздухе — от них поднимался легкий теплый столб, в котором расплывались контуры луков, ружей, дубинок, тыквенных сосудов, мотыг, веретен, украшавших обмазанные глиной стены. В теплой золе, завернув в листья кусочки рыбы, пойманной на удочку, Энно приготовил ужин, позвал с улицы старика, который первым встретил нас на берегу, и о чем-то попросил его.

Старик ушел и через четверть часа вернулся с кувшином холодной ключевой воды. Пока кипятился чай, он рассказывал легенду о заселении острова. Самая наивная история, какую мне когда-либо приходилось слышать!

Давным-давно земля была необитаема: дикие равнины в объятиях гор, буйные, кристально чистые водопады, синие лагуны. Люди жили на небе. Однажды, когда мужчины ушли на охоту, самая красивая девушка племени искала ракушки на берегу и случайно проткнула палкой небесную сферу, ставшую совсем тонкой от вечного прибоя. Заглянув в дыру, она увидела далеко внизу землю, так похожую на знакомые ей места вокруг деревни. Три дня ходила девушка к берегу моря, чтобы любоваться необыкновенным зрелищем, на четвертый ее тайна стала достоянием старейшин, ибо все тайное рано или поздно становится явным. Созвав жителей деревни, старейшины уговорили их сплести длинную веревку из лиан. Потом все спустились по ней на землю. От них и пошли земляне. Но на небе до сих пор осталось то круглое окно-лаз, который открыла девушка. Говорят, его можно увидеть, если только угадать местонахождение и хорошенко присмотреться.

— Мифы помогают изучать будущее, — заметил Энно, когда старик кончил рассказ. — В них есть стремление к познанию. А легенда — вымысел, и только.

— Разве это не близкие понятия? По совести говоря, я не различаю их. Мифы и легенды для меня почти одно и то же.

— Ну нет! В мифе может быть выражено прошлое, настоящее и будущее. Аллегории и гиперболы только слегка маскируют идею, зато делают ее общедоступной. Эволюция мышления во многом обязана мифам. Появился старик и сообщил нам о не-

бесной проруби — она была вчера, ее можно найти завтра. Вот в чем смысл мифа.

...Утром мы отошли от гостеприимного берега. Вскоре показался второй остров архипелага. Его вулканический конус упался в облака.

— Высадимся, — предложил я.

Каноэ направилось в бухту.

Мы вышли на берег. Было так тихо, что мы слышали, как у подножия вулкана шелестела трава под ласковым дыханием муссона.

— Хорошо бы подняться к самому кратеру, — сказал я.

Энно испытующе посмотрел на меня.

— Это далеко.

— Ничего, каких-нибудь гри часа ходу.

Мы начали подъем, постепенно углубляясь в настоящий тропический лес. Уже через час Энно пустил в ход большой нож, который он захватил с собой, — приходилось прокладывать путь через густые заросли. Нас встречали реликты прошлого: древовидные папоротники, огромные хвоши, плауны-гиганты.

Так мы добрались до вершины холма, потом спустились в долину с высохшим руслом ручья. На другой стороне русла я увидел застывшую лаву. До кратера было еще далеко. Только теперь я заметил, что гора над нами курилась. Энно вопросительно посмотрел на меня и кивнул головой, указывая на ее вершину.

— Пойдем, — сказал я.

Подъем стал круче. Лес кончился, попадались места, где даже трава не росла. Мы оба начали уставать, но я обязательно хотел добраться до кратера. Через полчаса нас окружил туман. Моросило.

Мы иногда останавливались для отдыха. Мне показалось, что под ногами стало тепло. Жар земных недр давал о себе знать.

Туман становился реже, прозрачнее. Последняя сотня метров — и перед нами обрыв, крутая стена кратера, уходящая вниз. Сквозь клубы дыма и пара мы увидели кипящую магму и услышали ее неровное дыхание. Земля здесь была мертвой, выжженной, лишь метрах в тридцати от нас ютились меж камней кустики вереска. Я как зачарованный смотрел вниз.

— Пора, — сказал Энно.

— Подождем, куда спешить.

— С такими горами шутки плохи.

— Успеем.

— Мы вряд ли дождемся извержения. — Энно пристально посмотрел на меня. — Они бывают здесь не чаще, чем раз в несколько лет. «Вот он как заговорил! А тогда, — подумал я, — когда Валентина... все они тоже были рассудительны и так же вот осторожны?»

— Энно... — сказал я и почувствовал, что не смогу продолжать.

Прошла минута-другая. На мое плечо легла его рука. Мы начали спускаться, обходя дымящиеся трещины, каменные глыбы, спотыкаясь в тумане.

К вечеру прояснилось, выглянуло солнце, открылся вид на

чоре и бухту, где нас ждало каноэ. В закатном свете мы различали полосы морских течений, бегущих вдоль берега. Мы добрались до сухого русла, вошли в лес. Стемнело. Над головами горели звезды, а за спиной у нас высилась темная гора.

* * *

Стоило мне увидеть красавицу «Гондвану» на рейде — и я опять вспомнил прогулки на «Дельфине». И Валентину. В моей памяти она была все такой же — с наивно-plenительными губами, неотбеленным льном волос, серыми глазами, которые могли так широко раскрываться, что за ними угадывался неповторимый, просторный мир. А если она смеялась, то глаза темнели, странно сужались и светились голубоватым огнем. Я замечал его, даже когда она опускала ресницы.

Представлялось мне, что волосы ее спутаны, как осенняя листва на сильном ветру. В ней было так много от упругости земли, от весенних холмов и первых проталин с подснежниками, что я подумал: не подыскать другого, лучшего, сравнения. Олицетворение одной из стихий: сила и слабость в светлых глазах-озерах... и руки, как березы.

Налетел шквал, приклонил две сосны с бронзово-желтой, шершавой корой. Ветви касались песка; иглы так внятно шуршали, что в ушах стоял немолчный шум. Или это волны шумели, набегая на берег?

Следы на песке. Брошены белые туфли с бантами... Коричневые соцветия бровей с оттенками спелого тмина, ржи, сухого хмеля; влажные полоски ресниц, и тонкая, как стрела, морщина на лбу с каплей морской воды, с рассыпанными, как мука, кристалликами соли у переносицы...

АИРА

В долгом сне к ней приходили радостные минуты: она снова была Аирой. Губы ее готовы были приоткрыться, чтобы произнести заветные слова: мраку — уйти, электрическим призракам — сгинуть, сердцу — оттаить. То были мимолетные проявления жизни, странная мечта.

Но ни слова не было сказано, и ни одной песни не спето. И земной корабль, повинуясь изначальной воле, скользил в пустоте.

У пылающего зеленым пламенем солнца он попал в огненный вихрь — и великан протуберанец едва не втянул его в пучину раскаленного океана. Звезда готова была слизнуть его с небосвода своим жарким языком. Но, расправив крылья-паруса, корабль оттолкнулся от сверкающего шара. И снова просторы. И звездная пыль. Странная метаморфоза — далекая пылинка превращалась в очередную планету — спутник зеленого солнца, где звездоплавание прерывалось. Из трюмов выбегала ватага механических зверей, искающих тепло в недрах, кристаллы в пещерах, воду среди каменистых пустынь. Свою добычу они поспешно несли в механических лапах, как будто их кто-то ждал на борту. В расщелинах они искали следы жизни. Но открылся ли им новый мир как целое, могли ли задержать их внимание яркий окоем, ветры, запахи, свечение неба? Вряд ли.

И вот — последняя планета зеленой звезды. Начало полета к Земле. Долгая, очень долгая ночь.

Потом пришел конец путешествию. Она открыла глаза, дивясь слуху: почему именно ей на долю выпало это?

Было сумрачно. Тихо. Вмиг поняла она смысл происшедшего — ведь к этому она готовилась когда-то. Готовилась без всякой надежды. Но этот, один-единственный путь в будущее — через легенду, через сказочное превращение стал былью.

Она пришла в мир вольного ветра и чистых просторных рек.

Прежде всего надо было понять: так ли уж она отличалась от тех, кто был здесь, на этой планете... Нет, никому — ни ей, ни им — не надо было бессмертия, бессмысленного счастья даром, ненужного, недостижимого дара прорицания. Она всматривалась в то, что ее окружало, что входило в ее жизнь. Но чем дальше, тем объемней становились ощущения — и вот открылось само ее сердце. В первый раз случилось такое: летним вечером на всхолмленном поле ржи ее вдруг застало одиночество, и вернулась память. Зазвучали забытые голоса, она увидела лица... услышала жгучий ветер, узнала прошлое. Стало страшно, и кровь застыла в жилах, и она остановилась, не в силах сделать больше ни шага. Лица... Голоса были как настоящие.

Она пришла в себя около полуночи. Поле серебрилось под луной. Перед ней лежали пологие холмы. На горизонте светились огни. Высокое темное небо было усеяно звездами. Пахло сеном, цветами. Она едва добралась до эля. С тех пор она узнала, что такое страх.

Бежали дни. Она старалась привыкнуть к реальности, изучить ее. Одна за другой открывались перед ней дали. С высокого озерного берега она увидела однажды сверкающие гребни волн на закате, акварельно-зеленые острова, тревожное движение желтых облаков, косые лучи садившегося солнца. Дул чистый сильный ровный ветер. Она стояла, держась за черную ольху, смотрела, как уходило солнце, и не могла надышаться. Каждый день она просыпалась так, как будто заново рождалась, как будто у нее вырастали крылья. Одно крыло — любовь. Другое — свобода. Подолгу бродила она у лесных ручьев, где росли калужницы, стрелолист, незнакомые белые цветы, и думала о будущем. Теперь все это должно стать ее домом. Воспоминания невыносимы. Об ушедшем могут поведать стены, боль, слезы. Слова не в силах передать отчаяние. И потому — забыть, забыть... стать как все. Она рассказала людям, что могла, что помнила. У них — ее письмо или память о нем. Помощь ее теперь никому не нужна. Но жить с мыслью о прошлом пельзя, это выше ее сил.

И если травы не скосены, если ногам не колко — еще и еще раз пробежать по лугу босиком, потом присесть на поваленной сосне над оврагом и смотреть на солнце, и гладить руками теплую тонкую кору... и разыскивать родники, грибы, узнавать травы, собирать ягоды в ладонь. А к вечеру склоняться над омутом в заповедной роще, чтобы увидеть себя в водяном зеркале. Руки смуглы от солнца, губы от ягод красны. Ты ли это, Аира? Чьи это волосы, тяжелые, как волны, клонят стройную шею к воде?

Не твои ли пальцы до боли сжали виски.. Там все еще твое лицо, и в глазах — твоя боль, а на левой руке — твой браслет. Пусть подует ветер, закроет зеркало!

Она будет другой, ее жизнь. Что же было раньше НА САМОМ ДЕЛЕ? Вместо иссохшей земли — мохнатые берега синих озер. Розовые и ясные вечера. Весной деревья по пояс в воде — полноводье. Ивы, осины, вербы... Она придумывала, день за днем сочиняла историю своей жизни. Старушка, что повстречалась ей однажды у околицы, помогла ей. Рассказала о таких давних временах, что она как будто воочию увидела и широкие береговые луга, и серебристо-серые избы, и темные вечерние реки. Девушки, похожие на нее, мыли волосы дождевой водой, косы заплетали. Одна подняла голову: лицо круглое, лоб чистый, высокий, губы малиновые.

— Нет, что вы! Плясать-то и в другой раз можно. А нам с вами поговорить любопытно.

Голос негромкий, прозрачный, как у нее самой. «Пусть будет мне сестрой», — подумала Аира. И поверила. И опять голоса:

— Разливалась мати вешняя вода!

И этому поверила Аира. Узнала про бело-розовую повилику. От призору, от глазу дурного. Про тайну плакун-травы. Увидела красивую темно-зеленую ветку и поверила. И была еще вязель-трава, та самая, что привораживает. Сестра остановила:

— Зачем тебе вязель-трава, не бери ее, и так хороша — лучше быть нельзя!

И она снова поверила. Утром роса у речной излучки, холодно босым ногам. Шла по воду, смотрела на светлое далекое поле, грустила. Будто бы повстречала кого-то. В белой рубахе, волосы льняные, глаза чистые — по берегу шел с той же пространной песней о вешней воде. Взглянул — и глаза отвел. И прошел мимо. Вспоминала о нем. Сколько дней минуло! Осенним вечером над крыльцом остался красноглазый огонь холодного заката. Она ушла с ним.

Потом был сон. Будто бы долгий-долгий. Может, вся жизнь приснилась? Может быть, она все придумала? И сестры не было — никого? Нелегко с памятью совладать. Нужно повернуть, решила Аира, снова пройти по тем местам, где уже побывала. Тогда все и вспомнится. И она улетела в тайгу.

Она постигала секреты одной из стихий — земли. Но первые впечатления ее относились к озерам, рекам, морю, к ним безудержно тянуло, и любовь к воде была ей непонятна. Попалось однажды озерцо в хвойном глухом лесу. С черной, но прозрачной водой. Дно темное, покрытое слоем коричневых игл. Она долго всматривалась в воду. Заметила свое отражение, накнулась совсем низко. Белое лицо, большие глаза, темные брови. Волосы упали в воду, и она смотрела и смотрела. Что виделось там?

Она разделась, сложила платье, поставила рядом туфли и вошла в воду. Было холодно, но приятно. Она поплыла медленно, без брызг. Легла на спину и закрыла глаза. Что-то почудилось вдруг. Представилось, что под ней — бездонная пропасть, и она падает, падает... и водопад уже подхватил ее и несет вниз, где темнота — и вечный плён. Она вскрикнула:

— Нет! Нет!

Боясь открыть глаза, поплыла к берегу. Очнулась: вокруг светло. Высокое небо. Она вышла на траву. Прутики, иглы кололи подошвы ног. Кожа на руках пахла смолой, хвоей. Она

приложила ладони к щекам и расплакалась. Потом заставила себя снова войти в воду. Страх прошел.

Вышла однажды к реке. На галечной косе — костер. Невдалеке — эль. У костра о чем-то беседуют люди. Подошла так тихо, что не треснула сухая ветка. Спряталась за кустом, смотрела, смотрела — и самой захотелось погреться у костра. Но вдруг увидела: человек как будто знакомый. Как будто знала его. Почему-то стало опять страшно. Ушла и снова вернулась. Кто-то читал стихи. Скоро они улетели.

Читала, говорила с людьми, поняла: вода — стихия родственная. Некогда, века и века назад, на сваях, вбитых в дно, ставились хижины, шалаши — позднее настоящие дома. Двести свайных построек раскопали на берегу одного из швейцарских озер. В египетском храме сохранились настенные изображения: царица Хатшепсут в стране Пунт. На цветном барельефе — свайные дома. Дорога многих цивилизаций начиналась на морском побережье. Легендарный капитан Немо говорил: «Ветер над морем чист и животворен. В бесконечном одиночестве на море человек все же чувствует вокруг трепетание миллионов жизней. Море хранит в своем лоне изумительные, неистощимые богатства, все оно — движение и любовь». До странного знакомые слова, подумалось ей, как будто кто-то шептал ей это во сне. «Море хранит в своем лоне...»

Несколько бедуинов из Африки гостили в Европе. Как-то раз их повезли к водопаду. Хрустальный столб, мельчайшая пыль брызг, радуга. Здесь можно было вволю напиться — и снова смотреть на чудо, неведомое жителям знойной пустыни. Сколько переходов нужно сделать на лошадях или верблюдах, чтобы добраться до колодца! Каждая капля воды на вес золота. И вдруг...

Бедуинов позвали, но они не трогались с места. «Подождем еще немного», — просили они.

— Чего же ждать?

— Подождем, пока кончится вода.

...Что-то мешало ей вспомнить все до конца, как жила она раньше и о чем говорила с сестрой, как встречала зиму и радовалась весне. И где затерялся этот северный край? Как теперь найти дорогу к дому? Узнают ли ее? И горестно отозвалось: нет, не узнают! Порой она догадывалась, что места эти придуманы ею и люди — тоже.

Исходила много троп: привыкала к раздолю, размышляла о себе и пока старалась не попадаться часто на глаза. Слушала говор воды на перекатах, всплески, звонь брызг, ловила взглядом мелькания лучей на пестрых каменьях. Старалась понять, почему брошено гнездо скопы на сухой лиственнице и откуда этот несказанный предвечерний свет от оранжевых цветов, разбросанных на лугах. В пойменных лесах, где много усыхающих деревьев, чутко прислушивалась к стуку дятлов. Там разбила эль, нашла другой...

Чувствовала себя иногда просто, свободно с людьми: но что-то мешало сделать последний шаг. Вдруг поняла: браслет. В нем причина.

Ранним утром улетела к реке, где камни и тальники, пади и висячий мост. Ступила на мост. Дошла до середины, сжала голо-ву руками, сказала громко: хочу быть как все! Не надо мне

больше ничего! Устала, измучилась, пора! И сняла браслет. Опустила руку вниз и разжала пальцы. Не видела, как браслет упал в белоленный поток. Вот и все, подумала она.

С этого дня началась новая жизнь. Совсем вычеркнула она из памяти то давнее, что так пугало. Мысли прояснились, и неведом с тех пор стал ей разлад с собственным сердцем. Не было другого пути спрятать от себя самой нескончаемые раздумья, сомнения, тревогу, прошлое, лики друзей, былую любовь.

Она познала многое и сумела бы теперь жить в этом мире, как ей хочется. Только так постигаются гармония, пропорции, сам смысл инопланетного бытия.

* * *

Я видел ее на мосту. Крутые склоны, поросшие редким кустарником, спускались к воде. У берега громоздились глыбы гранитов — пенные струи лизали их шершавые красноватые бока, поднимались по камню вверх и отступали, срывались в свое ложе, вымощенное валунами.

Я видел ее. Солнце слепило глаза, но я успел заметить, как склонилась она над потоком и что-то бросила вниз. Нас разделяло несколько десятков метров. Под ее ногами покачивался туристский мосток в две доски и бушевала вода со светлой каймой едва наметившейся радуги. Место было очень живописное, глухое, дикое — центр заповедника.

Она стояла на мосту, который так хорошо мне знаком. Старые стальные канаты, на которых он держится, давно успели покрыться налетом ржавчины, доски его посерели от дождей. Я направлялся к ней. Она повернулась и пошла, не быстро и не тихо. Волна ее темных волос напомнила мне встречу на «Гондване». Но я не догадывался о главном: она утопила браслет.

Я отчетливо помню тот день. И ее шаги, и как чутко вздрогивал, покачивался мост под ее ногами.

...Только следующей весной начала открываться мне вся эта история.

Окончание в следующем выпуске

СЕМЬ СТИХИЙ

Научно-фантастический роман

Часть третья. НЕБЕСНЫЙ ОГОНЬ

БЕРЕГ СОЛНЦА

Дорога от причала бежала в сопки. Там алели крутые, их бока, охваченные закатным огнем. И все там казалось позолоченным, ярким, как рубиновые стекла: радиомаяки, ангары, купола обсерватории, мост, шагнувший через падь. Небо пылало. Над дорогой проносились грузовые террапланы, порхали эли, по асфальту ползли мобили.

У самой обочины шел человек. Он не спешил. Он испытывал чувство, похожее на то, какое возникает при возвращении домой. Разве дома спешат?

За его спиной, в бухте, стояли морские транспорты. На борту одного из них и прибыл физик-исследователь Александр Ольмин. Целый год он провел на заводах, где собирали блоки реакторов, и считал дни, когда вернется сюда.

— Я не полечу, — решительно сказал он девушке, встретившей его у эля. — Спасибо, я пойду пешком.

— Этот эль — настоящий лифт, — уговаривала девушка. — Две минуты, и мы дома. — Тут она почему-то смущилась, но Ольмин не заметил этого или не подал вида.

Девушка была из настойчивых. Он позволил усадить себя в кресло. Но в тот самый момент, когда девушка нажала кнопку автопуска и машина вот-вот должна была взмыть вверх и совершил прыжок через сопку, Ольмин неожиданно легко соскочил на площадку. Эль тут же набрал высоту.

Чего ему хотелось?.. Поплескаться в ручье. Сверху, с сопки, хорошенько рассмотреть, как выглядит теперь все, что относится к Берегу Солнца.

Над бухтой висела большая стрекоза. Ольмину хотелось потопропить ее, увидеть, как опустится на причал ее нелегкая, наверное, ноша.

Стрекоза приблизилась к причалу и превратилась в обычный летающий кран. На ее месте висела уже другая стрекоза, затем третья. Их было много. Они спешили перенести часть груза на берег, чтобы корабли смогли подойти к сравнительно мелководному причалу, где их ждали многорукие гиганты — порталевые краны.

...На крутом склоне камешки-плитки выскальзывали из-под ног, прыгали коричневыми лягушками, разбегаясь в стороны

Окончание. Начало в предыдущем выпуске «Искателя».

и вниз. Ольмин остановился — звук не пропал. В сотне метров от него камешки так и скакали. Он пошел медленнее, потом свернул, спрятался за куст кедрового стланика. Подождал немного. Ну конечно! Та самая девушка, Ира.

— Ира! — Ольмин вышел ей навстречу. Ему вдруг стало неловко, что он заставил ее подниматься сюда.

— Александр Валентинович! Я же отвечаю... Ведь сюда из заповедника тигры приходят.

У нее было растерянное лицо, в руках не то платок, не то косынка, на ногах спортивные тапочки.

— Ладно, — сказал Ольмин. — Я не сержусь. А вы?.. Тогда идемте вместе. Это вам. — Он протянул ей букет ирисов. При упоминании о тиграх ему захотелось вдруг рассмеяться, но он сдержался.

...Берег Солнца. На воде, точно поздние бабочки, танцевали яхты, раскрыв паруса. Зарево первых огней... Берег мелководного широкого залива был светел. Он точно вырос из морской пены, застывшей тысячами звезд-огней. Сюда склонились дороги побережья.

— У нас даже в школьных сочинениях слово «Солнце» пишут с большой буквы. Видите, сколько успели сделать...

Она говорила о том, что произошло здесь без него, она спешила сделать это сама — все рассказать. К берегу протянулись ленты морских поглотителей, но половина из них еще не закончена. Отражатель готов. Она показала рукой: там светилось алое пятно — отблеск зари на круглом зеркале отражателя. И опять она смущалась, как два часа назад, когда встречала его у эля: ведь ему это было ясно и так, без ее пояснений. Он был одним из тех, кто доказал, что солнечный свет можно собрать и направить к Земле. Планета получает ничтожную долю тепла, и никакие наземные гелиоустановки не помогут: почти все излучение уходит в пространство. Пусть же лучи «схлопнутся» в световой жгут, как схлопываются лучи лазеров. Для этого нужно осветить Солнце пучком элементарных частиц, который станет коническим зеркалом, экраном, собирающим тепло, не дающим ему рассеиваться. Все, что попадет в конус, придет к планете, частицы, словно маленькие линзы, направят фотоны только в одну сторону — к Земле. Жгут солнечных лучей — лучший подарок планете с ее небезграничными недрами.

Походило на то, как если бы к туче поднесли гигантскую воронку, и дождь, попавший в воронку, по трубе отвели на иссохшие поля, в обмелевшие реки и озера — в те места, где влаги не хватает.

Были Земля Королевы Мод, Берег Принца Олафа, Берег Принцессы Марты, Земля Гранта... Теперь — Берег Солнца.

— У нас есть дейтериевое солнце, — сказала Ирина, — в океанах еще много тяжелой воды, и ее хватит надолго. Значит, проект «Берег Солнца» на будущее?

— Нельзя обделять океан, — ответил Ольмин.

— Обделять?

— Дейтерий необходим всему живому. Так же как и микрэлементы.

— Я этого не знала, — смущалась Стеклова.

— Об этом предупреждают биологи. Есть такой корабль

«Гондвана», вот уж несколько лет бороздит все моря планеты... Его каждый дельфин знает.

...Где-то рядом шумела вода. Стеклова вдруг поняла, что заблудилась. Эль был где-то здесь, на склоне, но она так спешила, что не приметила ни одного ориентира. И этого родника не было. Они подошли к нему: в воронке плясали песчинки, струя выходила из нее и падала на плоский камень. В этом месте образовалось углубление.

— Ну вот, забыла, где эль, — сказала она.

Ольмин наклонился над родником. Его каштановые волосы упали на лоб. Он пил и словно бы любовался водой.

Оторвался от воды, сказал:

— Без эля лучше. Дойдем. Три километра — пустяки.

Опять наклонился над ручьем, расстегнул ворот, умылся. Стеклова успела заметить, как точны, скupы его движения, ни капли воды не попало на рубашку. Струйки и даже брызги прилипали к его рукам — иначе не скажешь. Ей было приятно смотреть, как умывался этот уставший человек.

Она присела над углублением и коснулась воды концами пальцев.

— Давно здесь? — спросил Ольмин.

— Недавно. Года нет.

— Вы что же, думали, что я заблужусь?

— Нет, — спокойно сказала Стеклова. — Просто захотела вас встретить.

Ей показалось, что он смущился. Это не вязалось с его обликом, с тем, что она знала из рассказов о нем.

...Падь встретила их колючими зарослями аралии. Ирина пожалела, что они пошли напрямик, слева была дорога, и по ней можно было добраться, отшагав каких-нибудь два лишних километра. Ее напугали птицы, выпорхнувшие из-под ног. У птиц были темно-красные перья на крыльях, и они так шумно взлетели, что она не расслышала Ольмина.

— Фазаны! — повторил он. — Испугали?

Она кивнула.

Заросли неожиданно кончились. Впереди была тропа, за ней различалась широкая дорога для туристов. Ольмин остановился. Прозрачная синь вечера вызвала мимолетное настроение, тайну которого он еще не постиг. Эта минута казалась хорошо знакомой, и очень близкими стали вдруг небо и огни в долине. Ему нравилось бродить по сопкам, по лесам, по тайге, и не потому, что привык. Только так приходили такие вот редчайшие минуты прозрачности, необыкновенной ясности.

Когда было в прошлый раз? — вспоминал он. Года три назад, когда он неделю жил у друга, за городом... Далеко отсюда. У Оки. Там были холмы, и запах сена, и темное небо. Зарницы в конце июля... Впервые в жизни своей видел зарницы. А ночью, поздно, когда спать не хотелось, он вышел на крыльцо, увидел высокое, какое-то особенно просторное небо, уловил несказанный аромат трав и свежего сена — и минута пришла.

* * *

В Солнцеграде было светло. Центральный тротуар сбегал по главной улице к морю. А пляж был освещен красноватыми лу-

чами искусственного солнца: там еще загорали, смеялись, у скал жгли костры, вдали виднелись яхты, серферы, лодки. Катера и морские эли пересекали лунную дорожку, казавшуюся продолжением главной улицы. Ольмин и Стеклова стояли на тротуар и незаметно для себя оказались на пляже — лента вынесла их прямо на берег. Здесь кто-то узнал Ольмина. Потом к ним подошли еще пятеро. Ольмин увидел знакомые лица. Его усадили у костра, а Ирина, никем не замеченная, осталась за его спиной. Прошло минут пять, и он спохватился, вспомнил о ней. Она уже направлялась к движущемуся тротуару. Ольмин вернулся к ней:

— Давайте знакомиться по-настоящему!

Она рассмеялась.

Пошли купаться сразу человек двадцать. Вода была прохладной, чистой, податливой. Рассыпались по бухте, ныряли, потом долго грелись у костра. Домой не хотелось. Там было скучно, неуютно.

У Ирины оказался при себе торонин, вещь редкостная, удивительная. Ольмин глотнул тридцать капель маслянистой жидкости, разведенной в подогретой морской воде, и улегся на спину. Через десять минут его легкие могли вдыхать вместо воздуха морскую воду и извлекать из нее кислород. Он заметил обычные изменения: сознание стало как бы избирательным. Он видел теперь не весь пляж, а только то, что хотел увидеть. Даже голоса звучали порознь — как и к кому прислушаешься, — превращение состоялось. Он побежал к скалам, нырнул и долго оставался под водой.

На пятнадцатиметровой глубине ни рыб, ни морских звезд видно не было, и только длинные ленты водорослей, похожие на лианы, пересекали слепой полусумрак. С ним спустились под воду еще трое или четверо; сверху, со скалы, им кинули люминесцентный шар. Он лег на грунт и осветил песок, камни. От холодных ярких лучей шатахнулись рыбы, но вскоре стали возвращаться — осторожно, бочком. В поле зрения попали мидии, устрицы, гребешки, патирии, рубиновые афаластериасы, пурпурные асцидии, буро-зеленые морские ежи.

Через четверть часа Ольмин вынырнул, растянулся у уреза воды ничком и осторожно, словно пробуя на вкус, вдыхал воздух. Легкие освобождались от воды. Несколько резких движений, глубокий вдох — и он окончательно перешел в мир надводный с его разреженностью, ароматными ветрами, небесной пустотой.

Потом я увидел его у костра. Там собралось человек семь. Я подошел к ним. Ольмин рассказывал о реакторе. Очередь дошла до меня. Я задумался и вдруг отчетливо вспомнил случай в тайге... Это было через год после первой поездки с Янковым. Пусть послушают, решил я, расскажу-ка им оочных огнях...

НОЧНЫЕ ОГНИ

...Помнится, в тот вечер я задремал в палатке. Потом что-то разбудило меня, какой-то слабый голос подсознания. Я открыл глаза и увидел минуту спустя большой желтый огонь над тай-

гой. Он показался мне похожим на шаровую молнию, какой я представлял ее по описаниям.

Не так уж трудно оценить расстояние даже в горах. После двух-трех попыток мне это удалось — ответ был поразительным. До светящегося объекта было несколько километров. Значит... я прикинул его диаметр: около трехсот метров. Он приблизился и стал похож на луну, только сиял ярче. И оттенок свечения был другой. Я понял, что это не отраженный свет, не иллюзия и не мираж.

Можно было подумать, что внутри шара струится белесый дым — и оттого он светится. Какие-то едва различимые струи переливались внутри его, какие-то шестеренки и колеса будто бы вращались там, а он рос на глазах...

Меня не испугало его приближение. Только когда вокруг стало светло, как на заре, и от деревьев упали на склон, где стояли две наши палатки, длинные резкие тени, я подумал, что, возможно, не проснулся еще окончательно.

Я крикнул. Янков вышел из палатки и уставился на меня. Повернул голову, спросил:

— Что это?

И тут шар снизился так, что, казалось, сейчас коснется деревьев (они загорелись в его лучах). Но этого не произошло. Он чуть подпрыгнул вверх и стал разворачиваться. Он менял форму и все больше становился похож на старинную аэрогондолу, наполненную легким газом, — на дирижабль. На бортах этой чрезвычайно легкой на вид сигары вдруг вспыхнули два луча — зеленый и красный. Они быстро промчались по еловой чаще ниже нас, миновали палатки и разбежались в разные стороны. Красный луч поднялся, упал на группу высоких пихт, и вершины их охватил густой темно-красный огонь. Я думал, что они и в самом деле обуглились, но луч скользнул дальше, по склону побежало темно-красное пятно, а пихты над нами снова засияли в бело-желтом свете, заливавшем окрестность.

— Смотри, смотри! — воскликнул Янков.

К двум лучам привился третий, ультрамариновый. Он стремительно обшарил склон, сделал полный оборот и снова вернулся к нам. Но и этот ультрамариновый луч миновал наши палатки. Костер наш давно подернулся иеплом и казался грудой остывших углей — так ярко сияла сигара.

— Вот чего нам недоставало, — сказал я и осекся, потому что она вдруг стала опускаться, садиться в долину у подножия нашей сопки...

Светящаяся сигара была огромной, осторожной, как рыба в мелкой заводи. Нам показалось, что убавилось яркости, а лучи стали гаснуть, но как-то странно: они вдруг оборвались в пространстве, укоротились и не доставали теперь до пихт. Только наш склон с палатками был бы им подвластен.

Сигара снизилась еще — верхушки деревьев прикрыли ее нижнюю часть. Раздался легкий рокочущий звук. Был слышен треск сломанной ветки. Стало тихо. Лучи пропали, но сияние осталось. Снова изменились его оттенки. Теперь это напоминало холдный люминесцентный экран.

— Включили другой свет, — сказал Янков.

Возникло необычное ощущение, будто вокруг запахло метал-

лом, космосом, будто лес и долина были только декорацией. «Включили другой свет». Что-то в этом роде.

— Спрячься, — сказал Янков, — встань за дерево!

Я отошел от палатки и притаился.

— Мы похожи на... — Я не договорил.

— Ни звука! — резко оборвал Янков.

От светящейся сигары отделился тусклый серый предмет. С минуту он висел над ней, покачиваясь. Между этим предметом и сигарой проскочил едва заметный голубоватый луч, и тогда он тоже стал светиться. На наших глазах он увеличивался в размерах и, как мне показалось, вращался, одновременно покачиваясь. Вот он поднялся вверх — плавно, бесшумно, быстро. В трехстах метрах над нашими головами он повис, постоял там, как комета среди звезд, и понесся на юго-восток.

— К морю полетел, — сказал я, — догоним?

— Как это ты собираешься догнать? Любопытно...

— Да очень просто, сядем в эль и догоним.

— Поздно. Он уйдет от нас.

— Там никого нет. Ручаюсь, что это автомат.

— Ты ясновидец...

— Останься здесь, — сказал я. — Пойду посмотрю.

— Осторожнее! — крикнул он вдогонку.

Я замер. Встало зарево, метнулись разноцветные лучи, и из-за деревьев взлетело светлое облако. Оно парило над долиной. Окрест стелился будто бы цветной туман. Но вот облако поднялось еще немного над вершинами кедров и приняло свою первоначальную форму. Это была та же сигара, и так же посыпала она свои лучи. Только теперь лучи нашупали нас. Они слепили. Я не удержался и прикрыл глаза ладонью. Но это не помогло, таким ярким был свет; и я невольно закрыл глаза. А когда открыл их, было темно. Сигара исчезла...

...Я замолчал. Ольмин думал о чем-то своем. Кто-то спросил:

— Вы в первый раз увидели такое?..

— Пожалуй, — ответил я. Мне не хотелось сейчас рассказывать им еще одну историю. Из моего детства... Потом когда-нибудь.

ЭЛЬ НАД РЕКОЙ

Астрофизическая обсерватория Солнцеграда. Малый зал... Полусумрак. Тишина.

Пристально всматривалась Ирина в узоры созвездий. Мы стояли под синим куполом из полупрозрачного стекла. По нему ползли искры разного накала и яркости. Незаметно для глаза, так, как движутся светила на вольном небе.

— Большая Медведица, Волосы Вероники, рядом Малый Лев, — называл Ольмин созвездия, — Рысь, Гончие Псы... а вот любопытная туманность, но ее видно только в оптический усилитель. Тут же, недалеко, два радиопульсара. Купол вращается по команде, и в любое время года можно наблюдать звезды обоих полушарий. А вот телескоп и автоматическая камера для съемки участков небесной сферы.

— Значит, это просто очень хорошая фотография — все эти созвездия и туманности? — спросила Ирина.

— Да. Точная копия неба. Но разобраться в ней не просто. Изучать ее надо так же тщательно, как и само небо.

— А где Близнецы? — спросил я.

Светящаяся стрелка указала созвездие. Я вспомнил: пять ярких пятнышек в атласе... на «Гондване».

— Вот они...

Ирина потерла ладонью щеку, прикрыла глаза и опустила голову, как будто почувствовала странное безразличие к небесным огням, так живо интересовавшим ее минуту назад. Я обошел телескоп и оказался слева от нее. Мне показалось, что она мгновенно отвела взгляд от купола.

Я украдкой наблюдал за ней. В полутьме трудно было рассмотреть выражение ее лица.

— Здесь жарко, — вдруг сказала она и быстро направилась к выходу.

«Что со мной? — подумал я. — Тут действительно мало воздуха, кружится голова». И пошел следом. Ольмин — за нами. Мы оказались в другом зале. Здесь все встало на свои места, и смутная догадка улетучилась из моей головы. А рассказ о Близнецах был прерван.

Ольмин кликнул робота:

— Наведи порядок, проверь кондиционер. Доложи.

— Готово, — вкатился кибер через минуту. — Отклонение неизначительное. Исправлено.

— Я покажу корабль, — сказал Ольмин. — Точнее, его траекторию.

Мы вернулись под купол. Шутки ради Ольмин поменял местами созвездия, заставил Медведицу бродить вдоль небесного экватора, а Малого Пса — гоняться за Китом, Дельфином и Журавлем.

Невидимый помощник восстановил положение звезд, возвратил весь небесный зверинец на свое место и сообщил координаты корабля.

— Корабль... вон та желтая черточка. Изображение условное, разумеется.

...Задолго до старта с Земли послали луч. Зеркалом служило озеро, его поверхность приняла на мгновение форму параболоида. Скованная стихия электромагнитного урагана вырвалась на простор. Луч пробил туннель, по нему как челнок бежал, скользил космический снаряд.

Прошло несколько месяцев, и он достиг таких пределов, где от излучения, некогда посланного с Земли, остались лишь следы. Луч рассыпался, распался, устав от пройденного расстояния, кванты рассеялись, и корабль начал торможение.

С борта переданы объемные фото, спектрограммы. Первые планеты на его пути. Глыбы ослепительного льда. Черные скалы. Бездонные пропасти.

— Жаль, — сказал я, когда купол погас, — похоже, что условия там для жизни не очень подходящие.

— Ближайшая планета мертвa, — кивнул Ольмин, — мы знали это и раньше. Что ни говорите, а жизнь в целом похожа на плесень: и тепла и влаги нужно в меру, да и солнечко чтоб не светило слишком ярко, иначе разные неприятности с корпуску-

лами.. И плесенью этой обрастают крохотные шарики — просто пылинки по сравнению со светилами.

— Это только один из близких миров. А их пятнадцать и двенадцать спутников, — добавил я. — Дайте срок — корабль перейдет дальше, к следующему затерянному миру!

Нетрудно было мысленно проследить путь земного посланца. Пятнадцать планет — пятнадцать станций.

На втором витке спирали корабль выполнил едва заметный маневр — от него отделятся радионд. Жемчужное тело зонда нырнет вниз, в сумерки планеты. Корабль поднимется на двух лучах, точно на ходулях, и, возвысившись, устремится к следующей планете.

Это был короткий и потому удобный маршрут. Здесь легко отработать все системы нового корабля. Чтобы послать невиданный экипаж в настоящий поиск — к планетам Близнецам, к двойным звездам, нужна скорость. Скорость значит больше, чем время.

* * *

Однажды после заката я заметил у горизонта темную движущуюся точку. Эль шел на предельной скорости. Он нырнул почти вертикально вниз и опустился на окраине Солнцеграда. «Лихо, — подумал я, — кто это так водит машину?..»

Однажды я подстерег его. На малой высоте полетел следом. Шел в пределах видимости. На этот раз он удалялся от Солнцеграда. Перевалил сопку, заложил вираж, упал. Только его и видели. Я тоже вышел на перевал. Влево, вправо... нет эля.

Вернулся в низину и стал ждать. Через полтора часа он вернулся, прошел над головой. Я опять за ним. Дошли до Солнцеграда. Он кувырнулся на посадку. Я прошел стороной, но примирился с его убежище.

Ирина Стеклова. Это была она. Я нелюбопытен, но факт интересен.

К кому же это Ирина наведывалась? Куда, зачем? Ну нет, это не обычные прогулки, меня не проведешь. Если бы у меня было хоть малейшее подозрение, что это касалось ее лично и еще кого-то, тоже лично, я бы не тратил времени на догадки...

И вот первое приключение... За спиной мой эль, впереди, в двухстах шагах, ее вишневая машина. Заметила она меня или нет? Вряд ли. Я осторожен. Справа река, я иду не по самому берегу, а там, где каменная россыпь, заливаемая во время дождей, уступает место ивняку. Нырнул в кусты — и нет тебя. В случае чего. А она впереди. Я иногда слышу, как позвякивают камешки под ее ногами.

Она остановилась. Сбросила туфли и вошла в воду. И бредет по колено в воде; течение здесь довольно спокойное, не то что выше, у порога, где перекинут мост. Здесь держится рыба: хариус, реже форель. Я сам пару раз закидывал удочку. Места хоженые, не раз бывал на этой реке и отлично знаю повадки форели. Она держится рядом с большими камнями, туда и нужно кидать крючок с червяком, мухой или икринкой. Но места для лова отведены не здесь. Гораздо выше. Ирину интересует не форель, и я никак не могу взять в толк, что именно.

Место пустынное, дикое. Вот она повернула назад, я прячусь.
(Дальше все ясно: она возвращается в Солнцеград.)

Она проходит от меня в тридцати шагах. Лицо серьезное, сосредоточенное. Делать больше нечего, я бреду к своему элю...

...Потом она исчезла. И ни одна душа не знала, где она. Я прозевал момент и был бы рад даже случайной догадке...
Увы. Ее исчезновение обеспокоило меня. Даже напугало.

Никто, оказывается, не знал о ее поездках к реке. Но даже я не знал, что же она там делала. И чем это могло кончиться. Излишне говорить, что я обшарил окрестность. Я был встревожен.

Ее искали... Волновались. Я вдруг понял, что поиски эти бессмысленны. Догадался. У меня начали открываться глаза!

И только для того, чтобы убедиться в этом, успокоить себя самого и других, я нашел ее дневник. Последние строки дневника подтверждали догадку...

ИЗ ДНЕВНИКА ИРИНЫ СТЕКЛОВОЙ

9 июля. Встречала Ольмина. Прибыли излучатели частиц, ускорители, реакторы, приборы. В бухте несколько гигантских транспортов из-за мелководья не могут подойти к причалу, их разгружают летающими кранами.

17 июля. Мы стали к нему заходить. Если он был занят — читали его книги. Вчера было человек десять. Он говорил что-то веселое, потом Блока читал. Читал без патетики, совсем непонятно, почему действовало. Он был в простецкой рубашке, у манжеты пуговицы нет, так он потихоньку булавкой заколол. Ему уже за сорок, наверное, лицо усталое, а он читал: «О, весна без конца и без краю — без конца и без краю мечта!»

29 июля. Ничего-то я не понимала до сих пор. То есть знала, что к Солнцу поднимется конус и что лучи пройдут внутри, как в волноводе, и попадут на отражатель. А стенки конуса не дадут лучам разойтись. Вот и все.

12 августа. Милый Александр Валентинович, вы такой же, как все, во всем, кроме того, что составляет в вас главное — призвание...

14 августа. Иногда я подхожу к зеркалу. А передо мной во весь рост — высокая женщина с темно-карими глазами. И смотрит на меня, смотрит. Словно что-то хочет спросить — и не решается. На вид ей — двадцать пять (а на самом деле больше). Она смотрит, смотрит, да вдруг и улыбнется. А я погрожу ей пальцем и отойду от зеркала.

Нет уж, пусть лучше все будет по-старому.

17 августа. Ты считала, что твое дело — отражатель, поглотители, приемная часть. Для остального есть Ольмин, Телегин, Караканов. Ты боялась им помешать расспросами и советами? А Александр Валентинович Ольмин, решавший задачу упаковки частиц в конусе, работал на заводе из праздного любопытства? Или знакомился с конструкцией морских поглотителей из прилиния? Да ты раскрой глаза, Ирка: он же знает о приемной аппаратуре больше тебя! Он проверил расчеты, твои расчеты. Но если бы я все-таки знала, зачем ему это! Ведь он не сомневается, он верит мне. Так он говорит. А он говорит только правду.

23 августа. Ну и что я узнала еще? Что конус будет формироваться несколько минут, потому что частицам нужно преодолеть расстояние до Солнца, и что он не будет сплошным? Но тогда что это за конус?.. Что частицы должны испускаться импульсами?.. Но короче одной миллиардной доли секунды импульсы сформировать просто нельзя: техника не позволяет. И Солнце выжжет все живое. Выход один: направить к Солнцу очень узкий конус. Но энергия даже с одной миллиардной части солнечного диска во много раз больше, чем энергия всех электростанций планеты. При конусе в шесть сотых угловой секунды как раз и будет захвачена эта миллиардная часть. Испарится и почва, и берег, и сопка заодно с установками. Вот зачем нужен отражатель и поглотители, отводящие тепло в море, а лучше бы в океан. И еще: ошибка в сотую долю угловой секунды недопустима.

Заметки на полях. Ты изучала теодолит, Ирка. Этот довольно точный по твоим представлениям прибор дает ошибку в целую угловую секунду.

Проникнувшись уважением к светилу, Ирка.

Вывод. Это первый проект, когда нужно всеми средствами избавляться от лишней даровой энергии. Ошибка смертельна.

28 августа. Один из транспортных кораблей доставил на Берег Солнца экипаж японского рефрижераторного судна, пострадавшего от шторма. Капитан Атара достал фотографии, рассказал о себе, о семье, о шхуне, на которой плавал раньше.

— Знаете, что пишут иногда в газетах о проекте? — спросил Атара. — Вы отберете у Солнца часть энергии, и солнечных дней станет меньше.

— Это не так, — сказал Ольмин. — Эксперимент займет несколько минут.

— Все равно, — сказал Атара.

— Но энергия не исчезает, вы знаете.

— Не совсем понимаю.

— Мы посыпаем энергию обратно в космос, к Солнцу, отражаем ее. Меньшую часть отводим в море.

— Значит, наши моря потеплеют? А не станет ли на Земле слишком тепло? — спросил Атара.

— Тепло можно переправить хоть на Марс. Когда-нибудь приемники установят и на кораблях. Будет и тепло, и холод, а когда надо — и ход судну.

— А облачность?

— Солнечный жгут пробивает облака.

29 августа. Сегодня были в тайге. Человек восемь наших. Когда я остановилась под старым кедром, мне показалось, что в ветвях притаилась рысь, что ждет она меня, дожидается.

...Взирались по крутыму склону, заросшему лещиной, собирали ягоды, смеялись. Пила воду из ручья, вспомнила, как встречала Ольмина.

Мне подарили жемчужину. Нашли ее на таежной реке в раковине перловицы.

19 октября. Листала старый-престарый журнал. В одной статье автор вспоминает способы использования солнечной энергии. О пиролизе пишет вполне серьезно. Это сухая перегонка, получение древесного угля.

Энергетические плантации... Звучит как обещание. А это все-го-навсего «выращивание деревьев». Древесина — топливо. У первобытного человека с «энергетическими плантациями» дело обстояло куда лучше. Он же изобрел и экономичный реактор — костер.

Шутка. Из Свифта:

«...Восемь лет он разрабатывал проект извлечения солнечных лучей из огурцов. Добытые лучи он собирается заключить в герметические склянки, чтобы затем пользоваться ими для согревания воздуха в холодную дождливую погоду».

Энергетический бассейн. Устройство: бетонная чаша, дно черное, глубина один-два метра, наполняется послойно, сначала формируют придонный слой — тут держится подсоленная и потому тяжелая вода. Сверху — пресная. Конвекционных потоков нет. Тепло собирается на дне. Отводится к машине.

Океаны — естественный коллектор энергии. В тропиках разница температур между поверхностными и глубинными слоями достигает двадцати градусов.

Другой способ: гелиогидростанции. Давхват Сальвах — это залив, врезающийся в побережье Саудовской Аравии. Его отделили плотиной от моря. Уровень воды в нем понизился за четыре года на пятнадцать метров. В плотине смонтировали турбины.

Солнечные автомобили. Гелиоархитектура... Кому-то пришел в голову счастливый вопрос: зачем архитекторы строят стеклянные коробки, поглощающие солнце, а инженеры снабжают их дорогостоящими кондиционерами? Не лучше ли выращивать сады на крышах, на широких карнизах и на покатых стенах, подбирая «тепловую рубашку» зданий из подходящих сортов? Уменьшаются встречные людские потоки, напоминающие своей интенсивностью миграции леммингов. Углекислота, продукт обмена, тоже идет в дело; растения быстрее тянутся вверх, а длинные речи и доклады на конференциях независимо от содержания только помогают этому, потому что всегда дают двуокись углерода.

2 декабря. Есть задачи, которые лучше решать так, как подсказывает природа. В Африке нашли вересковые леса: деревья пятнадцатиметрового роста ведут свою родословную от кустиков, на севере едва достигающих колена. Случайно ли, что гигантский вереск найден в южных горах — там, где свет интенсивнее?

Человек давно перестал довольствоваться той долей лучей, которые сами по себе попадают на планету. Энергетические спутники — это высоко поднятые ладони, которые ловят свет. Радиолинии — это нервы и артерии, по которым бежит энергия.

И вот Проект. И Солнцеград на берегу океана. Новый шаг в завтра? Пока не шаг. Попытка. Но это не только тепло, свет. Не только рука планеты, протянувшаяся к самому светилу. Можно ли управлять светом звезд? Вот в чем вопрос. Управлять звездами...

14 декабря. Снег. Морозно. Ходили на лыжах. Искали под снегом бруснику. Солнце низкое белое. Вокруг — снежная полудень, иней, голубоватые шапки елей, свечение кристаллов, колкий воздух, скользкий лед на ручьях, черные струи холодной незамерзшей воды, следы зайцев и лис, костры у прогулочных элей,

дымчато-прозрачные траектории лайнеров, первые лавины на крутых склонах в заповеднике, последние островки зелени у теплого источника. Спутанный куст с желтой травой у подножия, заснеженный, живописный, как старый колдун, притаился у лыжни. Гулкое эхо в долине.

3 февраля. Вот и прошел еще один мой год. Здесь прошел, в Солнцеграде. Я теперь не так жадно набрасываюсь на книги. Скучаю? Сколько у меня еще дней впереди? Не знаю... не знаю...

26 марта. Сон. Будто бы я все вспомнила. Будто бы у меня теперь другое имя...

27 марта. Снова плохо мне, и ничего с этим не поделать, такая уж я. Что будет дальше?.. Пошли вечером к Александру Валентиновичу. Несколько человек. Угощал таежным чаем с брусникой. Говорил, что осталось немного. Скоро пустим установку. Осталось немного — что это значит для меня?.. Рассказал о запуске дальнего корабля. Это уже второй в этом году. Отрабатываются новые системы. Сказал: скоро полет к Близнецам... Скоро полет. Теплей и светлей мне, бедному зверенышу.

4 апреля. Солнце печет. Последние сосульки. Весна. Теперь уж навсегда. Я не боюсь воспоминаний. Пусть повторится снова, я не откажусь ни от одного из дней. Пора: скоро полет. Я узнала многое. Только так я и могла обо всем узнать. И не иначе. Не было у меня другого пути к ним.

19 апреля. Мы были на станции слежения: там знают все о полете, там звезды как настоящие, там небо, движущиеся планеты, следы комет... Было трудно. Я опять поняла многое из того, что мне нужно сейчас. С нами был журналист. Глеб.

6 мая. Пора. Мне снятся странные сны. Я знаю, что найду... там, в реке. И сегодня легче, чем вчера. Опять молодое, поющее тело. Пора...

ДВУХСОТОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Несколько дней тревоги, бессонницы, волнений. Я искал Ирину. Все же искал... Несмотря на странную догадку, почти уверенность, что Ирина и Аира... Стоп. Нужны доказательства.

Сердце нет-нет да и напоминало о себе. По утрам я чувствовал легкую щемящую боль.

Поневоле я привык к долгим купаниям. Мне памятно озеро с торфованной темной водой, влажные корни, скреплявшие кругой берег, остров с поваленной ветром елью, сморщеный лик опрокинувшегося солнца.

Иногда я подавался к морю и проводил в воде два-три часа. Кожа моя покрывалась кристалликами соли, и мне казалось, что это должно излечить меня. Но страхи — тень сердечной боли — посещали меня. Я боялся за Ирину, за себя, за друзей, ловил себя на мысли, что постепенно, но верно забываю ее... Валентину. Нет, не лицо — слова, голос, оттенки ее кожи, цвет туфель.

Как-то я поднялся вверх по течению безымянного ручья. Шел долго-долго. Солнце скатилось к морю, которое вдруг открылось с высоты перевала. Здесь ручей почти иссяк: от него осталась чистая струя, выбившая в камне ванну. Я разделся и шлепнулся

в воду. Она обожгла меня, но было приятно. Я окунулся с головой, выскочил на плоский камень, растер кожу ладонями. И опять нырнул в ледяную купель. Потом жадно ловил последние лучи, и мне не хотелось уходить с этого места. Я оделся и присел на поваленное дерево. Распадок, в котором я оставил эль, казался синим. Только самые высокие деревья поднимали зеленые головы, ловившие столбы предзакатного света так же старательно, как и я. Стало легко, ключ был не только кристально чистым, но, пожалуй, целебным.

Солнце расплющилось и скрылось.

Где-то послышались голоса. Выше и чуть в стороне. Там потрескивал костер; подобравшись ближе, на звук, я увидел жаркие угли в каменном очаге, ровное пламя и столб дыма. А поодаль от костра — молодые лица, закопченные, темные от сажи и золы руки, и паренек с гитарой... Боже мой, что он пел! «Осторожней, друг, ведь никто из нас здесь не был — в таинственной земле Мадагаскар!» Киплинг. Подумать только!

Их было шестеро. И они не заметили меня. А я не хотел выходить к ним из зарослей стланика: пусть уж сами по себе, что мне до Киплинга. Конечно, я мог им рассказать о том, что стал любить старые вещи: фарфор со стершимся рисунком, книги в пыльных переплетах, выцветшие сорочки и старомодные галстуки. Возможно, мы нашли бы общий язык.

Я подумал о двухсотом поколении. Шесть-семь тысяч лет назад люди оставили первые памятники культуры, дошедшие до наших дней. Пусть на каждое поколение приходится тридцать с небольшим лет. Тогда и получается эта цифра, очень занятная, — ведь двести поколений не так уж много. Скорее мало. Мы привыкли мыслить астрономическими категориями, а слово «эволюция» ассоциируется чуть ли не с геологическими миллионолетиями процессами. А тут всего-навсего двойка с двумя нулями — можно было бы уместить целую ветвь родословного дерева на одной-единственной странице.

Но я относился скорее к поколению предыдущему, от истоков цивилизации до него сто девяносто девять рождений и смертей. С другой стороны, нас как будто бы ничто не разделяло. Хотел бы я все же понять, чем дышит двухсотое поколение, предоставленное самому себе. Это и удерживало меня от того, чтобы тут же присоединиться к веселой ватаге у костра.

Один из них бродил, собирая сучья, древесную ветошь, серые от дождей коряги. Он прошел в трех шагах от меня, но не заметил... Был он высок и худ. У гитариста круглое, широкое, светлое лицо, тонкий рот, выпуклые глаза, вьющиеся волосы цвета спелого овса. Взгляд серьезный, сосредоточенный, и это долго обманывало меня, я думал, что незатейливые песни — это и есть он сам... Лишь позже я уловил незаметный переход: по несколько минут он как бы вживался в песню — в мелодию и слова, молчал, думал, сложив руки, сдвинув брови. И вот брал гитару, сжимал ее, и все движения были с этого мгновения сильны, быстры, уверены, а голос ясен, чист, звучен. И все же это была игра. Но не он сам.

Третий был темноволос, зеленоглаз, с лицом, точенным из светлой бронзы, с тонкими пальцами — они сжимали колени. Они погружались в полусумрак: послезакатный свет слабел с

каждой минутой, и костер тоже угасал. К огню приблизился первый и бросил охапку хвороста на угли. Дым, пламя, свет.

Я увидел трех девушек.

Две из них рассеянно слушали, одна смотрела, как плясали искры над огнем, и думала о своем. Я взгляделся, лицо показалось очень знакомым. Темные раскосые глаза, тюркские скулы тонкие брови вразлет: Силлиэме! Это была она. Воплощение покоя и неподвижности. Только глаза делали ее лицо живым — сейчас они были похожи на прорези в маске. И вдруг порывистое, резкое движение, взмах рукой в такт мелодии, смех, белозубая радость — и я узнал ее окончательно, такой она была на севере, когда я познакомился с ней.

Ей тогда было девятнадцать, значит, сейчас только двадцать два. Но тогда она казалась взрослее. Интересно. О чем бы я с ней сейчас говорил?

О чем задумалась, Силлиэме?.. Помнишь ли твоего давнего гостя? Там, на севере, костры ярче, они как зарницы. Сухие, хрупкие ветки лиственниц вспыхивают как порох. И не дымят. Пламя ровное, легкое, гудящее. От огня к огню — лыжный след. А снежные сопки точно нарисованы; едва намечены в памяти их мягкие контуры.

Если закрыть глаза, я и сейчас вижу лыжню. Оленей с бархатно-занинцевыми рогами у окна. Скрип половьев.

Вот о чем она мечтала тогда: о Солнцеграде, о проекте, о работе вместе с Ольминым. Кажется, так. Теперь вот заговорили. О чём?

Я услышал об Арктическом кольце жизни. О Великой Сибирской полынье. В ледовых просторах океана — синие озера. Там никогда не замерзают обширные участки. Открытая вода в сердце Арктики... Женя видел их своими глазами.

— Есть еще Восточно-Таймырская полынья, — добавила Силлиэме, — и другие... где кончается шельф, далеко от берега. Материковый склон поднимает из глубины теплую воду во время приливов. А там, где находятся подводные хребты, приливное течение разрушает льды в самые сильные морозы. Это совсем особая географическая зона.

— Нет, из Таймыра не получится Мадагаскара, — сказала одна из девушек. — Даже после Солнцеграда в это трудно поверить. Пусть когда-то были тропики, но тогда и земная ось была наклонена совсем под другим углом, и океаны соединялись друг с другом широкими проливами. Все, все не так, как сейчас.

— Дело не в тропиках, — заметил гитарист, — пустыня ни к чему, вот о чём речь.

— Там не пустыня, а птичьи базары!

— Природа вынуждает птиц гнездиться там, где есть корм, — сказала Силлиэме. — На птичьем базаре птенцы реже гибнут от холода. Когда рядом другие птицы, теплоотдача меньше. А вот на острове Брангеля гнездится всего шесть пар воронов. Птица всеядная, и все равно зимой трудно. Пустыня! Вот если бы весь Северный Ледовитый превратить в кольцо жизни!

— Я читал, — сказал Женя, — что из-за потепления климата многие птицы уже гнездятся на градус севернее. Чайки, свиязи... Силлиэме, подскажи... да... морские чернети, люрики, луговые коныки... кайры, бакланы...

— Птицы стали прилетать раньше. Дней на десять-двадцать.

— Потом будет теплее. Когда проект закончим. Лес к северу тоже продвинется. Тогда на острове Брангеля можно будет увидеть рябинников, варакушек, снегирей, горихвосток. А летом будет тепло, как у нас здесь.

— А я видел женьшень, — сказал высокий парень. — Позапрошлым летом. Место глухое-глухое, кряжистое дерево с дуплом. Я сначала на дупло смотрел, в нем даже медведь может укрыться. Потом смотрю — ярко-зеленые листья, похожие на ладонь... Отец сказал: женьшень. Притрагиваться к нему нельзя: его недолго испортить. Он перестанет расти и будет спать много лет.

— А потом?

— Проснется. Говорят, в одну из ночей, когда появляются цветы, можно увидеть свечение, белый огонь, будто бы и корень тоже светится. Но это легенда.

— Я был в курильских лесах, — сказал гитарист, — Там кое-где еще остались такие же заросли, как на Сахалине. Лопухи двухметровые, а дудочник как пальмы. Луг похож на лес. Дождь пойдет, зонтик не нужен — лист лопуха как палатка или пляжный навес.

...Костер угасал. Установилась какая-то нежилая тишина, как в покинутом доме. Сквозь глубину кедровой чащи к нам подкрадывалась ночь. Ни шороха, ни звука. На фоне светлойзвездной пыли глыбы кедров, за спиной внизу — черное спящее море.

...Я привстал со ствола поваленного ветром дерева, отряхнул с одежды приставшие к ней хвоинки и пошел к ним. Чтобы нас не разделяли эти двадцать шагов.

АИРА

Трудно было ей вспомнить, как было раньше, когда звали ее Аирой, когда жила она в подземном дворце, где не слышно горячих вихрей, воя песков, шорохов пылевых туч. И трудно забыть то, что придумала она про себя здесь, на Земле, новое имя свое: Ирина Стеклова. Но не было другого пути: у каждого есть право на прошлое, хотя бы придуманное. Как же без этого?

Это и осталось ей — с тех самых пор, как появился зеленый браслет на ее руке. Трижды прожить жизнь, уметь встречать неизвестное, новое, потом расставаться с ним как с полуза�отым воспоминанием, а впереди — иное, неизведенное, завтрашнее. Сколько бы ни было у нее сил, все равно трудно.

Она мечтала о будущем, пока неясном. Будто бы собиралась в далекий поселок, чтобы проститься с теми, кто был когда-то близок ей. Она еще не называла себя Аирой. История ее была простой: вот откуда она — вот дом ее, и мать ее, и сестра, и тот, с кем целовалась у чужого крыльца с позднего вечера до утра. Образы уже теряли четкость, как отдаленное прошлое, которое вдруг пропадает в памяти сквозь полуопронациаемую завесу.

Будущее грезилось. Оно должно было приковывать ее внимание постепенно и изменять ее. Вся жизнь ее с удивительными превращениями записана была на зеленых нитях браслета, ей оставалось повиноваться стародавним велениям. Чьим?.. Во имя чего? Она могла выбирать друзей, говорить и работать с ними, мечтать, надеяться, любить. Но за этим стояла судьба многих. У нее могла быть только одна цель: вспомнить о них, когда придет время. И только для этого, в общем, она была здесь, на Земле.

Думала: вернется в последний раз к своим попрощаться. И предчувствие этого прощания тревожило ее. Словно в ней уже было два человека, и она слушала то одного, то другого. Это мучило и заставляло долго вспоминать, что же было на самом деле?

Неужели не было того последнего вечера, когда она пришла к этим людям?.. Пришла и увидела женщину, что была ее матерью. Та приняла ее, и обласкала, и обняла, и долго беседовали они. А потом появилась сестра. Из окна виднелась река: над темной чистой лентой спокойной воды — гибкие ветви ивы, черная ольха, за рекой взбегал косогор, и всюду — и в доме тоже — легкий запах дыма и луговых трав.

Она бы вернулась в те места... если это не выдумка. Для нее настали дни раздумий: два человека, жившие в ней, не давали покоя. Потом один из них должен исчезнуть. А пока... Пока спасение в мечте.

Эль понес ее к западу, повернул на север. Внизу расстился лесной океан, прочерченный светлыми нитками дорог.

Кажется, там... Она вела машину над самым лесом, чтобы узнать место. Просека, река, старая ольха. Здесь! Дома над берегом. Она пссадила эль поодаль. Пошла пешком. Набежала туча, вспыхнули молнии. Вокруг — простор, под берегом — широкая лента свинцово-желтой воды. Она испугалась: знакомого поселка не было...

Значит, выдумка?

Дождь хлестал по воде, по траве, по лужам. Она побрела к элю.

Значит, выдумка. Холодные капли падали на открытую шею, струи пробрались за воротник. Она забралась в эль, набросила накидку, уснула. А когда проснулась, долго не могла понять, где она и что с ней приключилось. Чужие дома, чужие люди. На нее с любопытством поглядывали. Она подняла эль в воздух, глянула на часы и ахнула: проспала без малого двое суток. Сон был спокойным, мысли стали ясными. Она выдумала все про себя — вот итог всех размышлений.

Кто она? И второе «я» начало таять, умаляться как свеча; от него оставалось меньше и меньше. Исчезал второй человек, живший в ней. И за его спиной яснее и отчетливее проглядывал другой. Аира.

Она сопротивлялась желанию поверить сразу: выдумка притягивала мысли как магнит. Эль щел на восток, потом свернул с прямой дороги, как будто тоже засомневался. Прыгнул в сторону, прошел над большой рекой от истока до самого устья и снова полетел на восток.

...Она возвратилась к Берегу Солнца.

* * *

И на другой же день вылетела к реке. Аира знала теперь, что найдет браслет. Когда-то он мешал, теперь был нужнее всего. У нее не было ни крошечных компьютеров, этих памятливых собеседников, ни похожих на броши и кулоны полупроводниковых стекляшек — аппаратов видеосвязи, браслет заменял ей это и многое другое. Его нельзя было потерять навсегда. В его зеленых нитях всегда найдется немного тепла и лучей, чтобы дать знать о себе. Стоит только захотеть его пайти.

Но первый день прошел попусту, видно, не там искала. В сиреневых сумерках пробиралась к элю через густые заросли папоротника. Услышала плеск, шелест, кто-то чихнул и фыркнул, как маленькая лошадь: барсук! Полосатый зверь, не таясь, пыхтел и барабахтался у берега. Аира вспугнула его. Он насторожился, поднял круглый свиной пятак и неторопливо удалился. Она вернулась домой, и чудились ей осторожные шаги под окном светлой майской ночью, и шум молодой листвы.

Утром Аира вернулась к сухому, со сломанной вершиной ильму. Отсюда она улетала накануне вечером. И снова — поиск. У подножия ильма зеленела поросьль черемухи. Ее взгляд машинально скользнул по сушине — дерево ильмаказалось настоящим гигантом. На высоте десяти метров от земли чериело дупло, и там, в темноте, пищали птенцы филина. В просвете между ветками черемух виднелись норы — жилище семьи барсуков. Слева шумела, гуляла река...

Аира повернула к берегу и пошла у самой воды.

Над головой пролетел пестрый, яркий широкорот — птица с красным клювом и сине-зеленым оперением. Аира удивленно следила за ним: широкорот перелетел реку, вернулся и сделал над ней круг. Пестрая франтоватая птица нечасто видела здесь человека. Впереди, в кедрачке, возбужденно ухали филины, которых Аира вспугнула у гнезда.

В полдень она вдруг вспомнила свое прежнее имя — Аира. Отчетливо всплыл в памяти тот день и час, когда стояла она на мосту с браслетом. Вспомнила, узнала мост, и это стало своего рода новым сигналом к поиску. Возникло видение: женщина с браслетом. Здесь, здесь... Аира взбежала на мост. Внизу несся холодный поток. Она разделась, помедлила. И, поджав ноги, легко прыгнула вниз.

Аира нырнула, достала дно пальцами, перевернула несколько камней. Выплыла на берег, растерянно высыпала на землю горсть мелких ракушек. Браслета не было. Она согрелась под солнцем. Вошла снова в воду, поплыла вниз по течению, ныряла, в глубоком омуте встретила зубастого тайменя, достала овальную перловицу, но жемчужины внутри не нашла. Она еще не улавливала излучения, которое шло от браслета, но знала, что он здесь. Вернулась почти к самому мосту, снова бросилась в воду и стала искать у другого берега. И почувствовала, что ладоням стало как будто тепло. Как в детской игре «тепло — холодно». И вдруг — горячо! Здесь! Она нырнула еще раз, разгребла песок и камни, укрывшие выбоину в гранитной подводной скале, и достала то, что искала. Браслет.

Лицо ее преображалось, явственно проступали новые черты. Она не спеша взошла на мост, оделась и смотрела, как бьется внизу голубая холодная вода, через которую едва просвечивают светлые камни... Больше не было Ирины Стекловой, даже внешне не осталось в ней ничего, что помогло узнать бы в ней знакомую. Может быть, только пристальный взгляд выхватил бы откуда-то из глубины ее почти неуловимое сходство с Ириной. Так едва-едва проступают камни на дне потока, что бежит до сих пор под тем самым мостом.

* * *

Я видел ее у озера: она гляделась в воду, словно привыкая к себе, и нельзя было угадать, о чем она думала. В зеркале воды тяжелая волна волос, внимательные глаза, тонкая рука с браслетом. Ты ли это, Аира?

Над озером кружила большая красивая птица скопа.

Тихо и ясно. Ушли облака за дальнюю сопку. Птица с лета бросилась вниз, взметнув столб брызг. И ей повезло: вынырнула с добычей, взмыла вверх. Потом как бы зависла в вышине, мокрые перья ее встали дыбом. Птица отряхнула с себя воду. На лету. Мы оба помахали ей руками. Только Аира не видела меня.

Я начинал понимать ход событий. Не случайно Ирина Стеклова интересовалась проектом. Красноречивее всего об этом рассказал мне дневник. Обеспокоенный ее долгим отсутствием, я, не сказав никому ни слова, пробрался — да, тайно пробрался! — к ней домой и прочел дневник. С первой страницы до последней. Мы были квity: когда-то на «Гондване» Аира выкрала запись, подаренную мне Янковым.

То, что носило название «Проект «Берег Солнца», было, по существу, первой попыткой управлять излучением звезд. Попыткой многообещающей. И не было лучшего способа ознакомиться с проектом, чем принять в нем непосредственное участие. Она так и поступила. Еще один шаг — и принцип можно распространить на любую другую звезду, в любом уголке вселенной... Чтобы отвести губительные лучи от далекой планеты, вернуть ей жизнь, историю, цивилизацию. Где-нибудь по соседству, на другой планете, нужно установить концентратор, собирающий лучи, и отражатель, уводящий их подальше, в мировое пространство. Звезда сразу поблескнет, световые нити протянутся в сторону от планеты, минуют ее.

Именно это она поняла и стала работать с нами. Но кто поверил бы Ирине Стекловой, если бы она вдруг заявила, что это единственный и самый быстрый способ помочь другой планете? Ведь истина всегда побеждает в борьбе мнений. Зато у Аиры было гораздо больше шансов сразу убедить в своей правоте. Так я понимал теперь происходящее.

Аира хорошо знала нас. В ее руках были все ключи к дальнейшим контактам. Что она предпримет завтра, послезавтра?

...А сегодня она не удержалась, чтобы не искупаться в озере.

С другого берега я смотрел, как она плыла, как легла на спину, доплыv до середины, и отдыхала на воде, и от рук ее

расходились мягкие волны. Найдется ли человек, который сможет передать это словами?.. Некогда, не так уж давно, легче было найти человека, который был бы на «ты» с природой. Лет эдак сто — сто пятьдесят назад. Ему только осталось бы угадать Аиру, предвосхитить ее визит к нам. Потом взять перо... Почему бы нет? Тогда много фантазировали.

...У меня закружилась голова. Было вокруг так светло и прозрачно. И что-то подсказывала память. Может быть, мне было все же легче, чем этой женщине, купавшейся в озере. Вспоминать ли?

«...Я подошел к березе, чистой такой и белой,
Нож вонзил беспощадно в ее молодое тело,
Жадно напился соком — кровью ее живою,
Упал и заснул... Береза шумела над головою.

*Мне снились мои потери, мне снились мои печали,
И ветви твои, береза, сочувственно трепетали.
С ножом в руке я проснулся — короток сон злодея...
Голубее могло быть небо, но быть не могло грустнее».*

ИЗ БРОНЗОВОЙ ЭПОХИ В КОСМИЧЕСКУЮ

Помню, как робел и даже смущался, когда сказали, что Ольмин примет меня. Неловкость моя объяснялась просто: я когда-то хотел стать тем, чем был он, но мне это не удалось, как я ни старался.

Правда, у него был институт, но на этот счет я не обманывался: именно Ольмину принадлежат главные результаты. Я довольно хорошо разобрался в сущности его работ. В них было как раз то, что может уместиться в одной незаурядной голове, но никогда не уместится — целиком или по частям — в нескольких. Когда проект зародился и были рассчитаны первые схемы реакторов, он предложил использовать потоки солнечных корпускул. Они дополняли конус, делали его как бы плотнее. И были тем подручным материалом, который вдруг посчастливилось найти. Оставалось придумать способы их фокусировки, чтобы они легли в тело конуса, образовали его стенки и вместе с частицами реакторов и ускорителей стали тем самым волноводом, по которому пошла бы энергия от Солнца к планете.

Из этого возникло целое направление.

Через год схему реактора забраковали: ни одна земная установка не вытянула бы такой нагрузки. Ольмин включил в рабочий цикл обратную связь: первые порции солнечной энергии достигали Земли и вливались в поток обменной камеры. Они вызывали усиление нового, второго по счету, импульса. И этот импульс был во много раз мощнее первого: он как бы впитал в себя и земное и солнечное тепло. Конус очерчивался резче. И потому ливень фотонов был от импульса к импульсу щедреей.

Перспектива открывалась безгранична: это напоминало самофокусировку. Но попробовал бы кто-нибудь до Ольмина намекнуть на самофокусировку солнечных лучей в пустоте. Думаю, даже фантазирование на эту тему посчитали бы смешным.

И вот я должен с ним встретиться... Моя жалкая гордость

проснулась: теперь-то все эти и многие другие идеи казались простыми. Мне представлялось одно время, что и я смог бы сделать то же самое... Но я был человеком из другого мира, и мне даже не полагалось как будто заниматься этим. Кто я? Журналист. Репортер, как некогда называли себя отдельные представители нашего ремесла.

...Его статья повинна в происшедшем. Это она обезоружила меня много лет назад, когда я начинал заниматься теорией отражения волн от корпускул. Но я не сказал ему об этом. Словно предчувствовал, что придет время, когда это признание поможет мне. Ольмин вовсе не производил впечатления беспстрастного рафинированного интеллектуала: с виду человек вполне обычный. Только ответы и реплики строже, и не однажды казалось мне, что он не только со мной, но и еще где-то в другом месте. На берегу. В институте. У реактора. У него иногда появлялось такое выражение на лице, точно он собирался сказать что-то важное. Глаза вдруг начинали светиться, я умолкал. И он молчал, думал о своем. Но эту невнимательность он ловко маскировал. Я тоже умею это делать. Вопрос легко запомнить, даже не поняв смысла, а через минуту вернуться к собеседнику оттуда, из своего далека, и ответить, рассказать. И все же он ни разу не сбился: говорил твердо, негромко, уверенно, как будто действительно был все время со мной здесь, в просторном кабинете с не преломляющими свет невидимыми стеклами.

Я успел угадать за его неторопливыми, даже медлительными, жестами странную энергию, почти одухотворенность. И что меня покорило, так это как раз то, что он пытался ее маскировать. Ему было приятно скрывать это от других.

Кое-что он упрощал. Намеренно, как мне показалось. Я шел навстречу его желаниям и поправлял.

Кто скажет, сколько исследовательских станций нужно построить на Венере в будущем году и сколько ракет послать для исследования околозвездного пространства?

Тут он замолчал и улыбнулся чему-то своему.

— А вы знаете?.. — начал я и вдруг выложил все, что успел разузнать об Аире.

Ольмин слушал меня с таким выражением лица, будто понятия не имел о происшедшем. Но это было не так. И если даже Ирина Стеклова исчезла совершенно неожиданно для него, он мог подумать об этом что угодно. Кто знает, чего ему это стоило.

Мне вдруг стало неловко. «Не хватает ему как будто других дел. Отрывать его от работы просто бесчеловечно, как ты этого не понимаешь, чудак, — подумал я о себе. — Сама Аира, наверное, не захотела бы, чтобы он знал правду. Его работа нужнее. И ей тоже».

Я замолчал, не пытаясь продолжать этот туманный разговор. И заметил, что он как будто обрадовался моему молчанию...

Ольмин познакомил меня со строительством, с главными объектами, и я постепенно стал смотреть на происходящее его глазами — внимательными, зоркими глазами физика, готового задуматься над кажущейся простотой явлений. Магистральные

теплоотводы на берегу уходили в тоннели и тянулись на многие километры под морским дном — это я хорошо знал, но без него никогда не удалось бы мне так отчетливо представить, что же происходило там, под многометровой толщей воды. И как удавалось наращивать длину этих гигантских удов, тела которых составлялись из сверхпроводников, а чешуя и скелет — из прочнейших сплавов. Конструкции опускались в тоннели и там соединялись между собой очень простым способом.

— Метод холодной сварки — один из самых новых, — рассказывал Ольмин. — Он изобретен приблизительно две тысячи лет назад. Здесь нет ни противоречия, ни парадокса. Древние кельты открыли показавшийся им очень легким способ соединения металлов: нужно лишь отшлифовать золотые пластинки и накрепко прижать одну к другой. Металл прочно соединялся. Через две тысячи лет стало известно, что это замечательное свойство обязано особенностям атомной структуры материалов.

Поверхность металла — своеобразный магнит. Ее атомы притягивают посторонние молекулы, оказавшиеся в их силовом поле. Молекулы азота, кислорода, воды, влекомые электрическим полем атомов, так утрамбовываются этим полем, что давление в тоненьком пограничном газовом слое доходит до тысяч атмосфер. Газовая броня — одно из главных препятствий для сварки.

Из эпохи поздней бронзы до нас дошли круглые золотые коробочки, хранящиеся ныне в Ирландском национальном музее в Дублине. Эксперты нашли на этих золотых реликвиях несомненные следы сварки. Быть может, справедливо было бы выдать патент на холодную сварку их гениальным создателям?

— Вряд ли, — сказал Ольмин и продолжил мысль.

Впервые сварка была применена, вероятно, при изготовлении глиняных сосудов. Влажная глина, воск, парафин, смолы, пластмассы — все это легко склеивается.

— Донный поглотитель тепла — это не керамическая безделушка, — сказал я.

— Вы внимательны к деталям, — заметил он, не догадываясь, по-видимому, о подлинной причине моего внимания, но в его замечании мне почудился подтекст. Снова Аира?

Меня не покидало ощущение, что я переступил грань дозволенного. Не надо бы мне вмешиваться в историю с Аирой здесь, у Ольмина. Какой прок от моего праздного рассказа о ней? Ведь знал же, знал, что он знаком с Ириной... с Аирой. Если Ольмин ни слова не сказал мне в ответ, значит, считал лишним... меня. «Пора быть умнее, Глеб, — подумал я. — И сдержаннее. Давно пора».

И я с преувеличенным старанием вникал в дело. (Сварка на холоде любит чистые слои металла, без окислов, без малейших следов жира, влаги и адсорбированных, «прилипших» молекул газов. Под большим давлением поверхностный слой металла разрушается и частично растекается. Обнажаются, выходят на поверхность чистые, так называемые ювенильные слои. В местах их контакта и получается соединение. Если, сдавливая две пластины, одновременно передвигать одну относительно

другой, то выступы, на которых происходит их действительное соприкосновение, разрушатся. Поверхностный слой исчезает быстрее, чем от одного лишь давления, — начинается сварка сдвигом, как ее сейчас называют. Она требует давлений во много раз меньших, чем обычная холодная сварка...)

И я видел, как механические руки гигантов киберов делали все это, составляя грандиозное сооружение из труб, лент и металлических шаров-накопителей. Один из киберов погиб. Я видел на экране, как подкосились его механические ноги от непомерной нагрузки и он рухнул вниз, на самое дно тоннеля, а сверху обрушилась целая секция, смяв блестящий кожух кибера и прозрачный ксиrolевый купол программного управления. Это было за три дня до катастрофы. Именно с этого дня перешли почти исключительно на сварку сдвигом. Нагрузки уменьшились, но возникла опасность вибраций, на которую сначала не обратили внимания.

В это время над Землей, на высоте тридцати тысяч километров, заканчивали монтаж колец дополнительных отражателей. Там парили в невесомости почти разумные электрические существа, и я успел к ним в гости. Незадолго до катастрофы.

КАТАСТРОФА

Вечером накануне катастрофы ионолет доставил меня с орбиты на одну из станций Приозерья.

Проснулся я рано и сразу же вылетел на Берег Солнца. В дороге узнал о случившемся.

— Обрушился свод третьего тоннеля, — лаконично известили меня.

Я знал, чего стоило проложить под морским дном этот третий тоннель. Там сплошные скалы, едва прикрытые осадочными породами. Подходы к тоннелю начинались у линии старых металлургических бассейнов, где после прилива скапливалась морская вода — потом она постепенно вытекала сквозь фильтры, собирающие уран, золото, платину, мышьяк. На месте одного из бассейнов и была создана площадка.

Отсюда стартовал тоннель два года назад. Его жерло было похоже на кратер вулкана, я помню старые фото. Он шел наклонно вниз, пробивая себе путь через шельфовый участок, а выходная его чаша могла бы поглотить без остатка небольшой остров, вздумай он опуститься на дно как сказочный град Китеж.

И вот стряслось... Настоящая беда... Что станется с проектом, если тоннель будет затоплен? Насколько задержится строительство? Я теперь болел не только за судьбу проекта. Но еще и за Ольмина. И еще за одного человека, ждавшего завершения работы с нетерпением... за Аиру.

Каждые пять минут я включал экран и старался хотя бы угадать контуры сооружения, спрятанного так глубоко, что проникающее излучение передатчиков едва достигало нижних горизонтов. По этой смутной картине только и можно было понять, что водопад расширял свое русло, целая река устремилась внутрь тоннеля и поток набирал силу на глазах. Я на-

блюдал первые попытки определить масштабы катастрофы. Две автоматические морские «черепахи», опоясанные многотонными свинцовыми кольцами балласта (чтобы не втянуло внутрь!), приблизились к прорану и выполнили рекогносцировку.

Я видел, как от берега отошел транспорт, груженный гигантскими бетонными блоками и заградительными фермами. Как я узнал позже, на берегу еще не представляли тогда всей опасности.

— Частично размыт свод третьего тоннеля, — монотонно повторяла невозмутимая девица информа в ответ на мои вопросы, — техника спешит к месту катастрофы. Дежурный оператор ранен. Других происшествий не отмечено.

Я связался с институтом, но Ольмина не застал. Мне даже не потрудились ответить, где он сейчас. Я едва пробился к Телегину. Он холодно взглянул в мою сторону, его темные глаза были непроницаемы.

— Прилетите на место, сами узнаете, — пробурчал он и выключил связь.

Эль обогнул сопку и ворвался в последний распадок перед возвышением: за перевалом был Берег Солнца. Но третий тоннель был дальше. А место, где разворачивались главные события, — это шельф, у самого материкового склона. Я решил приземлиться, сменить машину. На универсальном эле можно было подобраться к прорану. Мне подвернулась чья-то неплохая посудина. Я спикировал на нее как ястреб, оставил свой эль — и свечой вверх.

Вызвал дежурного. Чего стояло добиться от него нескольких слов! (Никто всерьез не принимал меня в этом деле. Более того, я был лишним.)

— Да, там люди... — хмуро ответил он. — Ситуация нестандартная. Руководит Николай Карин.

— Карин?! — воскликнул я.

Я хорошо знал молодого инженера из Болгарии. Он был еще и режиссером в придачу. «Карин там... у тоннеля».

— Что с ним? — крикнул я.

— Прекрасно себя чувствует, — ответил дежурный и, помедлив, добавил: — По-видимому, в отличие от вас.

Что со мной? Так сильно взволнован? День такой... просто такой день.

Дежурный доложил обо мне Телегину. Телегин — это машина, изобретенная Ольминным. Точнее, найденная где-то. Машина почти неумолимая, точная, как интегральное уравнение. В шутку говорили, что Ольмин никогда не бывает доволен собой, кроме тех разве редких случаев, когда поручает дело Телегину. Тот всегда действует «в духе Ольмина». И это у него лучше якобы выходит, чем у самого шефа.

Телегин вышел на связь. Спросил, что я собираюсь делать. Я ответил общими фразами, спросил о Карине, о том, что происходит...

На вопросы Телегин отвечал кратко. Несколько скупых, скороговоркой произнесенных фраз ничего не проясняли. Я ломал голову: что же он собирается делать? И как вообще обстоят дела на третьем участке? Настал час, когда я стал сомневаться

в Телегине: а вдруг он и сам не вполне отчетливо представляет положение?

...Вода была спокойной, прозрачной. В километре от берега еще ничто не наводило на мысль о катастрофе. Я вел машину над самым дном. Только голый песок, груды камней и следы подводных бульдозеров напоминали о том, что несколько месяцев назад здесь шли большие работы. Тоннель переходил в огромный подводный зал, где ленты охладителя отдавали тепло. Из этого зала, или камеры, как его называли, разогревшаяся вода шла по другому тоннелю в океан.

На ее пути были шлюзы, контрольные створки, измерители, сигнализаторы: все это для того, чтобы следить за температурой каждого кубометра, за колебаниями в сотые доли градуса. Артерия несла поток, равный большой реке.

Таков был проект. Тоннели пока пустовали. В зале устанавливалась аппаратура охладителя. Под морским дном неторопливо ползал «водяной крот». Другая машина — «морской змей» — тянула низкотемпературный трубопровод. Они уже заканчивали работу, когда вода прорвалась в зал теплообменников. Подземный толчок вызвал резонанс конструкции. Два монтажных кольца, каждое диаметром в добрую сотню метров, разошлись на какие-нибудь три-четыре миллиметра. В этот зазор давление вогнало упругое широкое лезвие воды. Удар пришелся по основанию конструкции, и одно из колец начало терять устойчивость.

Вот и все, что я узнал, пока эль нес меня вперед, туда, где отряд «морских черепах» кружил над сооружением. На моем экране было видно, как они касались дна, всплывали, неся в лапах какие-то продолговатые предметы, падали камнем вниз, опять всплывали и кружились, кружились. Вот уже четверть часа одно и то же: бесстрастное спокойное движение черепах, неуклюжие курбеты, внешне бессмысленная суэта.

Я не мог разобрать, что же там происходит. Увидел водолаза, он как будто бы дирижировал этими безликими созданиями. Потом водолаз скрылся, и на подводный холм выполз бульдозер, покрутился и пропал из кадра. Серый полусумрак. Шальной луч прожектора. Тени танцующих черепах. Тишина. Тревога.

Дно постепенно опускалось. Подо мной был шельф. Эль шел так низко над грунтом, что за ним поднималось облачко муты. Испуганно шарагались рыбы. Один раз я попал в самый центр скопления кальмаров. Они нехотя уступили мне дорогу.

Меня засекли с берега. На экране я увидел усталое, злое лицо Телегина. Я не сразу узнал его.

— Возвращайтесь! — приказал он. — Вы вошли в опасную зону.

— Я знаю, — сказал я мягко и выключил экран.

Я не хотел, чтобы затянувшееся объяснение отрывало его от дела. А возвратиться я не мог. Через несколько минут я вывел эль к «черепашьему» стаду.

Вблизи все выглядело не так, как на экране. Вокруг моего эля море кипело. Со дна вырывались пузыри, это напоминало извержение. «Черепахи» подпрыгивали над кипевшим дном. Одна из них задела эль, и я услышал глухой скрип ее лапы, сминавшей обшивку. Я поспешил отойти в сторону. За приборной доской

показалась прозрачная дрожащая струйка воды, она прилипала к стенке и бежала под ноги.

В этот момент я увидел почти фантастическую картину. По дну двигалась машина бульдозера. Перед ним вырастала гора песка. Вот бульдозер влез на холм, и струи воздуха стали разбрасывать его добычу. Камни уносились как песчинки и падали на дно в ста метрах от бушевавшего подводного кратера. Но автомат упрямо вел пятисоттонную машину прямо туда... Вырвалось огромное серебристое облако, среди воздушных масс мелькнули доски, металлические листы, обрывки кабелей.

Через минуту я увидел, как бульдозер покачнулся, его плоский нос приподнялся, замер и вдруг пошел, пошел... выше, выше... Машина опрокинулась. Гусеницы продолжали яростно двигаться, точно неведомое чудовище отбивалось от врагов. Тревожно замигали его красные глаза. Подплыли две «черепахи» и попытались приподнять бульдозер. Тщетно. Им не удалось даже пошевельнуть его массивное тело.

Несколько минут «черепахи» кружились вокруг — медленно и бестолково. Потом удалились.

Как зачарованный смотрел я на это столпотворение. Изредка то здесь, то там мелькали лучи прожекторов, их свет вырывал из тьмы механические лапы «черепах», тускло отсвечивающие панцири, их ношу — прямоугольные бетонные блоки, за которыми они поодаль от меня опускались на дно. Там стоял гул. Это с транспорта бетон сбрасывали прямо в воду.

Один раз я с удивлением заметил рядом полосатую рыбину. Она попала в луч прожектора и заметалась. На ее боку я рассмотрел бело-розовую царапину. Рыба попала под фонтан пузырей. Ее подхватило, перевернуло и бросило вверх.

В ста метрах от моего эля появился водолаз. Он был в легком серебристом костюме, снимающем давление. В рукава его встроены искусственные мышцы, но, несмотря на это, человек выглядел стройным, даже изящным среди неуклюжих созданий, подвластных его воле. Я медленно приближался к нему. Это был Карин. Он как-то странно замахал руками. Я не понял. Эль плыл к нему. И тут подо мной стало подниматься дно. На моих глазах рос холм.

У подножия его стоял Карин и махал руками, словно пытался оттолкнуть меня вместе с элем.

Эль качнуло. С вершины холма сорвались грохочущие струи воздуха. Меня выкинуло из сиденья, и я покатился к дверце.

За стеклом — серая мгла, перемежаемая вспышками прожекторов. Гигантские пузыри хлопали и бурлили, как в кипятке. Обшивка дрожала. Я держался за ручку и ждал того главного удара, который должен был неминуемо последовать, окажись эль над самой вершиной холма. И он последовал. Эль подскочил вверх сразу метров на двадцать. Я покатился по боковой стенке кабины, потому что эль перевернуло и смяло. Между краями дверцы и обшивкой образовалась широкая щель, в которую хлынул поток.

Я успел удивиться, что машина сравнительно медленно наполнялась водой и что я сам еще цел. Надежды на автоматику больше не было, и я быстро соображал, что делать: ложиться на грунт под защиту неуклюжих, но надежных «черепах», которые

как-нибудь, наверное, вызволили бы меня, или попытаться всплыть. Я бы выбрался из машины сам, без посторонней помощи, если бы удалось достичь глубины в пятнадцать метров. Мне даже не понадобился бы костюм.

Я подтянулся к панели управления, дал полный ход. Эль всплыл. Двигатель еще работал.

С каждой секундой глубина уменьшалась... Но и кабина все быстрее наполнялась водой. Машину швыряло и крутило, как в водовороте. Теперь я, пожалуй, не смог бы даже разыскать спасательный костюм, не то что надеть его.

Я знал: должен наступить такой момент, когда, преодолевая давление воды, я открою дверцу и, уцепившись за ввод наружной антенны, поплычу к солнцу.

«Быстрее, — торопил я машину, — вверх, вверх!» Вот сейчас досчитаю до тридцати и дерну ручку, подумал я, раньше нельзя — раздевит. Один, два... восемь... шестнадцать... Я сделал последний вдох. Воздух вышел из эля, и только под золотистым пластиковым сводом остался небольшой пузырь, но я не мог бы до него дотянуться.

Я замедлил дыхание, закрыл глаза и продолжал считать. Двадцать два, двадцать три... двадцать восемь... Пора! Я рванул ручку. И понял, что дверь заклинило.

Я не спешил сделать последний рывок, когда напрягаются все мускулы, когда в один порыв человек вкладывает все, на что способен. Все силы. И все умение. Я лишь постепенно готовился к нему, искал точку опоры для ног. Мое правое плечо и рука должны были послужить тараном.

Все зависело от того, насколько я сумею согласовать движение тела, ног и плеча. Точно три пружины, сложенные вместе, они должны резко выпрямиться. Три толчка должны сложиться вместе, тогда получится нечто вроде выстрела, который вышибет дверь.

Я готовился к последнему усилию. У меня не должно было остаться ни малейшего сомнения в успехе. Уверенность удваивает силы. И я убедил себя. На это ушла минута.

Так... Я резко выпрямился. Это был страшный удар. Вмиг онемело плечо. Дверца отзвалась глухим звуком. Она подалась, согнулась. Я мог просунуть наружу руку! Но не мог выйти сам.

Пауза. И еще удар. Почти такой же сильный. Я задыхался. Голова кружилась. Кажется, я глотнул воды. Но дверь распахнулась. Я медленно, осторожно выплыл. Чего там: я действовал сейчас по законам механики и физики, как «черепахи». В моем распоряжении было несколько секунд и ни одного лишнего движения. Эль поднимал меня.

И тут я вдруг понял, что в следующую секунду потеряю сознание. Просто не вынесу, так хотелось дышать. Хотя бы просто выдохнуть воздух! И я стал выпускать воздух. Эль буксировал меня медленно, что-то не ладилось в его механизме, изувеченном подводной катастрофой.

Ну же! У меня стало темнеть в глазах. И в этот момент мы вынырнули на поверхность. Вдохнув воздуха, я почувствовал боль в груди. Но стало легче... совсем легко. Вокруг — море, светлый океан, приволье. Только в стороне, в полукилометре от меня,

вздымалась живая гора. Там бурлила вода, и трехцветная радуга блеклой полосой подрагивала над ее склонами.

Как далеко нас отнесло, подумал я, возможно, это течение... Нет, наверное, машина шла наклонно вверх. Значит, я пробыл под водой немного дольше, чем мне полагалось.

* * *

Я заметил океанский лайнер, который шел к берегу. Думаю, это было то самое судно, что сбрасывало над прорваном блоки. Его очертания быстро таяли. Там, у горизонта, было желтое небо, а над головой синели плотные облака, и воздух казался прозрачным, колючим, каким-то электрическим. Эль мой ушел на дно, как только двигатель остановился. Машина легла на бок, словно устав, и тихо погрузилась. Я нагнулся голову, открыл в воде глаза и смотрел, как она описывала спирали, становясь все меньше.

Я поплыл в ту сторону, где должен был быть берег. Расстояние не пугало. После случившегося я был готов к чему угодно, мне не хотелось только, чтобы меня искали.

Вдруг я увидел неясную продолговатую тень в воде. Она скользила впереди меня, на глубине примерно двадцати метров; пропала и появилась вновь. Это была акула. Она описывала широкий круг.

Кто знает, что привлекло ее сюда. Может быть, пузыри, клокотавшие над топнелем, или мое беспомощное барахтанье. В ней было, пожалуй, метра три — молодая изящная рыбина.

Было что-то унизительное в том, что я сейчас боялся ее. Схватка была бы слишком неравной. У меня не осталось никаких иллюзий, когда эта живая торпеда стала круто сворачивать ко мне после каждого захода.

Я представил себе, как после шестого или седьмого круга она проскользнет подо мной, показав белое брюхо, и что из этого выйдет. В кармане моего пиджака чудом уцелел карманный компьютер с памятью, что-то вроде записной книжки. На панели его после каждого обращения к блоку памяти высказывают такие симпатичные желтые цифры и надписи, вроде: «Вы перепутали адрес и время события, проверьте еще раз!» Не соблазнится ли акула этим удивительно умным прибором и не примет ли его за желанный деликатес? И я всерьез, никак не в шутку, полез в карман, достал компьютер и только тогда опомнился, понял: да, это пришел страх!

Я поворачивался после каждого ее маневра так, чтобы оказаться к ней лицом. А она все ближе подбиралась ко мне после поворотов. Оставалась одна надежда на спасение: не показывать ей, что я боюсь. Так, кажется, записано в старых морских книгах о правилах вынужденного этикета во время непредвиденных встреч такого рода.

Включив компьютер, чтобы он светился и мигал, я вытянул руку. Акула шла прямо на меня. Нас разделяли десять метров, не больше. И я понял, что все сомнения, если только их можно было ей приписать, отброшены, она точно рассчитала траекторию.

В этот момент я увидел в светло-серой глубине пронизанной желтоватым светом, что-то белое, бесформенное. Пончувствовал движение воды, ее упругое давление. В трех метрах от меня

акула отвернула, испугалась. И тут же из воды выпрыгнула льдина, настоящий айсберг. С нее стекали шумные струи воды. Края айсберга опускались круто вниз, уходили в глубину.

Я торопливо поплыл к льдине и полез на нее, выбивая углубления моим компьютером.

Наверху было прохладно и сухо. Никогда раньше я не увлекался альпинизмом, но теперь хорошо понимал чувства настоящих спортсменов: нелегко им в пути, но как здорово растянуться на вершине и после всех треволнений лениво созерцать окрестности, затянутые легким туманом.

...Надо мной в сторону берега пролетела стая крылатых кибиров.

ВТОРАЯ ПОПЫТКА РАССКАЗАТЬ О СЕБЕ

На айсберг опустился эль, подобрал меня и, замерзшего, невеселого, высадил в парке перед старинным дворцом. Ночью комната, куда меня определили, наполнилась теплом, синими потрескивающими искрами, и я понял: меня будут лечить во сне.

Утром мне стало лучше, но руки и ноги были как деревянные, для полного здоровья чего-то не хватало. Оправдались опасения: меня решили задержать здесь, в этом вместилище гармонии и древней, полузабытой красоты. За мной наблюдали, словно я впал в детство. Несколько дней благородного безделья были обеспечены. На третий день мне стало тоскливо. Я пожаловался. Но наблюдение за мной только усилилось. Я попался, как школьник при попытке к бегству.

На следующий день со мной связался Телегин. Я не пытался оправдываться, понимал, что доставил людям много хлопот и кругом виноват. «Айсберг, — вспомнил я, — ...айсберг. Что это было?»

— Мы заморозили тоннель и соседний участок дна, — сказал Телегин, — чтобы подремонтировать тоннель. Маленькая льдинка всплыла.

...В парке был заброшенный, засыпанный отжившими листвами и древесной ветошью угол, куда я забирался, чтобы поскучать и подремать в тени больничных тополей. Однажды подошел человек в пижаме, и мы долго беседовали. Никогда не доводилось мне — ни до, ни после — слышать более резкие отзывы о проекте «Берег Солнца».

— Поймите, это утопия чистейшей воды, — повторял он так убедительно, что я напрягал все внимание и пытался уловить суть его аргументов.

— Но есть расчеты, — возражал я.

— Это несостоятельные расчеты. Ничего хорошего ждать не приходится. Вспомните, сколько бывало неудач на пути развития науки. Тупики неизбежны. Мы на них учимся.

У него был высокий лоб, редкие седые волосы и темные, «опаленные страстью и мыслю глаза». Он долго говорил о человеке и человечестве, и я никак не мог поймать нить его рассуждений: он возвеличивал античную культуру, высыпал, как из рога изобилия, ворох старых афоризмов и речений древних философов. Жесты его были так энергичны, а интонации так убедительны, что

я не мог возразить ему. Это было воинствующее неприятие второй природы, созданной руками человека. Он старательно отделял человека, мысленно как бы очищал его от «технических приселей».

— Вспомните, — говорил он, — крылатое изречение столетней давности: если война — продолжение дипломатии, то автомобилизм — продолжение войны, только другими средствами. Вспомните и скажите: разве все дороги и магистрали любого типа не опасны действующих вулканов? Разве можно когда-нибудь точно установить причину аварии или катастрофы? И разве любые технические новшества не приносят столько же огорчений, сколько преимуществ? Вспомните, что еще в древнем Вавилоне загрязнение реки каралось смертной казнью. И, несмотря на все строгости, во многих классических очагах цивилизации, где лопаты археологов отрывают развалины дворцов, великолепные скульптуры, чудесные сосуды, простираются ныне сожженные солнцем пустыни.

— Но что же вы предлагаете? — спросил я.

— Человеку нужно взглянуться внутрь себя. Вспомните старую истину: познай себя!

— Но можно ли познать себя, не проникая все глубже в окружающее пространство, не знакомясь с устройством мира и удивительными механизмами природы? Одним словом, не изменяя ничего вокруг?

— Можно и нужно. Фигурально выражаясь, мы уже столкнули костяшки домино. Нам все труднее предвидеть последствия изменений. Может быть, завтра нас с вами не станет...

— Я не боюсь этого.

— Вы обманываете меня и себя! — запальчиво воскликнул он.

— Ничуть. Я познал себя.

Он растерянно остановился и пристально взглянул на меня, но, не найдя в выражении моего лица ни одной иронической черточки, как будто успокоился. С этой минуты его одолела непонятная апатия. Он иссяк, так и не найдя во мне сторонника.

На следующий день он явно избегал меня. А я подумал, что он говорил, в общем-то, довольно безобидные вещи: все равно это несуществимо. А если вдруг... что будет если все начнут так думать и действовать. Не вернется ли человечество к истокам цивилизации? Костяшки домино действительно падают. Но в этом движении — и только в нем — залог будущего. Нужно попристальнее всматриваться в будущее. «А ведь он сам себе противоречил, — подумал я. — Разве не погребены памятники Месопотамии под песками, несмотря на то, что загрязнение реки каралось тогда смертной казнью?»

Я думал об этом и многом другом, подремывая в своей комнате, вспоминал...

* * *

...Совсем давно, еще до школы, я любил бродить по вязыбленным сугробам. Жили мы тогда еще не в городе, а далеко от него, на метеостанции. Я часто вспоминаю поселок моего детства...

У поваленного кедра за поселком после холодных ясных ночей я находил лосиные следы. Думаю, сохатый подолгу стоял и

смотрел на огни человечьего жилья, не решаясь подойти и спрятаться от стужи близ домов.

Белые куропатки склевывали почки с розовых кустов, торчавших среди растрескавшихся каменных глыб. Темные бусины их глаз двигались на фоне снега, как будто ими играл ветер. За ними, прижав хвост, припадая и останавливаясь, хоронясь за заносами и белыми буграми, ползла лисица. Однажды я увидел ее совсем близко: мы подобрались к стае с разных сторон (я всерьез собирался поймать куропатку руками). За большим серым камнем пути наши сошлись. Я увидел блестевшие колючки глаз, острую звериную морду и замер. Несколько мгновений мы смотрели друг на друга. Потом лиса неторопливо пробежала мимо меня и остановилась поодаль, оглянулась.

Как-то я провалился: шел, шел, да и упал в яму, прикрытую снегом. Попытался дотянуться до глинистых промороженных краев неизвестно откуда взявшейся ловушки и попял: выбраться самому не удастся. Я стоял на дне по колено в снегу, который упал вместе со мной, и думал, что теперь делать. Не помню, чтобы я звал на помощь. Прошло примерно полчаса. Я увидел руку, протянутую мне, ухватился за женскую варежку и выбралася наружу. У моей спасительницы было серебряное лицо. Я успел запомнить ее длинное пальто с маленьким светлым меховым воротником и зеленую вязаную шапочку. Одета она была, пожалуй, не по-зимнему. Кажется, я забыл поблагодарить ее (в шесть лет я иногда забывал это делать). Ноги у меня озябли, и я направился прямо к дому.

Темнело. Когда через минуту-другую я оглянулся, женщины уже не было. Она как-то незаметно исчезла. А когда я рассказал эту историю отцу, он задумался на минуту и сказал, что женщины такой в поселке нет вообще.

— Как же, я видел! — удивленно воскликнул я, пытаясь убедить его.

— Могло показаться, — сказал он с тем удивительным хладнокровием, которое я не раз подмечал у взрослых.

Странная история. Продолжения у нее не было. Но я пытался придумать его... Я не забыл ту женщину.

* * *

...Прошло много лет с того памятного дня. Октябрьским днем я вывел эль на загородное шоссе, сверкавшее после сильного холодного дождя. Со мной был друг. Мы сделали крюк, чтобы взглянуть на новый мост, державшийся на четырех металлических нитях. Над чистой темной рекой стелился белесый туман. Потом мы вернулись па шоссе. Машина было мало. С коричневых полей доносились влажные запахи земли. За полями виднелись лесистые холмы. Эль взлетел на подъем. Открылась легкая прозрачная панорама озера: голубоватый лес над дымчато-серебристой водой.

Дорога пошла вдоль мохнатого берега, и минуты две мимо нас скользил и струился влажный прохладный воздух, настоящий на хвое и озерных травах. Я уловил летучий аромат дыма, смолы и меда.

— Жаль, быстро промчались, — сказал мой друг, очарованный мягкими красками осени.

Я повернулся к нему и что-то сказал. В тот же момент заметил краем глаза большой шар впереди нас. Шар сиял как большая жемчужина. Это было матовое ровное свечение с легким, едва заметным розовым оттенком. Мы быстро приближались к нему.

Впереди стеной стоял лиственный лес, украшенный багрянцем и золотом. Я различал там жаркие краски кленов и черемух, ярко-желтый цвет осиновой листвы, огненно-красные пятна кустов, исполнинские кроны дубов.

Эль бежал вдоль пламеневшей стены леса. Рядом с высоким дубом, под седой его короной светился шар. И возле него стояла женщина. Я узнал ее. Та же вязаная зеленая шапочка и пальто с меховым воротником. Она как будто улыбалась.

— Смотри! — воскликнул я невольно в тот самый миг, когда узнал женщину.

Но эль проскочил мимо.

— Что случилось? — спросил друг.

Я махнул рукой. Слишком долго пришлось бы рассказывать. К тому же шар он просто не заметил. Когда мы вернулись, там никого не было... Только лес пламенел по-прежнему и багряная его стена казалась бесконечной.

...Может быть, в этом и нет никакой тайны, просто я ошибся, вот и все. Что касается светящегося шара, то он вызывает в моей памяти случаи, рассказанные другими. Пожалуй, это загадка, если говорить искренне, и загадке этой много лет.

Шар чем-то напоминает горящую лампу, но отгорожен как будто невидимым колпаком. Для меня эта встреча стала символом связи времен. Не исключено, что это одно из проявлений пространства — времени, которое с таким трудом поддается изучению.

Загадку можно не замечать и не обращать на нее ровно никакого внимания. Но я помнил об этом.

СОН. НЕЗНАКОМКА ИЗ ДЕТСТВА

В мой сон вошли едва уловимые запахи и шорохи. В парке шумели деревья. Наверное, я не закрыл окна, и к утру в комнате стало прохладно.

Но еще раньше я просыпался. Я говорил. С кем же?..

...Женщина с коротко подстриженными волосами, тонкой ниткой коралловых бус на стройной шее. Бусины были красными, как густая кровь или как темная ржавчина, причудливой формы, но гладкие, с отсветами мерцающих точек. Я долго не узнавал ее. Пока мы не заговорили. Она сидела на стуле у самого окна.

— На улице прохладно, — сказала она, — может быть, прикрыть окно?

— Нет, не надо, впрочем, если вам холодно...

— Мне? — удивленно спросила она. — Холодно? Ну нет...

Ее реплика озадачила меня. Я сидел за столом, гораздо дальше от окна и то ощущал легкий озноб: Впрочем, он скоро прошел. Меня не удивило, что на улице ночь и что визит ее, следовательно, можно назвать поздним. Я пытался об этом думать, но

никак не мог сообразить, была ли какая-то причина ее прихода или нет. Мой сон как будто начинался с середины.

— Вам нравятся мои бусы? — спросила она с наивной интонацией.

— Очень красивые бусы, — отозвался я, и у меня вдруг возникло такое чувство, что одновременно я ответил и на другой ее вопрос. И как будто этот другой вопрос, не относящийся к бусам, был важнее для нее. Но потаенный смысл разговора все еще не доходил до моего сознания.

Она улыбнулась. Спросила:

— Вы помните меня? Или забыли?

И я вспомнил. Но не сказал вслух. Промолчал. Просто кивнул.

— Хорошо, что вспомнили, — сказала она и опять улыбнулась.

Улыбка у нее была едва заметная. Только глаза улыбались, но не губы. Меня вдруг осенило. Я понял, почему она спросила о бусах. Хотела сказать, что я не смогу ее больше увидеть. Вот что она хотела сказать! Она кивнула, словно подтверждая мою догадку.

— Я давно не видел вас, — сказал я и тут же заметил, что лицо ее стало серьезным, даже озабоченным. Как тогда... почти сорок лет назад, зимой, когда она наклонилась над заснеженной ямой, чтобы подать мне руку. Но с тех пор она не изменилась, вот в чем штука, и я почему-то не был нисколько этим удивлен.

— Что же случилось? — спрашивал я. — Куда вы исчезли?

Она наконец рассмеялась. До того необыкновенен был мой вопрос.

— Я понимаю, — поправился я. — Очень даже хорошо понимаю, как сложно...

Смех застыл в ее глазах. И я будто бы спросил ее, почему эта встреча только сон.

— Но во сне время бежит иначе! — воскликнула она. — За одну минуту можно поговорить о многом.

И я опять понял скрытый смысл ее ответа: «Пусть это останется сном!» И понял, что смог раньше увидеть ее только потому, что случилось нечто непредвиденное, из ряда вон выходящее. Что же? Я вспомнил далекую зиму в северном поселке... Что случилось тогда?

— Нет, не могу понять... — сказал я откровенно, и она, конечно же, догадалась, о чем я... и сказала:

— Это было так давно.

«Вот оно что», — подумал я, и опять возник другой, настоящий ответ: незадолго до того, в один прекрасный день и час космический зонд поднял со дна впадины подводный цветок. Там, на планете в созвездии Близнецов. Наш земной зонд. Посланный предками, он успел приблизиться к горячей планете, облететь ее, сесть, успел поднять со дна добычу. Вот в чем дело! Совпадениеказалось случайным и закономерным. Мысль работала быстро, я пробовал разобраться в вихре событий. Но как передать словами эту удивившую меня взаимосвязь явлений и фактов, разделенных годами и парсеками?

Мне придется начать издалека.

Кто похож на нас во вселенной? Где миры, на которых есть жизнь? Поколения исследователей и мечтателей задавали себе эти вопросы и пытались на них ответить. Придумали даже гипо-

тетический язык для межпланетных и межзвездных контактов—линкос. Будто бы и в самом деле полезно обмениваться фразами, основанными на математических аксиомах и константах. Наконец стало ясно: контакт возможен при близких уровнях развития цивилизаций. В иной ситуации диалог носил бы даже забавный характер, а его последствия трудно было бы предвидеть. Кто рискнет на своей страхе и риск вмешаться в естественный ход событий? Сделав это однажды, нельзя потом освободиться от необходимости делать это постоянно. Начав, нельзя остановиться. Можно говорить лишь о локализации такого влияния, но и это стоит огромного напряжения: ведь на арену действующих сил выступает пространство — время. И еще один фактор, который мы склонны недооценивать. Это энергия-точность... именно так. Чтобы электронная машина вычислила тридцать знаков после запятой, нужна энергия: расчет длителен, утомителен. Многие часы и дни работы — снова затрата энергии. Только тогда результат точен. А если говорить о больших величинах, об очень высокой точности? Если, к примеру, нужно получить пятьдесят, сто знаков? Может показаться, что это абстрактная задача, никому не нужная. Безусловно, если речь идет о масштабах планеты или даже солнечной системы.

Но, положим, требуется рассчитать положение космического зонда, отправленного за тридевять земель, к другой планетной «карусели» — для того, чтобы управлять им? Чтобы движения его механических рук были точны, чтобы электронные зрачки его работали бы наподобие птичьего глаза? Речь идет о метрах, сантиметрах, прибор должен ощущать их сквозь пустоту космических бездн. Рассмотреть один-единственный атом под увеличительным стеклом. Попасть пулей в невидимую мишень. Различить на дне океана песчинку. Вот на что это похоже. Только еще труднее.

Сто цифр... В недавнем прошлом это стоило бы энергии всей планеты. Сто двадцать цифр — энергия всей солнечной системы. Вот что означает точность и достоверность. Управлять на близком расстоянии, на самой планете? Тогда нужно передать туда энергию. И тоже издалека. И тоже точно. Но ведь управлять нужно не только зондами. И не только киберами...

Вот почему отношения между цивилизациями разного уровня — задача, чаще всего непосильная ни для одной из них.

Но контакт с равными себе совсем другое дело. Он ускоряет развитие почти всегда. Он почти невероятен, это правда. Случайную возможность легко упустить. У таких цивилизаций нет карты галактики с пометками против обитаемых миров...

И вдруг опускается зонд. Посланец с далекой звезды (ее почти не видно на здешнем небосводе, не говоря уже о планетах, ее спутниках, — уж их-то не рассмотреть даже в самый сильный телескоп).

Контакт может состояться. Стоит только механической руке зачерпнуть грунт в нужном месте. Маленькое отклонение, промах — и возможность общения утеряна на тысячелетия, если не навсегда. Нить межпланетной связи окажется разорванной: в бескрайней вселенной найдется немало других объектов для исследования. Что по сравнению с утраченной навсегда возможностью пауза в столетие? Пусть даже через двести лет

проснется заколдованный стихиями мир подводных цветов — и тогда это будет праздник для всех. Но он никогда не проснется, если наш земной зонд не поднимет грунт с цветком, если механическая рука промахнется, если внимание электронного глаза привлечет глыба гранита, песчаника или просто горка глины. Только равные, только представители близкой цивилизации могут снять вековечные чары: другим, даже более могущественным, туда дорога заказана.

Правда, они могут кое-что: нетрудно чуть-чуть поправить движение механической руки, не так ли? Ведь это все равно могло произойти само собой. Случайно. Вмешательство? Отнюдь...

— Ну вот, — сказала женщина с коралловыми бусами, — так, быть может, это и произошло тогда.

И она снова улыбнулась, на этот раз чуть лукаво. А я стал думать о продолжении истории. Стало ясно, как развивались события.

Как раз тогда она была нашей гостьей, если только так позволительно выразиться, — незаметной, неприметной, — но так и должно было быть. С ней был кто-то еще, все вместе они наблюдали и за нашим зондом, посланным к Близнецам (мы о нем давно и думать перестали). Это же поворотный пункт! С него могли начаться наши отношения с соседями по Галактике. И вот они решились: небольшая коррекция — и манипулятор нашел камень, испещренный письменами, и цветок на дне бассейна... свершилось. То же самое могло произойти и само по себе. И все же это был удивительный по нашим понятиям и масштабам эксперимент. Они измеряли параметры зонда отсюда, с Земли, и тут же вводили новые данные, на расстоянии в десятки световых лет... Трудно даже вообразить такое. Вот почему она лукаво улыбнулась, когда сказала:

— Это нетрудно: чуть-чуть поправить движение механической руки, не так ли?

Одно это рассказало мне больше об их уровне и возможностях, чем я смог бы усвоить из многотомного трактата. Я представлял, что это значило, у меня захватило дух, и я попытался вдруг совсем не к месту выразить восторг. Она сухо остановила меня. Тогда в нетерпении я воскликнул:

— Это удивительно, вы раскрыли мне глаза на саму проблему! Но я могу упрекнуть вас в противоречии: наша с вами встреча была контактом! А ведь его не должно быть! Уровни несопоставимы.

— Не должно... — задумчиво сказала она. — Вы говорите о той, первой встрече? Когда я увидела, как мальчик провалился в яму?.. Что ж, вы правы.

— Но ведь вы помогли мне тогда! Как же, позвольте, соглашусь это с проблемой контактов столь разных сообществ? Как вы могли это сделать, не нарушая ваших же принципов? Уж это-то вам объяснить не удастся!

— А как бы поступили вы?

— Я? Почему я?

— А вот почему. Представьте, что вы потратили много, очень много сил на то, чтобы выручить — я не нахожу более подходящего слова — другого, другую... там, за тридевять земель, где-то в космосе, Аири, например. Выручить, спасти — и это стоило

таких трудов, что вы и ваши друзья смертельно устали и кто-то произнес слово «подвиг». Но рядом — заметьте: рядом! — погибает человек. Даже не в двух шагах, нет, а совсем близко. Так близко, что вы ощущаете почти физически тепло его протянутой руки. Что вы сделаете? Вспомните о теоретических предпосылках? Об информативности контактов? Ну?

— Я думаю, что... нет. Да, я понимаю...

— Ну вот и все. Я упрощаю вопрос, на самом деле все было несколько сложнее. Но в общем так. Понятно?

— Но потом, позже, через много лет, я снова увидел вас! Это было на опушке леса. На вас было зеленое пальто. Я помню встречу: красные и желтые листья, теплая осень, наш эль... Это было?

— Возможно. Но мы говорили только о контактах. Вы знаете, сколько надо энергии, чтобы сделать эль невидимым? Не ваш, а НАШ эль?.. Он не должен мешать: сквозь него должны быть видны деревья, кусты, багровый лес на заднем плане и все остальное. А для этого нужно излучать фотоны так, чтобы получалось новое изображение, чтобы весь эль превратился в объемный экран. Вписался в местность, в пейзаж. Превратился в огромное декоративное панно. И когда мимо нас проносится терраплан, или гелиостат, или любой другой экипаж, мы должны управлять свечением этого гигантского панно, так чтобы с разных точек оно было принято за нечто другое — за группу деревьев, например. А если нас наблюдают с двух разных точек? Тяжелая задача...

— Однажды я увидел ваши корабли ночью в тайге.

— Может быть.

— Они летели в направлении Берега Солнца. Там осуществляется... проект, вы знаете...

— Знаю. Странный проект. Он напоминает вашу легенду о Прометее. Вы хотите овладеть звездным огнем. Но что вы знаете о самих звездах? Об их недрах? Почти ничего.

— Мы знаем, что звезды — источник энергии. Мы действительно ближе к той цивилизации, что постигла тайны генов, к биоцивилизации. Мы лишь чуть уклонились в сторону: теперь мы поклоняемся звездам, Солнцу — естественному реактору. Мы хотим сохранить пространства планеты свободными от термоядерных станций — пусть цветут сады. Мы сделаем океан легкими и сердцем планеты.

— Ну что ж, может быть, это ваш путь... Но кто знает, что ждет нас и вас в будущем? Звезды... если бы вы могли представить, сколько тайн еще скрыто от вас и даже от нас. Наш поиск приносит поразительные находки. Но теперь мне пора. Я вернулась к вам, чтобы исправить ошибку... ту, давнюю ошибку, в которой я не могу все же никого винить. Я не могу отнять у вас воспоминаний, но пусть происшедшее будет казаться вам сном. Поверьте, у нас нет иного выхода. Прощайте!

Я попытался удержать ее. Но она спокойно поднялась со стула и ушла. Я остался один и несколько минут раздумывал о происшествии, и голова у меня почему-то кружилась. С необыкновенной ясностью возникали вдруг обрывки фраз, я словно еще продолжал спорить и убеждать ее. Все было напрасно: какая-то

невидимая работа происходила в моем мозгу. Я уже спал...
Утром я вспомнил сон.

Приблизился к окну, притронулся к спинке стула, на котором она сидела... Справа на подоконнике заметил красную горошину. Я осторожно сжал ее пальцами. Это была коралловая бусина. Все, что она оставила мне на память.

ИЛЛЮЗИЯ. СТРИЖИ НАД ХОЛМОМ

...Потом стала подкрадываться неподдельная зеленая тоска, я связался с Андреем Никитиным и попросил выручить. Он опустился на эле прямо посреди больничного парка, к ужасу моих попечителей и попечительниц, и выкрав меня среди бела дня.

— Куда тебе? — спросил он. — В город? На берег?

— На берег.

Через четверть часа я был в этом благословенном месте. Там сдержанно гудели машины и под поверхностью моря шла непрерывная работа: подводные исполнители прокладывали шахты и тоннели, как муравьи, таскали неимоверные тяжести и застраивали дно наподобие фантастического инопланетного города. День клонился к вечеру, когда я решил вернуться в город. Эль летел на предельной высоте, и я поглядывал вокруг. Белые зубцы облачных гор, небо над облаками чистое, удивительно ясное... Мне почудился голубоватый шар вдали. Неподвижный, словно мертвый... Потом он пропал.

Как бы я назвал эти экипажи, свободно передвигающиеся в пространстве? Шаролеты? Гравилеты? И что там, справа за стеклом? Да нет, показалось... Моего желания увидеть их далеко не достаточно, чтобы шаролет появился здесь, рядом. Даже если мое желание угадано... или прочитано, как читают, например, мысли и желания по выражению глаз у ребенка. Бесконечность нельзя преодолеть в мгновение ока, да и любое конечное расстояние тоже.

Дальше случилось вот что...

Край солнца за моей спиной почти угас. На стекле я увидел оранжево-желтые пятна. Их было четыре. Они перекрывались на половину диаметра, и место их пересечения было чуть бледнее, чем круги-лепестки. Иллюзия, бесспорно. Я повернулся лицом к стеклу — круги не исчезли. Держались на нем. Только медленно поплыли в сторону. За облаками тлели последние искры солнечного тепла. Я разглядывал рисунок на стекле. Круги начали соединяться, слились в один. С минуту рисунок плавал на стекле, потом неожиданно исчез.

Оптическая иллюзия, что же еще. Другое объяснение, пожалуй, не подходило. А почему, собственно, не подходило? Сложно все...

Я набрал код команды для автоворителя и откинулся в кресло. Эль нырнул вниз, в темно-зеленый просвет между облаками. Солнце уходило за лесистый гребень сопки. Внизу раскинулся город.

Эль приземлился рядом с домом. Тут все было по-старому, я медленно поднялся по лестнице, открыл дверь, зажег свет. Радостно проверещала ручная белка. Я ушел в спальню, не раздеваясь лег и проспал до утра.

Потом был суматошный день в редакции, и к вечеру следующего дня я отрещился почти от всего, что связано с Солнцеградом, как будто был там давно-давно.

Метеоспутники предсказывали неблагоприятную погоду.

— Возможен тайфун, — сказал мне в редакции Никитин, — но это не страшно, пожалуй.

— Это плохо, — сказал я, — отражатель этой солнечной машины похож на парус. Снесет его. Откуда прогноз?

— Прогноза пока нет. Будет завтра.

— Интуиция?

— Звонил один синоптик... сам решает уравнения, машинам не доверяет.

— Посмотрим. Коли так — Берег Солнца под угрозой. Но вести есть?

— Метеорит шлепнулся. В нем нашли сто девять алмазов.

— Естественно. Давление, температура. Если графит буксировать на орбиту, а потом сбрасывать вниз — алмазы только подбирай! Был такой проект.

— А я не слышал об этом.

— Нет, Андрей, не уважаешь ты жанр научного предвидения. Тебе бы в физики ненадолго податься. Образование пополнить.

— Смеешься?

— Нет. Хотел, да вдруг раздумал. Какая от этого мне корысть?

— Ну то-то. А то бы не сказал...

— Не удержался бы...

— Ей-богу, не сказал бы. Промолчал.

— Все зависит от того, что ты собирался сказать. Если про «Гондвану», то поздно, я сам знаю. Молчи себе на здоровье.

— Знаешь, да не все. К тебе тут приходили.

— Кто?

— Старичище один.

— Энно, значит. Куда они теперь?

— Пока стоят здесь. Говорят, скоро к Берегу Солнца.

— Пойду с ними. Похлопочи, чтоб отпустили.

— Ты уж совсем туда перебираися, что ли.

— Это мысль. Ты иногда рассуждаешь как взрослый.

— Это лучше убеждает таких, как ты.

— Ты на настоящем корабле плавал?

— Зачем? Есть эли и полная связь.

— Да. О вкусах не спорят... я пошел.

— На «Гондвану»?

— Нет. Сегодня на ночь забегу домой, а завтра — в редакцию.

— Тогда до встречи.

— До завтра.

* * *

Было тихо, хорошо, солнечно. Близился вечер. Я вспомнил прошлогодние прогулки и улетел в тайгу. За тридевять земель. На это ушло полчаса. Забрался в незнакомое место, искупался в озере. На песчаном плесе по щекам мягко били плюшевые верхушки рогоза. В широкий ручей зашла стая форели, я гонялся за рыбой. Стало весело. Как рукой сняло усталость. Для того

и жить теперь, чтобы забывать, что было раньше. Память — это след огня на стекле эля, но не сам огонь.

Под рифмы стихов и звон ветра я побежал на вершину холма. Строчки путались в голове, я захлебывался ими и начинал другие, новые, чтобы и их отвергнуть через минуту.

Незабываемо солнце, если оно висит над холмом, — большой красный шар. Теплый-теплый. Лучше, чтобы на вершине была редкая трава, сухая земля, чтобы бегали муравьи и стрекотали серые кузнечики. Тогда один час стоит целого дня.

На этот раз мое желание исполнилось. Холм был именно таким.

Я наблюдал, как опускалось солнце, и подставлял ему ладони, и чувствовал тепло, пронизывающее меня так, что по спине бегали муравьи. Вокруг сияние, даже под ногами. Золотые и серебряные нити паутины и сухой травы; вдали зеркало воды, гранитная влажная скала у ручья, брызги.

Я лежал на спине. Трава не закрывала меня от лучей. Они все равно грели лицо и руки. Иногда тревожил тишину несказанного вечера смятый крыльями птиц воздух — слышалось как будто бы движение спешившего зверя, его частые хищные вздохи — это крылья стрижей на поворотах резали предзакатную синь. Я уснул.

Какая-то тревога разбудила меня. Хватился и не нашел подаренный Валентиной приемник — вещицу совсем крохотную, которую я носил вместо брелка. Прямо передо мной, над самым горизонтом, горело красное солнце. Пылающий тревожный закат... От солнца исходило последнее слабое тепло, я впервые видел его таким большим... как будто расстояние до него сократилось, и потому даже остывающий шар еще грел. Я встал на колени и принялся шарить в траве. Разворочил муравейник у старого пня, где муравьи прорыли ходы среди сухих корней. Потом спустился в лощину, стараясь идти той же дорогой, какой шел сюда. Перебирал звонкие трубки камыша у студеного ручья, резал руки осокой. Подарок Валентины исчез.

Солнце закатилось. Холм стал сумрачным. Я побрел к элю широкой просекой, открывшейся среди деревьев. Нашел эль, добрался домой. На столе увидел брелок. Я забыл его утром взять с собой.

ЗДРАВСТВУЙ, «ГОНДВАНА»!

Полдень. Солнце. В километре от меня покачивалась «Гондвана». Но так лишь казалось — ленивые пологие волны обтекали ее борта, теплое марево укачивало ее, и глаза мои беспомощно искали точку опоры у зыбкого окоема.

Я ждал Энно. Мы договорились встретиться в полдень, но он опаздывал, и я поглядывал в ту сторону, где высился над водой корабль. Наконец, черная точка... Лодка, шлюпка, каноэ, плот, индейская пирога или долблена. Что угодно, только не эль. Я успокоился: все было в порядке. Вошел в воду и лег на спину. У меня еще было время.

В это мгновение запомнились: пассажирский терраплан с выпуклыми стеклами над морским берегом на фоне сосен и пихт, спокойные волны, аромат смол, серая галька, тишина...

...Мы обнялись. Я оделся и забрался в каноэ. Традиционная морская прогулка — и вот «Гондвана».

У самого борта стоит и улыбается Соолли.

В прошлом году на Байкале она встретила Янкова. И теперь он прилетал сюда на эле, как когда-то я. Она верила, что он скоро переберется на корабль. Навсегда. Я не стал ее разочаровывать.

Что она делала на Байкале?.. О, это интересно. Люблю ли я сказки?.. Я кивнул. Так вот, это похоже на сказку.

Что я знаю о живой воде?.. Ничего.

Соолли сказала:

— Мы нашли живую воду. В источниках на дне Байкала. Потом нашли ее в вулканических трещинах. Собирали по каплям. И поняли, что строение самого простого, всем известного вещества может быть бесконечно разнообразным. Молекулы могут объединяться в нити, заряженные на концах, или нейтральные, даже в тончайшие пленки жидких кристаллов. Особые добавки, примеси так изменяют строение, свойства, что невольно поверишь легенде. Но чаще всего необыкновенное проявляется после контакта с подземным огнем, когда невиданные давления выстраивают частички вещества так, что получаются узоры. Тонкая филигрань их прозрачна, незаметна, достойна удивления...

— В метеоритах алмазы рождаются при столкновении с Землей. И тут тоже давления, температуры...

— Алмаз можно увидеть, его не спутаешь с графитом. Живую воду не заметишь.

— Скоро в океане станет светлее. Воду перемешаем с солнцем. Тогда пятая стихия восторжествует.

— Восторжествует.

Представить это нетрудно. По тысячам световодов побегут потоки мерцающих блесток, они соединятся в светящиеся дорожки, будто рухнет горка из детских стекляшек. Светло-зеленую воду пронзят копья лучей, тень отступит в холодные глубины. А где свет, там фотосинтез, жизнь. Вслед за водорослями поспешат освоить глубины другие организмы — разные коловратки, инфузории, ракчи. Живность начнет фильтровать воду, жадно поглощать зеленую массу и расти как на дрожжах. За ней придет рыба.

Хорошо бы сделать так, чтобы плотность мельчайших существ была повыше, чтобы вода стала от них густой, как кисель. Глотнул кит такого морского бульону раз-другой и сыт по горло...

ТАЙФУН

...Вечером 29 августа тайфун прошел Японские острова, опрокинув мост между Хонсю и Кюсю, вышел снова на просторы моря и начал продвигаться к Берегу Солнца. Его воронка была небольшой, около двухсот километров, но скорость ветра у ядра превосходила все, что было известно до сих пор: никто не помнил такого урагана. Тайфун нарекли «Глория».

Мы с Энно склонились над картой. С точностью до часа он наметил движение тайфуна в Японском море. «Гондвана» снялась с якоря. Оставаться у берега было опасно. Энно вел корабль

к югу, чтобы разминуться с ураганом. Выходило: он заденет нас краем.

«Что там происходит?» — думал я поминутно. Там — значит, в районе Солнцеграда...

— Решено покинуть всем побережье, — пришла первая весть оттуда.

Через полчаса:

— Эвакуация окончена.

Старик оторвался от карты. Глаза усталые, лоб в глубоких морщинах, седые рассыпавшиеся волосы. В глазах тот же вопрос: что будет?

Отражатель, собирающий лучи, унесет, сомнет ветром. Он похож на парус, на огромную бабочку. Волна, рожденная ураганом, ворвется на берег, разрушит все на своем пути, дойдет до подножий сопок. И склынет в море, оставив пустынный, мертвый берег. Вот о чем мы думали.

Если бы готовы были поглотители, тогда солнечные лучи можно было поймать в ловушку. А теперь? Без охладителей Солнце сожжет берег. Это пострашней тайфуна.

Об Ольмине никто ничего не знал.

Ольмин остался там! Я высказал догадку Энно.

Энно посмотрел на меня так, будто я был в чем-то виноват.

— Он остался, ты понимаешь? Он не отвечает на вопросы. Что он затеял?

— Не знаю... не знаю.

Но я уже догадывался: он остался для того, чтобы провести эксперимент. Чтобы поймать солнечное тепло в ловушку. Используя вместо поглотителей сам тайфун, он хочет заставить его сработать на эксперимент: ветер мгновенно перемешает тепло и холод, поможет первой космической машине человека. Избыток энергии рассеется в двухсоткилометровом кольце урагана. Ветер заменит охладители, которые еще не готовы. Стихия против стихии!

— Тайфун — гигантская тепловая машина. — Вот что передал Ольмин через несколько минут. — Он будет работать вместе с нами.

«Вместе с нами...» Как будто там был еще кто-то. Нет, с ним никого не осталось там. Ни одной живой души. Он всех отправил подальше от Берега Солнца. Даже Телегина. Он не имел права рисковать ничьей жизнью. Ничьей, кроме своей собственной.

Он все знал заранее. Он готовился. И молчал... Ну да, ему же могли помешать. В первый раз он никому не сказал правды. И теперь он был там. А я?..

ПОБЕГ

Даже когда побережье таранят муссонные беспокойные ветры, Ольховский начеку: эли под укрытием, улететь с «Гондваны» можно только в самом крайнем случае. Что уж говорить о тайфуне?..

— Тайфун — это серьезно, — почти ласково пророкотал

Ольховский, и я с готовностью кивнул. Я изо всех сил старался быть похожим на человека, который осознает опасность.

На юте «Гондваны» настоящий автопарк: эли стоят рядами, простые и универсальные, подводные и стратосферные; дальние и разведочные. Коллекция, любовно пополняемая Энно, внушиает почтительное уважение к достижениям техники, но какой прок от этого собрания, если в кармане нет магнитного ключа? Ключ от укрытия — это все. И будь он у меня, я не пошел бы к Ольховскому.

— Что вы знаете о тайфуне? — спросил он.

Вопрос показался мне чисто риторическим, но я вежливо ответил на него:

— Это ураган. Во время тайфуна нужно быть предельно собранным и внимательным.

— Да, с тайфуном шутки плохи. Знаете ли вы, скольким ядерным зарядам эквивалентна мощность «Глории»?

— Я читал, это поразительно...

— Тридцать тысяч крупных ядерных зарядов, — перебил он меня. — Вот какова энергия этого тайфуна. Это далеко выходит за рамки явлений, способных только поразить воображение. Как вы думаете?

— Пожалуй, — согласился я.

Теперь мне ясна стала тактика Ольховского; за беседой время пролетит незаметно, а там видно будет.

— А знаете, сколько атомных зарядов в обычной грозе? — спросил я, в свою очередь.

— Немного, — ответил Ольховский.

— Девяносто, — соврал я.

— Возможно, — снисходительно согласился он.

— В детстве мне приходилось гулять в грозу босиком тем не менее.

— Дети — смелый народ. Да что дети, и родители иногда попадаются отчаянные. Кое-кто именно в недостаточном воспитании ищет корни безответственности. Впрочем, это особая тема.

— Отважные летчики, бывало, пересекали тайфун на самолетах. А для современного эля это вовсе не проблема. Любой из нас кинется в тайфун, не задумываясь, если речь идет о жизни другого человека. О деле, наконец.

— Вы правы, любой способ хорош, если он последний, вынужденный. Я думаю, Ольмин откажется разделить место в эле. Как ни уговаривай, он не согласится покинуть Берег. Впрочем, его еще надо найти там.

— Но попробовать стоит. Это наш долг.

— Ну еще бы! К нему уже послали два автоматических терраплана с приказом эвакуироваться. Давайте обсудим, в какую именно точку побережья направить автоматический эль. Мне кажется, он может находиться сейчас неподалеку от главной станции, например возле отражателя. Как вы думаете?

— Говорят, он молчит. Только радиоавтомат передает сводку об эксперименте. От его имени.

— Это детали.

— Думаю, можно нащупать и то место, где он сам. По линии связи. Уверен, что быстро найду его.

Наши взгляды встретились. До этого мы думали каждый о своем.

Между нами вдруг встала Валентина. Я не знаю, как это получилось. Но я вспомнил о ней. И, как видно, он тоже.

— Шутки в сторону, — резко сказал Ольховский. — Эль вы не получите. И хватит об этом.

— Мне нужна машина! — твердо сказал я.

— Зачем?

— Помочь Ольмину. Вы хоть понимаете, что там происходит?

— Он сумасшедший!

— Как вы смеете!..

— Вы не получите машину!

* * *

На палубе было сумрачно, сырьо, скользко, косой дождь хлестал с того самого часа, как мы отошли от берега. За спиной остался гостеприимный причал маленького тихоокеанского островка. У «Гондваны» начинался новый долгий маршрут: завтра не-бо станет ясным, ветер утихнет, откроется простор. А я?

И тут я наткнулся на Энно. Он быстро шагал мне навстречу, наверное, спешил укрыться от непогоды в каюте. Я загородил ему дорогу.

— Энно, мне нужен эль!

— Ты говорил с Ольховским?

— О чем с ним говорить!..

— Упросить нельзя?

— Ну что ты меня пытаешь?! У тебя есть ключ или нет?

— Я сдал его.

— Ну да, я и запамятовал, Ольховский отвечает за людей, а ты за машины, и потому все так удобно здесь устроились.

— Что ты говоришь?!

— Пойдем! — Я взял его за рукав и повел. Он послушно шел за мной, даже не пытаясь освободить руку.

Мы подошли к элям. Они стояли, поблескивая крутыми выпуклыми боками. Над ними опрокинулся купол, похожий на огромную линзу, — защита от непогоды. Я ударил кулаком по голубоватому прозрачному пластику. Он спружинил и отозвался мягким певучим звуком.

— Давай ключ, — сказал я Энно. — Я все возьму на себя.

Он молчал и грустно улыбался. Тогда я понял, что у него действительно нет ключа. Ни при себе, ни в каюте. Энно, Энно, подумал я, не так уж часто я встречался с тобой, но успел выдумать тебя с головы до ног, и вовсе ты, оказывается, не такой, каким показался мне в тот первый день, когда мы охотились на манту.

Я отпустил его. Он пошел, ссутулившись, потом оглянулся, остановился, словно раздумывая, снова подошел ко мне.

И мы вместе попытались открыть входной люк укрытия, долбили голубой пластик ломом и пинали его ногами, и поджигали с помощью старинной паяльной лампы, которую Энно хранил в своем сундучке, резали самозатачивающимся старинным кинжалом и просто ножом. И, обессилев, царапали алмазом, поливали химиальями и снова пинали ногами и били кулаком.

А потом старик, запыхавшись, принес под плащом лучевой пистолет, что меня немало удивило, и мы палили поочередно, словно по мишени, по входному люку укрытия. Пластик пружинил и с певучим мягким звуком возвращался на место, в мгновение ока затягивая раны и рубцы.

Через четверть часа я изнемог, и мы ушли, побежденные, покорившиеся, тихо, как отходят шлюпки от ночного прибала.

Я мучительно искал выход. Если связаться с Никитиным? Через час, от силы через два он будет здесь, на борту «Гондваны». Полетим вместе. Или нет... лучше я его оставлю здесь на некоторое время. Но как осуществить этот простой план, если даже обычный видеотелефон расположен в каюте Ольховского? Вторая установка у его помощника, но воспользоваться ею тоже нельзя без его ведома. А в том, что согласия на прибытие эля не будет, я не сомневался. У Ольховского неуязвимая позиция: он считал, что отвечает за меня. Переубедить я его не мог. Потому что он был прав. Как же он примет Никитина, если тому надо следовать прямехонько через кольцо тайфуна, а если обогнуть его, то воздушная экспедиция лишится смысла из-за невосполнимых потерь времени. Уж он-то сообразит, что будет после... придется разрешать Никитину обратный вылет. Или мне вместо него. Или нам обоим.

Ольховский дал мне понять, что лимит несчастных случаев на «Гондване» полностью израсходован. И я не мог возразить.

Моя безопасность была сейчас превыше всего: я был гостем «Гондваны». Абсурд: разве я не мог распоряжаться собой? Обо мне проявляли трогательную заботу. За этим могло скрываться что угодно: соображения безопасности, боязнь ответственности, нежелание ломать себе голову над чужими проблемами, то есть попросту безразличие. Или все это сразу вместе? Голова сделалась тяжелой, я готов был возненавидеть его без достаточных, впрочем, на то оснований. Только через несколько минут я взял себя в руки. В конце концов так можно что угодно выдумать и самому поверить выдумке. А потом вооружиться, например, дезинтегратором или микропистолетом, наподобие тех, что так ловко пускают зайчик, когда нужно обновить коллекцию экспонатов биологического музея. И предъявить права человека, который волен всегда и всюду безоговорочно распоряжаться собой, а значит, и другими... Так выходило.

Меня охватило оцепенение. Я закрыл глаза, даже задремал, но все слышал: малейшие шорохи, чьи-то шаги за переборкой: улавливал мерные всплески волн за бортом. «Гондвана» шла полным ходом, расстояние между судном и Берегом Солнца быстро увеличивалось. Я все лежал и старался забыться: а вдруг во сне произойдет чудо?

Становилосьтише, как будто уши заложило ватой. Но я вдруг понял, что за дверью кто-то стоит. Да, я слышал шаги, но у моей каюты звук растаял. Там кто-то затаился. Я лежал без сил и почему-то не мог пошевелить даже пальцем. Но все понимал. Голова стала ясной.

Чье-то дыхание... Может быть, это лишь показалось мне, но кто-то там, в трех шагах от меня... Дверь стала медленно от-

крываться. Только после этого раздался тихий стук. Я разрешил войти. Из-за портьеры в комнату вошла женщина.

Я молча смотрел на нее и в первые мгновения не узнавал. Лицо ее было знакомым, как лицо актрисы, которую случайно видел в старом кино, но название ленты давно вылетело из памяти, и, кроме подсказки, не на что было и надеяться. Надо же..

Она не без любопытства разглядывала меня. Я встал и предложил ей стул. В моей голове вспыхнуло: Аира! И это имя я произнес вслух. Она не ответила, как будто догадка моя не имела для нее ровным счетом никакого значения.

— У меня к вам просьба, — сказала она спокойно.

— Егорая просьба, — уточнил я, — первую мне удалось выполнить. Когда-то вы попросили рассказать о женщине со звезд...

— Да, — просто сказала она, — это была я.

— Тогда вам без труда удавалось изменять... Изменять внешность.

— Это совсем нетрудно.

— Я слушаю вас.

— У меня мало времени, чтобы подробно рассказать вам...

— Жаль. У меня его сколько угодно.

— Значит, я могу надеяться...

— Разумеется.

— Я вам верю. Вы ведь знаете, что я работала с Ольминским? И знаете, почему я это делала? Так вот: никогда еще так не нужна ему была помощь, как сейчас.

— Я это знаю. Дальше.

— Вы сможете...

— Помочь ему?

— Да.

— Нет. Пока не будет эля — нет.

— Это пустяки.

— Вы дадите мне эль?

— Если вы хотите ему помочь.

— Что за вопрос! Но не оставите же вы мне свой эль? Тогда вам придется встретиться с экипажем этого славного дредноута, и если когда-то вам удалось скрыться от меня, то теперь ситуация может оказаться другой.

— Я достану эль.

— Мне нужен магнитный ключ.

— Хорошо. Ждите меня.

Она выскоцила из каюты, а я смотрел и смотрел, как медленно опускалась портьера, потревоженная волной воздуха, слетевшей с того места, где только что стоял человек.

Я опять лег и стал размышлять. Маски были сорваны. Ради чего? Ради успеха нашего дела? Конечно. Но не только... не только.

Когда она вернулась, в голове моей почти сложился ответ. Пошло едва ли пять минут. Аира протянула мне руку, на ладони ее лежал ключ с магнитным кодом. Тонкая теплая рука, на запястье — зеленый браслет.

— Как это вам удалось?

— Это копия. Ключ остался у Ольховского.

— Еще лучше. Вас подкинуть к берегу?

Я внимательно смотрел в ее темные прозрачные глаза.

— Я сама, — сказала она и вдруг спохватилась: — У меня другие дела.

Я вышел на палубу. Пробрался к элям. Облюбовал один из них, похлопал его по обшивке, как некогда ковбои похлопывали верховых лошадей. Только у меня для этого жеста были основания иного порядка: тайфун над океаном — это не дымок над вигвамом в прериях. Обшивка не пропускала звук, не отзывалась на удары и похлопывания — то, что надо.

Аира стояла за моей спиной. Я махнул ей рукой и вскочил на усердливо подставленную элем ступеньку. И вдруг я услышал:

— Спасите его!

Любовь. Стихия. Любовь?.. Да. Снова став Аирой, она не смогла совладать с ней. Не смогла...

Она стояла на том же месте, я уже был в машине и уже поднимался в воздух, а в ушах моих звучало:

— Спасите его!

СЛОВА И СЕРДЦЕ

Холодное стекло эля. За ним вода, волны... Точно все повернулось вокруг невидимой оси. Неожиданный страх. Страшно смотреть на всхолмленную темную пустыню. На ней свинцовый налет, под ним — равнодушная глубь.

Вдруг словно провал в сознании. Погружение во тьму и медленное возвращение. Как тогда, летом, на берегу. Тревожное забытье, беспамятство, боль, холодный туман перед глазами. Ах, как сжалось сердце! Быстрый вдох. Глоток воздуха, еще один...

И потом ощущение полета. Снова жизнь.

А за стеклом вода, мглистая пелена, серые крылья бури. О чем там гудит ветер? О сказочном острове? О наших следах на песке, которые он давно засыпал?

Я понял: что-то изменилось во мне. Что-то изменилось. Вдруг. Сейчас. И не надо искать объяснений на языке слов. Об этом мог бы рассказать неслышимый язык сердца.

*«Как то, чего нет еще, что как намек
в порывах робко тревожных
растет как подснежники, как вьюнок
у ног берез придорожных,
как зелень ликующим майским днем,
как паводка буйный подвиг,
как ласточки, что бороздят окоем
по две...»*

*«Как вольный, широкий полет орла,
как светлая власть над Словом —
такой она в сердце моем жила
и грузом легла свинцовыми».*

ВРЕМЯ ДЕЙСТВОВАТЬ

Пришло время действовать.

Я спешил. В открытом море тайфун поднял высокую волну. Что же будет, когда ураган войдет в зону мелководья? Я слышал, такие волны бывают с пятиэтажный дом. У берега уровень воды сначала будет медленно подниматься. Потом наступит перелом. Уровень прыгнет вверх, всененная стена обрушится на сушу, сметая все на своем пути. Может быть, только вершина ильма будет минуту-другую торчать над потоком. Потом и этот ильм у подножия сопки смоет.

После таких ураганов очевидцев, как правило, не остается. Где-то Ольмин? Я включил связь. Повезло! Он откликнулся сразу:

- Это я
- Вылетел к вам, скоро буду.
- Зачем?
- Помогать вам.
- Не успеете, остались считанные минуты.
- Успею.
- Мое время истекло. Чем вы поможете?
- Видите ли... — И я вдруг сказал ему о той старой-престарой статье, автором которой был он и которая меня когда-то так поразила.

— Связь окончена, время истекло, — повторил Ольмин.

У него был сухой, чуть надтреснутый голос. Я едва узнавал его.

Между моим элем и берегом шел тайфун. Я перегонял его. Где-то впереди, не так уж далеко от меня, ежесекундно взрывались десять атомных бомб — такова сила стихии. Самой простой, казалось бы, стихии, но мне еще предстояло ее одолеть. Тайфун шел со скоростью около ста километров в час, я хорошо видел его на экране — черный «глаз бури» и белые, спирально расходящиеся от него полосы.

Я вошел в кольцо тайфуна. Пересек пояс туч и облаков. В центре кольца, в ядре его, было ясно. Стекла эля подрагивали от напора вихря, я слышал, как что-то шуршало, наверное, быстрый ток воздуха электризовал обшивку. Потом возникла вибрация, я погасил ее, сделав маневр: нырнул вниз и снова поднялся. Эль накренило. Я выправил его.

Прошла долгая минута.

И тогда над невидимым далеким берегом просиял свет. Лучи его пролились желтым пламенем, упали каплями сияющей меди. Само Солнце дохнуло теплом, и это дыхание прожгло ураган, подняло еще выше серебряную корону волн, взвилось вверх алыми цветами, огненными листьями — прямо в синие разводья горячего неба. В памяти осталась лишь фотография этого мгновения.

Свершилось? По аварийному каналу связи я принял радиограмму с Берега Солнца:

«Измерения по проекту «Берег Солнца» показали совпадение параметров солнечного жгута с расчетными. Общий уровень энергии, просочившейся через отражатель и прошедшей к поглотителям, не более чем минус десять децибел. В случае моей

гибели система телеуправления произведет запуск ракеты с материалами исследований. Ракета приводится за пределами области, захваченной тайфуном. Координаты (долгота, широта).

Физик-исследователь Ольмин».

Я пытался представить, что там произошло или должно было произойти...

Стена воды подошла к заливу. Ольмин, наверное, еще готовил аппаратуру. Потом вспыхнул жгут. До этого момента Ольмин ни за что не ушел бы (он сообщал о своей безопасности только для того, чтобы оставаться). У него еще было время, но он не спешил. Несколько минут понадобилось, чтобы прочесть показания приборов. Потом передать радиограмму. Ветер и вода, быть может, уже опрокинули отражатель, смяли его, как лист бумаги. А он еще хотел убедиться, что тайфун заменил поглотители, зарегистрировал температурное поле. Потом последовала реакция атмосферы: из-за повышения температуры воздушный вихрь стал сильнее, потом...

Кадр за кадром разворачивались в моем воображении события. Вал обогнул мыс, вошел в зону мелководья, поднявшись мутным зеленым гребнем. Ветер сбрасывал вниз последнее из того, что было создано, построено, наложено. Вал накрыл берег...

* * *

...Стальной, упругий звук — ветер боролся с моим элем; он казался теперь сильнее. «Дела неважные, — подумал я, — вот подхватит сейчас буря, понесет над морем Вон что делается вокруг: косохлест, пар, пена морская».

Сверкнуло. Высоко-высоко. Наверное, в ионосфере. Свет был синим, быстрым, неуловимым. Вторая вспышка тоже где-то в ионосфере или еще выше. Заметались отблески. Как игра споловых. «Берег Солнца еще живет, — подумал я, — мое воображение слишком торопится».

Снова луч. Мелькание узоров, летучее пламя над головой, потом багровое свечение неба. И ветер, ветер, пытающийся содрать обшивку эля...

Удар. Эль дрогнул. Обшивка его разошлась. Свежий воздух толкнул меня в грудь; я упал, поднялся, вцепившись руками в кресло. Горькая чужая мысль: «Вот и все».

На полу эля билась большая птица. Белая, обезглавленная. Ветер, ворвавшийся в эль, трепал ее сломанные крылья, точно и здесь не хотел отпускать ее. Я удивился: как это птице удалось пробить обшивку? Эль держался над водой. Нас развернуло, и пробоина оказалась с подветренной стороны.

На моей одежде светлые сгустки крови. Холод, сырость... Скорость уменьшилась, но машина продвигалась, шла! Одной рукой я придерживался за кресло, другой потрогал лацкан пиджака. Кровь. Не моя. Второе пятно на кармане. Липкое, холодное на ощупь. Внутри, в кармане, что-то твердое. Достал, поднес к глазам... коралловая бусина.

Вспомнил вдруг оочных огнях в тайге, припомнилось, как по стеклу эля полз желтый круг. Это когда я летел в город.

* * *

Иссиня-темные тучи, оперенные облаками... Я теперь видел их не только на боковом стекле, которое служило экраном, а и невооруженным глазом. Там, впереди, край сердца тайфуна. Невидимое бормотание донеслось до меня, вслед за ним — раскатистый удар. Как напоминание или как предупреждение.

Я встрепенулся. Солнечный жгут, рукотворная молния с запозданием напоминали о себе. «Теперь держись», — подумал я.

Эль все время двигался навстречу звуковой волне. Наконец мы встретились с ней. Еще раз грохнуло, сильно, резко. И это было только начало. Мгновение относительного затишья — и вдруг...

Гром небесный!

Казалось, взорвался воздух вокруг. Его сущения и разрежения были почти осязаемы. И самые низкие тона заставляли дрожать эль. Острая боль пронзила уши. Я глотнул. Когда утихомирились первые раскаты, неслышимая сила все еще сотрясала меня. Гравитация и скорость уже не властны были надо мной и машиной: все пространство заполнил инфразвук.

И снова: «Руудр! Рудр, рудр!» Грохот, который представить трудно. Я вжал голову в плечи, потом поднял колени и уткнулся в них; закрыл глаза и ждал новых ударов. И за ними следом пришла инфразвуковая волна, неслышное, грозное эхо. И боль в ушах, и синие пятна в закрытых глазах, и дрожь поврежденного тела. Я бросился на пластиковый пол, инфразвук укачивал меня и сжимал в комок. Эль бросило вверх, потом вниз, видно, что-то случилось с автопилотом...

Снова удары. Пронзительный, стоголосый гром: «Руудр! Руудр!» Машину затрясло. Мы коснулись воды. За стеклом — белопенный фонтан. Еще толчок. Я чувствовал губами холодный трепещущий пластик (я надеялся продержаться еще несколько секунд). Волны ворвались в пробоину.

Серо-зеленая мутная вода подобралась к моим ногам, от нее веяло свежестью; белые пузыри лопались, обдавая меня колючими брызгами. Я подложил руки под голову и лежал так некоторое время, сжимаясь при каждом ударе. Потом попытался встать.

Звук опрокинул меня. Особенно сильный удар... Он пришел откуда-то сверху. Вода захлестывала. Раскаты стали удаляться. Машина наклонилась вперед... назад. Я понял: автопилот зазарбатал снова. Он поднимал эль.

Выше. Еще выше. Мы вынырнули, подскочили над водой, и только сейчас я понял, как трудно было моему помощнику — электрической машине... Вверх, вверх. Море отступило, оставил нас. Вода нехотя уходила из кабины.

Я поднялся. Рука моя рванула ворот рубашки, как будто только того и дожидалась, чтобы хоть на мгновение освободиться от моей власти. С волос стекали на лицо соленые струйки.

Открыл глаза. Прямо передо мной, на мокром полу алеяла бусина. Взгляд искал мертвую птицу. Я повернулся голову. Птицы не было. «Ее смыло водой в море», — подумал я и успокоился. Мысли были медленными, ленивыми да и тело совсем не

слушалось меня. Наверное, что-то случилось с глазами: контуры приборов передо мной расплывались.

Взгляд вернулся к бусине. Она тоже расплылась радужным пятном. Мне показалось, что такое же пятно вдруг откуда ни возьмись появилось на стекле... За стеклом. Глаза опять стали зоркими.

И тогда на зыбкой грани двух миров — подводного и надводного, — там, где серые космы пены смешались с низкими языками тумана, я увидел вдруг жемчужный шар. Он был как огромный эль, летевший над водой, как бы увеличенная копия моего эля. Легко, споро шел он над волнами. Поднялся и шел впереди меня. Я подтягивался за ним — он удалялся. Я чуть свернул в сторону — он сошел без промедления со своего пути и повторил мой маневр. Как тень моя.

Как тень... Я свечой взмыл вверх и увидел, что шар чуть отстал. Это меня обрадовало. «Посмотрим еще, кто лучше летает», — подумал я. Передо мной возникли темные крутые бока облачной стены — край «глаза бури». Шар то скрывался в тучах, то появлялся в их разрывах, иногда рядом со мной.

Между воспоминанием о коралловой бусине и этим светляком-гигантом угадывалась связь. Память озарила вспышка: давний сон о незнакомке, теперь он казался мне снова сущей правдой — никаких сомнений в подлинности! Бусина-то ведь у меня осталась. И как будто снова услышал я ее голос. Спокойные звуки как музыка, как шорох листьев, как вешние звоньки ручьев. Не слова. Только звуки. Я догадался о значении их. Уже знакомая мне, близкая, привычная мысль высутилась отчетливо и ясно. Линии событий пересекались, образуя почти математические фигуры. Но точно молния прочерчивала их рисунок светящаяся линия. Так вторгдалась стихия. Какая же?..

Снова звуки. Те звуки, что напомнили музыку, ручьи в распадках, ветер — тише, тише... они словно обещали помочь. Я понял: ведь стихия эта — разум! Его проявления более всего и похожи на стихию, если только мысль наблюдателя не в силах уследить за ними.

Я прикоснулся к тайне. Но теперь и мой собственный разум был сродни этой стихии, я сам был ее частью. Я стал другим. Годы сделали свое дело...

* * *

...Тишина. Гул ветра внезапно смолк. Даже близкие тучи остановили свое движение. Как во сне.

Да это и был сон.

Рядом со мной незнакомка, та самая, я сразу узнал ее. Она была в эле, рядом со мной. На шее ее коралловые бусы. И одной бусины как будто не хватало. Я только смотрел на нее и не проронил ни слова, пока она сама не заговорила.

— Есть у вас желание?, — спросила она мягко. — Теперь я могла бы его исполнить.

Я задумался, потом ответил:

— Нет. Пусть все будет так, как есть.

Удивительная улыбка осветила ее лицо.

— Я не об этом, — возразила она, и я понял, что она хотела сказать.

— Тогда пусть минуты, которые пройдут во время нашего разговора, вернутся ко мне. Не отнимайте у меня их.

Она рассмеялась. И я увидел, как заразительно умеет она смеяться. Я тоже улыбнулся, но совсем другой, невеселой улыбкой. Должно быть, я неважко выглядел: волосы спутаны, на костюме пятна крови, рубашка разорвана.

Лицо ее стало серьезным, как будто она читала мои мысли. Наверное, так оно и было.

— Это само собой разумеется, — сказала она.

— Если можно, — попросил я, — если можно, я хотел бы видеть Землю. Не Землю вообще... понимаете?

— Да, — тихо ответила она.

— Конечно, Берег Солнца я смогу увидеть только сам, — предупредил я возможное возражение. — Ведь иначе это будет как бы вмешательством в эксперимент, я заранее буду подготовлен..

Она кивнула.

...Я увидел странно-спокойное море и берег. Было ясно, светло. Под скалой застыли волны, над ними остановились ветры. Место было дальнее, незнакомое. Потом синее пространство, овеянное дымкой. Я летел над тайгой. Серые и голубые ленты рек. Крутые берега, глыбы гор, долины

Передо мной открывались русские космические просторы. На краях обозримого пространства впереди меня сиял свет и за плечами моими сиял свет, за спиной моей отступали все дальше излуки великих рек и складки земли.

Возникали светлые леса, сквозь сумятицу листвы я видел поляны с травой и цветами, и кустарники, и поля, открытые ветрам.

При моем приближении над головой оживали золотистые облака. Внизу — города, мосты, холмы, обрывы, зеленые балки, озера с опрокинувшимся в них небом. Воздух был зеленоватым, чистым, как на рисунке акварелью. Солнце еще низкое, оно не успевало за мной; я увидел, как оно прикоснулось к земле, и как запыпал рассветный окоем, и как под сильными нежным огнем поползли длинные тени. Птичья стая низко-низко стелилась над землей, словно тоже торопилась вместе со мной...

И тогда я вернулся. Я снова был в своем эле. И грозная сила, перенесшая меня вдруг за тысячи километров, казалось, отступила. Незнакомки не было рядом. С минуту я еще мог различать летающий шар Он шел слева от меня. Далеко...

Мы еще поборемся, думал я. В этом весь смысл. И пусть вечен океан. И вечен огонь звезд. Пусть вечна Земля с континентами, рожденными древним материком Гондваной, и вечен ветер над ней. Стихии древних... Но, значит, вечна, неуничтожима жизнь. И вечна любовь. И вечен разум.

Я поднял эль выше. Шар отстал от меня. Его свет заслонили быстрые облака, караванами бежавшие над водой. Он остался за моей спиной, растаял.

Я спешил, очень спешил...

На север и на юг, во все стороны разбежались штормовые волны. Чайками пронеслись облака и скрылись под густыми туманами. Мой эль вышел из ядра тайфуна и устремился прямо

к берегу. Одно из стекол треснуло, и сквозь микроскопический зазор на мое лицо попадала водяная пыль. Ольмин был там, я верил... И спешил.

* * *

Непрерывен поток жизни, сильнейшей из стихий: она чем-то сродни и огню и воде, натиску ее не могут противостоять ни ледовые пики, ни океанские впадины, ни отдаленные от нас небесные тела, купающиеся в звездном море. За ней и рядом с ней идут любовь и разум — два начала созидания, две другие стихии, подобные светлому пламени и неукротимым ветрам над земными далями. Их действие порой незаметно, словно вечная работа рек, растяющих мели и острова близ своего устья.

...Что щадит время? То, что передано другим несказанной силой любви, искусства, разума, как это смогли сделать Аира и Ольмин. Иное исчезает. Волны размывают наши следы. Ветер засыпает прахом угасшие костры, которые когда-то нас согревали. Наши тени уходят с нами. Иначе и после смерти казалось бы, будто мы еще живы.

